

Н. КИРМЕЛЬ
В. ХАНДОРИН

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Н. КИРМЕЛЬ
В. ХАНДОРИН

КАРАЮЩИЙ МЕЧ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

КАРАЮЩИЙ МЕЧ
АДМИРАЛА КОЛЧАКА

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Н.С. КИРМЕЛЬ

В.Г. ХАНДРИН

КАРАЮЩИЙ МЕЧ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)611
К43

Рецензенты

Доктор исторических наук С.В. Волков
Доктор исторических наук, профессор Н.С. Ларьков
Доктор исторических наук, доцент В.Ж. Цветков

Кирмель, Н.С.

К43 Карающий меч адмирала Колчака / Н.С. Кирмель, В.Г. Хандорин. — М. : Вече, 2015. — 320 с. : ил. — (Военный архив).

ISBN 978-5-4444-2626-5

Знак информационной продукции **12+**

В годы Гражданской войны борьба с идеологическим противником велась не только на фронте, но и в тылу. Эта книга расскажет об организации, структуре и деятельности колчаковской контрразведки и государственной охраны Департамента милиции МВД. Авторы уделили большое внимание кадровому потенциалу этих структур, биографические сведения о многих руководителях губернских управлений государственной охраны приводятся впервые. Возглавляемые бывшими жандармскими офицерами структуры являлись надежной опорой колчаковского режима. С момента создания и до поражения белых армий в Сибири они результативно боролись с большевистским подпольем и эсеровскими организациями, квалифицированно изучали настроения широких народных масс, информировали руководство о причинах недовольства политикой властей различных слоев населения.

Работа рассчитана на читателей, интересующихся историей Гражданской войны, Белого движения и отечественных спецслужб.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)611

ISBN 978-5-4444-2626-5

© Кирмель Н.С., Хандорин В.Г., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

ВВЕДЕНИЕ

Новая и в особенности новейшая история любого государства неразрывно связана с деятельностью спецслужб, роль которых двояка и заключается, с одной стороны, в обеспечении безопасности страны от врагов внешних через посредство разведки и контрразведки, с другой стороны — в охране действующих (и сменяющих друг друга) политических систем и режимов путем борьбы с врагами внутренними (террористами, революционерами и т.п.). В России своеобразие социокультурного уклада общества, авторитарные традиции, изменение внутри- и внешнеполитической ситуации в различные исторические эпохи отводили спецслужбам особое место в системе государственного устройства.

В отечественной историографии общепринятым является (за редкими исключениями) разделение процесса эволюции отечественных спецслужб на два периода: до-революционный и советский, рубежом между которыми является 1917 г. При этом долгое время из поля зрения ученых-историков выпадали белогвардейские спецслужбы периода Гражданской войны.

Между тем деятельность последних занимает особое место в истории спецслужб России. Их специфика — в природе Белого движения. Не следует забывать, что оно возникло в кризисную революционную эпоху, как реакция на осуществлявшиеся советской властью преобразования, сопровождавшиеся колоссальным уровнем социаль-

ной напряженности и противостояния, ломкой не только прежнего государственного аппарата, но и всего уклада жизни общества и созданием небывалой экспериментальной модели мироустройства. В результате огромная страна (не без участия зарубежных игроков с обеих сторон) оказалась ввергнута в ожесточенную гражданскую войну между различными политическими партиями, движениями и социальными слоями российского общества. Крупномасштабные военные операции, восстания и диверсии в тылу, разрушенная экономика создавали угрозы для существования всех противостоящих друг другу политических режимов, возникших на территории бывшей Российской империи. Для обеспечения их безопасности с обеих сторон создавались специальные службы. При этом белогвардейские государственные образования, в отличие от Советской России, при их строительстве во многом опирались на дореволюционный опыт. В императорской России имело место полное организационное и функциональное разграничение между контрразведкой и политическим сыском. Контрразведка находилась в исключительном подчинении военного ведомства, а органы политического сыска — Департамента полиции МВД. После Февральской революции 1917 г. демократическое Временное правительство, упразднившее политическую полицию, объединило эти функции под эгидой контрразведывательных органов.

По образу и подобию спецслужб Российской империи были созданы белогвардейские органы разведки и контрразведки, а местами (при А.В. Колчаке) — и политической полиции (государственной охраны). Параллельно с ними борьбу с государственными преступлениями вели органы внутренних дел. Только на завершающем этапе войны

в Крыму и на Дальнем Востоке произошло объединение оперативно-розыскных служб под общим руководством.

За недолгий промежуток времени — шесть лет — они прошли все этапы развития: зарождения, становления, развития, зрелости, упадка и сошли с исторической арены вместе с их создателями — белогвардейскими режимами, оказавшись вычеркнутыми из человеческой памяти на долгие десятилетия. Победители не были заинтересованы в объективном изучении их деятельности, подменив глубокие научные исследования пропагандистскими клише, в которых контрразведывательные службы Белого движения представлены лишь репрессивными органами, а сотрудники — отпетыми негодяями и палачами, препятствовавшими трудящимся идти вперед навстречу «светлому будущему». Внимательное изучение документов показывает, что в реалиях Гражданской войны все было намного сложнее. Наряду с функцией защиты политических режимов, деятельность белогвардейских спецслужб была направлена на сохранение территориальной целостности и суверенитета России как внутри страны, так и на международной арене.

Особый интерес представляют органы государственной безопасности белогвардейского режима адмирала А.В. Колчака. Во-первых, уникальность их опыта в том, что в 1919 г. Колчак был признан всеми белыми правительствами и армиями других регионов России (Юга, Севера, Северо-Запада) в качестве Верховного правителя. Соответственно, все правительственные структуры — и в том числе спецслужбы — его режима строились с прицелом на всероссийский масштаб и как образец для остальных. Во-вторых, здесь изначально (в отличие от остальных белых режимов) была предпринята попытка возрож-

дения не только военной разведки и контрразведки, но и политической полиции по образцу жандармского корпуса Российской империи (при режиме генерала А.И. Деникина абсолютно разные функции криминальной и политической полиции объединялись в компетенции государственной стражи, что несомненно снижало ее эффективность). Наконец, в-третьих, А.В. Колчак сразу же начал широко привлекать в эти органы на ключевые и ответственные посты профессионалов царской жандармерии, чего избегал, в частности, тот же А.И. Деникин, одержимый либеральными комплексами и предубеждениями на сей счет (лишь на заключительном этапе эпопеи Белой армии Юга России это стал делать П.Н. Врангель).

Первая в отечественной историографии научная работа, имеющая косвенное отношение к теме исследования, была издана в годы Гражданской войны в Сибири кадровым разведчиком, 2-м генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего (ВГК) генерал-майором П.Ф. Рябиковым, который провел теоретическое «исследование вопроса об организации, сборе и обработке сведений о противнике», а также обосновал необходимость тесного взаимодействия разведки и контрразведки¹.

Находясь в эмиграции, генерал не мог знать, что чекист С.С. Турло и его соавтор И.П. Залдат в книге «Шпионаж», ставшей, пожалуй, первым учебным пособием для советских контрразведчиков, много цитируют его труд. Используя работы своих предшественников, а также обобщая опыт деятельности разведки и контрразведки в годы

¹ *Рябиков [П.Ф.] Разведывательная служба в мирное и военное время: в 2 ч. Томск, 1919. (Переиздана в «Антологии истории спецслужб. Россия. 1905—1924».) М., 2007. С. 113, 123.*

Гражданской войны, эти авторы пришли к выводу о том, что в целях самосохранения современное государство должно иметь высокоорганизованные профессиональные спецслужбы. В книге встречаются любопытные рассуждения о том, что в тайной войне нет места для морали¹. В известном смысле эту работу можно рассматривать как первую в советской историографии, затронувшую исследуемую тему.

Для периода 1930-х — начала 1950-х гг. характерен абсолютный диктат идеологии в исторической науке, проявлявшийся в тенденциозной интерпретации событий Гражданской войны, однозначном очернении своих противников. Серьезных исследований по теме в этот период не было.

В период с конца 1950-х до середины 1980-х гг. были предприняты попытки преодоления некоторых идеологических стереотипов, но они не оказали принципиального влияния на подход к теме. Гражданская война по-прежнему рассматривалась с позиций идеологии победившей стороны, а ее итоги объяснялись превосходством социализма над капитализмом. И хотя по различным аспектам Белого движения в целом в этот период вышел ряд интересных работ и был поднят ряд связанных с ними научно-исследовательских проблем, но белогвардейские спецслужбы по-прежнему оставались практически вне рамок этого процесса.

Отдельные исключения связаны с работами, посвященными большевистскому подполью, облик и роль которо-

¹ Турло С.С., Залдат И.П. Шпионаж. [Б.м.] ООО «X-History», 2002. (Впервые издана в 1924 г. в типографии полномочного представителя ОГПУ по Западному краю.)

го, в соответствии с жесткими идеологическими установками советского времени, однозначно героизировались. Советские исследователи не могли обойти вниманием белогвардейские карательные структуры. Так, И.Ф. Плотников писал о создании при правительстве А.В. Колчака органов контрразведки, политического сыска и милиции¹. Серьезным исследованием о большевистском подполье и партизанском движении в Сибири на основе обширной источниковой базы стала монография М.И. Стишова. Несмотря на обязательные для той эпохи идеологические штампы, историк отметил малочисленность и политическую пассивность пролетариата Сибири, растворившегося в массе крестьянского и «мелкобуржуазного» городского населения. Объективно отражены в монографии причины провалов ряда подпольных организаций, вызванных, по мнению автора, бдительностью и профессионализмом белогвардейских спецслужб².

Вместе с тем, как в этих, так и в других работах советского периода спецслужбы Белого движения не являлись объектом самостоятельного научного исследования, а рассматривались «попутно», в контексте изучения большевистского подполья и как антитеза ему. Иному подходу препятствовали жесткие идеологические догмы и практическая недоступность засекреченной источниковой базы.

Начало **современной** российской историографии фактически было положено демократическими реформами в СССР на рубеже 1980—1990-х гг. и отмечено поиском

¹ Плотников И.Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и Гражданской войны. М., 1968.

² Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1962.

новых методологических подходов к изучению прошлого страны. Рассекречивание ранее недоступных исследователям архивных документов послужило основанием для формирования историографии отечественных спецслужб. Тем не менее, несмотря на новые тенденции в мировоззренческом восприятии, в российской исторической науке прослеживается, по мнению авторов, искусственное разделение единого процесса эволюции отечественных контрразведывательных служб на два хронологических этапа: дореволюционный и советский. Лишь в некоторых работах исследователей история царской военной контрразведки, Департамента полиции (ДП), Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) и советских органов безопасности в соответствии с принципом историзма рассматривается как единый процесс¹. Историк А.А. Иванов, в частности, предлагает Гражданскую войну рассматривать как один из этапов развития отечественных органов безопасности².

На основе анализа литературы авторы выделяют четыре направления в российской историографии, в разной степени касающиеся объекта и предмета исследования: 1) органов контрразведки и политической полиции Российской империи; 2) советских органов государственной безопасности; 3) Гражданской войны и Белого движения;

¹ Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914—1920): организационное строительство. М., 2004; Седунов А.В. Обеспечение общественной и государственной безопасности в XIX — первой половине XX века: на материалах Северо-Запада России: автореф. дис.... д-ра ист. наук. СПб., 2006; Ильин В.Н. Морская контрразведка на Севере России. 1914—1920 гг. // POBEDA.RU. 2006. URL: <http://www.pobeda.ru/content/view/4603/21> (дата обращения: 18.09.2009).

² Иванов А.А. Рожденная контрреволюцией. Борьба с агентами врага. М., 2009. С. 6.

4) контрразведывательных служб Белого движения в целом, а также контрразведки и государственной охраны колчаковского режима.

Контрразведка и государственная охрана в ходе своего становления воспользовалась кадрами, опытом строительства и нормативно-правовой базой спецслужб Российской империи, поэтому авторы обращались к трудам по истории контрразведки¹ и политической полиции².

В немногочисленных работах по истории ВЧК антибольшевистские спецслужбы рассматриваются, как и ранее, лишь попутно, а их авторы, обращаясь к уже известным фактам, акцентируют внимание на борьбе чекистов с контрреволюцией и саботажем, антисоветским подпольем, а также на карательных функциях советских органов госбезопасности в годы Гражданской войны³.

¹ *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001; *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000; *Зданович А.А.* Указ. соч.; *Старков Б.А.* Охотники на шпионов: контрразведка Российской империи 1903—1914. СПб., 2006; *Военная контрразведка. История, события, люди.* М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

² *Седунов А.В.* Обеспечение общественной и государственной безопасности в XIX — первой половине XX века: на материалах Северо-Запада России. Научное издание. СПб., 2006; *Чукарев А.Г.* Тайная полиция России: 1825 — 1855 гг. М., 2005; *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913—1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012.

³ *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК—ОГПУ в Сибири. 1918—1929 гг. М., 2007; *Леонов С.В.* Государственная безопасность Советской Республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны (1917—1922 гг.) // Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004 и др.

В книге И. Симбирцева анализируются действия ВЧК в Советской России, на фронтах и в тылу белых армий. Автор акцентировал внимание на том, что ВЧК по масштабам и жестокости проведения карательных акций значительно превосходила белогвардейскую контрразведку¹.

Дальневосточный историк А.Д. Показаньев в книге «На крутых поворотах» рассмотрел роль советских, белогвардейских и японских спецслужб в борьбе за власть в Приамурье в 1917—1922 гг., привел примеры внедрения белогвардейской агентуры в большевистские подпольные организации на Дальнем Востоке².

В газетном очерке, посвященном 84-й годовщине образования регионального управления ФСБ по Иркутской области, Г. Белоусов описал оперативную игру зафронтовой разведки штаба и особого отдела 5-й армии Восточного фронта РККА с белогвардейской разведкой³.

Среди обширной литературы следует выделить двухтомник «Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки», охватывающий период с начала XIX века по настоящее время, в котором авторы А. Колпакиди и Д. Прохоров ввели в научный оборот и систематизировали огромный фактический материал, эпизодически затронули историю белогвардейской контрразведки, привели примеры успешных действий советских военных разведчиков в тылу колчаковских войск⁴.

¹ Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917—1922. М., 2008.

² Показаньев А.Д. На крутых поворотах. Благовещенск, 2007.

³ Белоусов Г. Оперативная игра // Восточно-Сибирская правда. 2002. 24 апр.

⁴ Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки. М., 2000. Кн. 1.

Вместе с тем в отечественной историографии не обнаружены комплексные фундаментальные работы по истории ВЧК и военной разведки Красной армии, в которых получили бы надлежащее отражение структура, организация и деятельность контрразведки и политической полиции белогвардейских государственных образований.

Ликвидация идеологической цензуры, рассекречивание архивных документов способствовали появлению монографий, диссертаций и научных статей непосредственно по истории Белого движения. При комплексном изучении представлявших его правительств и армий, их внешней и внутренней политики, военных и карательных действий, повстанческого движения ученые так или иначе затрагивали деятельность белогвардейских спецслужб.

В монографии Е.В. Волкова, посвященной офицерскому корпусу армии А.В. Колчака, отражены основные направления деятельности колчаковской контрразведки¹.

Представляют интерес кандидатская диссертация и статьи Л.Н. Варламовой, в которых критически рассмотрены проблемы военного строительства армии А.В. Колчака. Среди прочего, в них отражен процесс формирования и развития контрразведки и «военного контроля» уфимской Директории и колчаковского режима².

Устойчивый интерес к истории контрразведывательных органов Белого движения, как к самостоятельному

¹ Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005.

² Варламова Л.Н. Военное управление правительства Колчака: попытки сохранения имперских традиций: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; Она же. Аппарат военного управления Всероссийского временного правительства А.В. Колчака. 1919 г. // Белая гвардия. 2001. № 5 и др.

объекту изучения, у отечественных ученых начал проявляться на рубеже 1990-х—2000-х гг. и продолжается по настоящее время. Его результатом являются несколько монографий¹, десятки научных статей, докторская и кандидатские диссертации².

Для данной работы представляют повышенный интерес исследования, посвященные спецслужбам и органам политического сыска Белой Сибири. Так, в диссертации А.А. Реца рельефно показана зависимость работы белогвардейской контрразведки от внутренней политики антибольшевистских правительств, проанализировано несовершенство системы государственного и военного управления. В то же время вне поля зрения историка оказалось такое важное направление работы контрразведки, как противодействие советскому и иностранному шпионажу. Кроме того, хотя работа и называется «Формирование и функционирование органов контрразведки, военного контроля, МВД антибольшевистских правительств Сибири», фактически освещает лишь деятельность военной контрразведки — государственная охрана хоть и упоминается в ней неоднократно, но лишь вскользь; автор даже не разобрался в ее структуре, говоря о параллельном существо-

¹ Кирмель Н.С. Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918—1922 гг.). М., 2007; *Он же*. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918—1922 гг. М., 2008; *Он же*. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922. Контрразведка. М.: Вече, 2013.

² Рец А.А. Формирование и функционирование органов контрразведки, военного контроля, МВД антибольшевистских правительств Сибири (1918—1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Кирмель Н.С. Деятельность спецслужб белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918—1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.

вании некоего Департамента государственной охраны и особого отдела Департамента милиции МВД¹.

В статье В.Ж. Цветкова впервые обобщенно рассмотрены организация, структура, задачи и методы работы спецслужб всех белогвардейских режимов. В публикации представлены интересные примеры организации разведки и контрразведки в условиях разлаженного государственного аппарата, в сложной обстановке военного времени². Анализ конкретных операций, специфика их подготовки и проведения остались за рамками исследования.

В основном же историография по данной теме носит ярко выраженный региональный характер. Наиболее полное отражение в научной литературе получили контрразведывательные органы белогвардейских правительств и армий на востоке страны, что объясняется и большей масштабностью их деятельности, и более широкой источниковой базой, включая как комплекс архивных документов, так и воспоминания участников событий. Данной проблематике посвящены работы Н.В. Грекова³. Ю.Н. Ципкин в своих статьях осветил борьбу спецслужб с коммунистическим подпольем на Дальнем Востоке⁴.

¹ Рец А.А. Указ. соч. С. 147.

² Цветков В.Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917—1922 гг. // Вопр. истории. 2001. № 10.

³ Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны Белого движения Сибири (1918—1919 гг.) // Известия Омского краеведческого музея. Вып. 5. 1997; Он же. Формирование контрразведывательной службы адмирала Колчака // История белой Сибири: тез. научной конференции. Кемерово, 1997.

⁴ Ципкин Ю.Н. Белогвардейские спецслужбы против коммунистического подполья на Дальнем Востоке в 1918—1920 гг. // История государства и права. 2011. № 13.

Исторический очерк И.В. Голоскокова впервые представил широкой общественности ранее неизвестного военного разведчика, ученого и педагога, 2-го генерал-квартирмейстера Ставки А.В. Колчака генерал-майора П.Ф. Рябикова¹.

В отличие от контрразведки, политической полиции колчаковского режима — государственной охране — историки почти не уделяли внимания. Исключение составляют отдельные статьи Н.В. Грекова, С.П. Звягина и Н.С. Ларькова с весьма отрывочными сведениями². При этом из неопубликованных архивных документов ими использовались в основном материалы отдельных региональных архивов (а именно, госархивов Новосибирской и Томской областей и архивов УФСБ по Омской и Томской областям и по Красноярскому краю), тогда как основные материалы по теме сосредоточены в Государственном архиве Российской Федерации, и прежде всего в фонде Департамента милиции Российского правительства А.В. Колчака, из которого лишь Н.В. Греков использовал в своей статье одно-единственное дело.

В историографии **русского зарубежья** белогвардейские спецслужбы не стали специальным объектом внимания со

¹ *Голоскоков И.В.* Под оперативным псевдонимом «Павлов» // Оперативник (сыщик). 2005. № 3(4).

² *Греков Н.В.* Контрразведка и органы государственной охраны Белого движения Сибири (1918—1919 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Вып. 5. 1997. С. 209—221; *Звягин С.П.* Правовое регулирование отношений государственной охраны с другими правоохранительными органами при Колчаке // История «белой» Сибири: тезисы науч. конференции. Кемерово, 1995. С. 83—85; *Ларьков Н.С.* Томская «охранка» в период колчаковщины // История «белой» Сибири: тезисы IV междунар. науч. конференции. Кемерово, 2001. С. 185—188.

стороны историков и участников Гражданской войны. Отчасти это объясняется тем, что документы, хранившиеся в Русском зарубежном историческом архиве (РЗИА) в Праге, в межвоенный период оставались недоступными для исследователей. «Необходимо подчеркнуть, что Р.З.И. Архив является в настоящее время и останется в ближайшие годы учреждением, которое лишь собирает документы и предохраняет их от возможной гибели, — писал в 1938 г. директор архива Я. Славик. — Еще не пришло время для выполнения Р.З.И. Архивом второй своей задачи — быть сокровищницей исторических материалов, открытой для исследователей»¹. Но все случилось иначе. По окончании Второй мировой войны, в 1948 г. архив был вывезен из попавшей под контроль СССР Чехословакии в Москву.

Следует также принять во внимание, что у эмигрировавших профессионалов спецслужб Российской империи и Белого движения, находившихся в поле зрения внешней разведки ОГПУ—НКВД, были основания опасаться мести со стороны советских спецслужб².

Исключением являются лекции одного из создателей военной разведки и контрразведки России генерала Н.С. Батюшина на зарубежных Высших военно-научных курсах в Белграде под руководством генерала Н.Н. Головина в 1933—1938 гг., изданные в Софии в 1939 г. в виде отдельной книги (переизданы в 2002 г.)³. В своем труде, созданном посредством обобщения опыта деятельности

¹ Библиография русской революции и Гражданской войны (1917—1921). Из каталога библиотеки Р.З.И. Архива. Прага, 1938. С. XII.

² Васильев И.И., Зданович А.А. Генерал Н.С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. X-History, 2002. С. 191.

³ Батюшин Н. Указ. соч.

разведки и контрразведки в начале XX века, генерал дал достаточно критическую оценку работе белогвардейских спецслужб.

Анализ остальной эмигрантской литературы показывает, что белогвардейские контрразведывательные органы лишь эпизодически упоминались в мемуарах видных деятелей Белого движения, не будучи предметом специального исследования.

Проблемы противоборства западных и советских спецслужб, красного террора рассматриваются в **зарубежной** литературе, посвященной истории ВЧК. Западных (преимущественно британских и американских) историков она интересовала в качестве машины террора, столпа тоталитарного режима¹. В их изданиях, различных по широте проблематики, не рассматривается ни борьба ВЧК с белогвардейскими разведслужбами, ни последние как таковые.

Таким образом, эмигрантская и собственно зарубежная историография не выделяли спецслужбы Белого движения, за редким исключением, в самостоятельный объект исследования, а рассматривали их деятельность фрагментарно, по мере необходимости при изучении других вопросов. Российский историк В.И. Голдин, обращая внимание на слабую изученность деятельности спецслужб в годы Граж-

¹ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. [Б.м.] «Nota Bene», 1992; *Faligo P., Коффер Р.* Всемирная история разведывательных служб. М., 1997. Т. 1: 1870—1939; *Roewer H.* Skrupellos: Die Machenschaften der Geheimdienste in Russland und Deutschland. Leipzig, 2004; *Parrish M.* Soviet Security and intelligence Organization, 1917—1991. New York, 1992; *Yost G.* The KGB: the Russian Secret Police from the Days of the Tsars to the Present. New York, 1989 и др.

данской войны, справедливо отметил: «Подлинная история невидимой войны данной поры — это сложнейшее противоборство большевистских, антибольшевистских и зарубежных спецслужб, а раскрыть его можно лишь привлекая и сопоставляя источники разных сторон и стран, что, в свою очередь, предполагает активный диалог по этим проблемам российских и зарубежных исследователей»¹. Авторы настоящего исследования солидарны с мнением, что историография по данной теме может перейти на качественно новый уровень лишь при интеграции историографии белогвардейских, советской и иностранных разведок и контрразведок периода Гражданской войны в России.

Исходя из фрагментарной и недостаточной степени изученности рассматриваемой темы, авторы поставили своей **целью** комплексное исследование организации, структуры, эволюции и деятельности военной контрразведки и государственной охраны Департамента милиции МВД Российского правительства А.В. Колчака. Конкретными **задачами** для достижения этой цели являются исследования таких разделов темы, как: 1. Причины и обстоятельства возникновения и основные задачи спецслужб. 2. Их взаимодействие. 3. Структура и функциональные особенности, их эволюция и внутренние противоречия, с выделением их особенностей по сравнению: а) с советскими спецслужбами этого же периода; б) со службами безопасности других белогвардейских режимов (и прежде всего с режимом А.И. Деникина на Юге России); в) со спецслужбами предшествовавшего периода прави-

¹ *Голдин В.И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 1990-е годы). Архангельск, 2000. С. 177.

тельств «демократической контрреволюции» на Востоке России (Сибирского правительства, КОМУЧа, Директории). 4. Комплектование спецслужб личным составом, его принципы. 5. Основные направления деятельности, а именно: а) борьба с большевистским шпионажем и подпольем, ее методы и специфика на фронте и в тылу; б) борьба с другими враждебными организациями внутри России (эсерами, националистами-инородцами и др.); в) противодействие разведкам иностранных государств, включая находившиеся в белогвардейском тылу формирования «союзников». 6. Значение исторического опыта деятельности колчаковских спецслужб и его уроков.

В соответствии с перечисленными задачами построена по проблемно-хронологическому принципу и структура нашего исследования. Его **хронологические** рамки ограничены периодом с ноября 1918 г. по январь 1920 г. (со дня прихода к власти адмирала А.В. Колчака до окончательного распада возглавляемого им государственного образования и разгрома армии), **территориальные** рамки — подконтрольными его правительству регионами Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Методологической основой для написания данной работы является принцип **историзма**, предполагающий рассмотрение исторических явлений и событий в динамике, взаимосвязи и с учетом условий и особенностей эпохи, в сочетании с **культурно-цивилизационным подходом**, позволяющим полнее выделить и осмыслить традиции и корни изучаемых явлений и процессов. Используется также **системный** подход, представляющий рассмотрение происходящих процессов с точки зрения внутренней интеграции и приспособления к окружающей действительности. Из специальных исторических методов исследования авторы при-

меняли **проблемно-хронологический** метод, основанный на выявлении проблем и их взаимосвязи по ходу развития событий, **сравнительно-исторический** в обеих его основных разновидностях («синхронистический» — сопоставление объекта исследования и тенденций его развития с другими белогвардейскими регионами России, а также с советскими регионами того периода, и «диахронный» — сравнение различных этапов исследуемого периода, а также предшествующих исторических этапов), **историко-типологический** и **историко-генетический** (при изучении корней и традиций формировавшихся белогвардейских спецслужб).

Источниковую базу исследования составили неопубликованные (архивные) и опубликованные документы, воспоминания участников Гражданской войны, периодическая печать, научно-справочная литература.

Основной комплекс источников по истории белогвардейских органов власти и вооруженных сил, в том числе и спецслужб, сосредоточен в фондах **Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)** и **Российского государственного военного архива (РГВА)**. При этом контрразведывательные органы относились к военному ведомству и являлись элементами фронтовых и тыловых военно-управленческих структур. В свою очередь, созданная при режиме Колчака политическая полиция (государственная охрана) находилась в ведении Особого отдела Департамента милиции МВД.

Принимая во внимание естественную распыленность документов по множеству архивных фондов, авторы попытались дать целостную характеристику их состава и содержания как потенциальных объектов исследования.

ГАРФ хранит фонды учреждений (в том числе и военных) белогвардейских правительств, действовавших на

территории бывшей Российской империи в годы Гражданской войны, а также архивные коллекции и личные фонды. Их документы раскрывают структуру, организацию, штатный состав и различные направления деятельности государственной охраны, разведки и контрразведки.

Коллекция документов Российского правительства А.В. Колчака¹ включает стенограмму допроса Колчака, в которой сообщается о формировании контрразведывательных органов на Дальнем Востоке в 1918 г., а также постановление Совета министров о правах и обязанностях чинов военной контрразведки по производству расследований и краткую записку об организации германской разведывательной и агитационной службы в Сибири в 1918 г.

Коллекция документов штаба Верховного главнокомандующего (А.В. Колчака)² содержит разведывательные сводки колчаковской Ставки, доклад начальника отдела контрразведывательной и военно-контрольной службы управления 2-го генерал-квартирмейстера Ставки полковника Н.П. Злобина, рапорты агента разведки чехословацкого корпуса Джона.

Основной массив документов по организации и деятельности политической полиции А.В. Колчака — государственной охраны, возглавляемой особым отделом Департамента милиции Министерства внутренних дел, содержится в фонде Департамента милиции МВД³. Здесь

¹ ГАРФ. Ф. р-7490. Коллекция документов Российского правительства (стенографическая запись допроса Колчака и другие документы).

² ГАРФ. Ф. р-6219. Коллекция документов штаба Верховного главнокомандующего А.В. Колчака.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Департамент милиции Министерства внутренних дел Российского правительства А.В. Колчака.

отложились годовой отчет о деятельности Департамента милиции, законопроекты «Положения о государственной охране» и связанная с ними служебная переписка, штатные расписания, личные дела управляющего Особым отделом и начальников губернских и областных управлений государственной охраны, «Правила о службе агентов наружного наблюдения», переписка об организации государственной охраны на местах, о системе секретных шифров, списки личного состава, распоряжения директора Департамента милиции и управляющего Особым отделом, сводки о политическом положении, докладные записки управляющего Особым отделом, управляющих губерниями (областями) и уездами, начальников губернских (областных) и уездных управлений госохраны, отдельные отчеты об их деятельности за различные периоды, агентурные донесения.

Отдельные документы сохранились также в фондах Совета министров Российского правительства А.В. Колчака (журналы заседаний Совета министров, связанные с организацией госохраны¹) и Министерства внутренних дел (приказы по министерству о назначениях должностных лиц госохраны, доклады управляющих губерниями и областями министру внутренних дел²), а также отложившихся в ГАРФ фондах Енисейского и Иркутского губернских управлений государственной охраны³.

¹ ГАРФ. Ф. р-176. Совет министров Российского правительства А.В. Колчака.

² ГАРФ. Ф. р-1700. Министерство внутренних дел Российского правительства А.В. Колчака.

³ ГАРФ. Ф. р-296. Иркутское губернское управление государственной охраны; Ф. р-5193. Енисейское губернское управление государственной охраны.

Информацию о деятельности спецслужб содержат и личные фонды. В частности, в фонде профессора Академии Генерального штаба генерала П.Ф. Рябикова¹, помимо его воспоминаний о реорганизации спецслужб в июне 1919 г., структуре разведывательных и контрразведывательных органов штаба Верховного главнокомандующего (ВГК), находятся и нормативно-правовые документы: приказ о формировании управления 2-го генерал-квартирмейстера при штабе ВГК от 9 июля 1919 г.

В РГВА представляет интерес документация центральных и окружных органов военного управления, учреждений, соединений и частей белых армий.

Процесс создания, развития и функционирования контрразведывательных органов белой Сибири отражен в приказах, временных штатах, положениях, докладах, отчетах, хранящихся в фондах колчаковских штаба Верховного главнокомандующего² и Главного штаба Военного министерства³.

Нельзя не отметить крупнейшее собрание документов по вопросам строительства и функционирования службы контрразведки из фонда «Отдел контрразведки Штаба Верховного главнокомандующего»⁴, которое можно условно разделить на две части. К первой относятся административно-строевые документы: приказы по от-

¹ ГАРФ. Ф. р-5793. Рябиков Павел Федорович, генерал, профессор Академии Генерального штаба.

² РГВА. Ф. 39499. Штаб Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

³ РГВА. Ф. 39466. Главный штаб Военного министерства.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Отдел контрразведки штаба Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

делу контрразведки; временное положение о военной контрразведке во внутренних округах; списки личного состава контрразведывательных подразделений; политические и агентурные сводки отдела контрразведки и военного контроля; доклады руководителей о деятельности органов контрразведки, настроениях в войсках и среди населения, восстаниях против власти А.В. Колчака, о подпольных организациях, неблагонадежности отдельных лиц; отчеты о деятельности военного контроля белых и американцев на Дальнем Востоке.

Значительную часть составляют судебно-следственные документы: протоколы допросов и переписка о производстве дознаний и арестах военнопленных, обвиняемых в принадлежности к партиям большевиков и эсеров; материалы по обвинению подозреваемых военнослужащих в антиправительственной агитации, шпионаже, распространении панических и компрометирующих власть слухов; рапорты начальников контрольных пунктов об арестах и заключении лиц, подозреваемых в антиправительственной агитации, протоколы их допросов, розыскные листы.

Немало документов о деятельности колчаковских спецслужб рассредоточено по фондам штабов армий¹. Они существенно дополняют вышеназванные документальные комплексы.

Тыловые военные округа представлены самостоятельными фондами², в которых также имеются документы по организации агентурной разведки в сопредельных стра-

¹ Ф. 39551. Главный штаб Народной армии; Ф. 39617. Управление Сибирской армии (бывш. Западно-Сибирской армии); Ф. 39736. Управление Сибирской армии.

² Ф. 39507. Управление Приамурского военного округа; Ф. 39515. Управление Иркутского военного округа.

нах. В фондах управления Иркутского военного округа, штаба Омского военного округа, штаба Приамурского военного округа сконцентрированы донесения и сводки о военно-политическом положении в Китае, Корее, Монголии и Японии, дислокации китайских и японских воинских частей на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии. В процессе переписки в штабах военных округов откладывались разведывательные сводки штабов Верховного главнокомандующего, Восточного фронта, Сибирской армии, некоторых корпусов, а также агентурные сведения о боевом составе Красной армии, схемы расположения ее частей и т.д.

Завершая характеристику фондов ГАРФ и РГВА, необходимо отметить, что содержащийся в них значительный массив документов позволяет с достаточной полнотой исследовать процесс формирования и развития спецслужб белогвардейских правительств Востока России на протяжении Гражданской войны, и прежде всего в период апофеоза Белого движения в этом регионе — при власти А.В. Колчака. Положения и постановления Совета министров, приказы Верховного главнокомандующего и военачальников различных уровней отражают все структурные и организационные изменения белогвардейских спецслужб. Но есть и существенные пробелы. Так, по понятным причинам отсутствуют источники, свидетельствующие о прекращении функционирования органов военного и гражданского управления и, соответственно, подразделений разведки, контрразведки и государственной охраны.

Документы военных и политических спецслужб позволяют раскрыть все выполнявшиеся ими функции. В составе архивных коллекций довольно редки отчеты,

анализирующие различные направления деятельности их органов непосредственными и вышестоящими руководителями. Практически отсутствуют источники по работе агентуры. Вероятно, они либо уничтожены, либо вывезены за границу после разгрома белых армий.

К фондам **Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)** авторы обращались с целью изучения опыта формирования контрразведывательных органов, а также в поисках нормативно-правовых актов Российской империи, которыми руководствовались создатели колчаковских спецслужб¹.

В настоящей монографии использованы также отдельные документы по деятельности колчаковской государственной охраны, сохранившиеся в региональных архивах, а именно в государственных архивах **Иркутской области** (доклады управляющего губернией министру внутренних дел в фонде управляющего Иркутской губернией²), **Новосибирской области** (экземпляр дневника В.Н. Пепеляева в личном фонде А.Н. и В.Н. Пепеляевых³), **Томской области** (памятная записка об итогах деятельности губернского управления госохраны, дело об аресте братьев цареубийцы Я. Юровского в фонде Томского губернского управления государственной охраны⁴, постановления чиновника по особым поручениям МВД в фонде управляющего Томской губернией⁵), Центра хра-

¹ РГВИА. Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба; Ф. 1468. Штаб Иркутского военного округа.

² ГАИО. Ф. р-2. Управляющий Иркутской губернией.

³ ГАНО. Ф. д-158. Пепеляев А.Н., Пепеляев В.Н.

⁴ ГАТО. Ф. р-810. Томское губернное управление государственной охраны.

⁵ ГАТО. Ф. р-1362. Управляющий Томской губернией.

нения документации новейшей истории **Омской области** (коллекция материалов о подпольных большевистских организациях в фонде Истпарта¹).

Правнучка начальника колчаковской контрразведки Н.П. Злобина С. Енгалычева предоставила одному из авторов биографические сведения о своем родственнике, полученные из **Государственного архива Хабаровского края (ГАХК)**.

Таким образом, архивные документы и материалы являются основой источниковой базы представленного на суд читателей труда. Вместе с тем, при всем их значительном массиве и разнообразии, до конца не покидает впечатление их отрывочности: не представляет сомнений, что еще больший массив был уничтожен либо утрачен при эвакуации побежденной в Гражданской войне стороной. В связи с этим в общей картине их деятельности остаются неизбежные пробелы.

Опубликованные сборники документов и отдельные документы также достаточно многообразны по содержанию. Среди них выделяются нормативно-правовые акты. При строительстве органов государственной власти и военного управления лидеры Белого движения обращались к законодательной базе Российской империи², внося в нее частичные изменения, отражавшие ситуацию в ходе Гражданской войны. Среди них — ставшее классическим «Положение о полевом управлении войск в военное время» 1914 г., определявшее принципы организации фрон-

¹ ЦХДНИ ОО. Ф. 19. Истпарт.

² Свод военных постановлений 1869 г. Кн. 1—24. Военное министерство и особые высшие установления. СПб., 1907; Свод законов Российской империи, дополненных по положениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшими узаконениями 1911 и 1912 гг. СПб., 1913.

товых органов военного управления царской России времен Первой мировой войны, их штатную структуру, права и обязанности должностных лиц¹.

Поправки колчаковского Совета министров к Уголовному уложению 1903 г. (их редакции отличались лишь объектами посягательств — император был заменен на Верховного правителя России)², «Положение о лицах, опасных для государственного порядка вследствие принадлежности к большевистскому бунту», утвержденное Российским правительством Колчака 11 апреля 1919 г.³, служили правовой основой для деятельности судебных органов белогвардейских режимов.

Авторами использовались документы, образовавшиеся в результате деятельности органов власти и спецслужб Советского государства.

В протоколах заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу А.В. Колчака, которые впервые увидели свет в Ленинграде в 1925 г., содержатся данные о жизни и деятельности адмирала, оказавшегося в годы Гражданской войны Верховным правителем белой России и Верховным главнокомандующим ее вооруженными силами. Представляют интерес показания А.В. Колчака об организации органов белогвардейской контрразведки в Харбине. Подследственный отметил, что их задачей было отслеживание и аресты большевиков, которые проводились произвольно, без какой-либо связи с законностью⁴. Это неполное издание было дополнено в 1994 г. публикацией «Подлинных прото-

¹ Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.

² Правительственный вестник. 1918. 8 дек.

³ Правительственный вестник. 1919. 19 июля.

⁴ Допрос Колчака. Л., 1925.

колов допросов А.В. Колчака и А.В. Тимиревой» в журнале «Отечественные архивы», а в 2003 г. — подготовленного Институтом российской истории РАН и управлением регистрации и архивных фондов ФСБ России сборника документов, куда наряду с другими материалами вошли протоколы допросов А.В. Колчака¹.

В 1920-е гг. документальные источники по Гражданской войне публиковались в СССР в основном для пропагандистских целей дискредитации разгромленного Белого движения в общественном сознании. Сегодня иной раз можно отметить противоположную крайность: вновь переписывая историю, ряд авторов убеждают своих читателей в обратном, однозначно осуждая советскую власть, а белогвардейцев изображая поголовно мучениками и идейными борцами за спасение России. Подобные пропагандистские оценки со сменой «плюсов на минусы» и наоборот лишь мешают подлинно объективному научному исследованию сложнейшей, противоречивой исторической картины Гражданской войны.

В 1930 г. ОГПУ в оперативно-розыскных целях под грифом «Совершенно секретно. Хранить наравне с шифром» издало брошюру «Список контрразведчиков, милиции, официальных чинов министерства внутренних дел белых правительств». В этом издании, составленном по материалам Центрального архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ) и предназначенном для оперативного пользования и выслеживания еще живых бывших служащих колчаковских правоохранительных органов, пред-

¹ Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003; Подлинные протоколы допросов адмирала А.В. Колчака и А.В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 84—97.

ставлены краткие данные на 271 сотрудника белогвардейской контрразведки и государственной охраны Сибири и Севера России. В настоящее время брошюра находится в коллекции материалов учреждений и воинских частей белых правительств ГАРФ¹.

В сборниках документов, посвященных деятельности органов ВЧК, прослеживается связь белогвардейского подполья со спецслужбами и командованием белых армий, иностранными представительствами и разведками, приводятся факты подготовки заговоров, восстаний, саботажа и передачи сведений военного характера в штабы противника².

Важным источником являются **воспоминания участников Гражданской войны**. Оказавшиеся в эмиграции участники Белого движения оставили огромное наследие в виде мемуаров, писем, дневников, опубликованных отдельными книгами и в ряде сборников. Многие из них в настоящее время переизданы³. По нашей теме среди них можно выделить дневник одного из главных деятелей колчаковского правительства (на постах директора Департамента милиции, министра внутренних дел и впоследствии премьер-министра) В.Н. Пепеляева⁴, упоминавшиеся мемуары управляющего делами Совмина, председателя Государственного экономического совещания Г.К. Гинса, а также

¹ ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 374.

² Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917—1921 гг.: сборник документов. М., 1958; В.И. Ленин и ВЧК: сборник документов (1917—1922 гг.). М.: Политиздат, 1975.

³ Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. М.—СПб., 2005; За спиной Колчака: документы и материалы. М., 2005; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008 и др.

⁴ Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака: документы и материалы М., 2007.

дневник барона А.П. Будберга, исполнявшего обязанности главного начальника снабжения при Ставке, а затем — военного министра. Дневник Пепеляева, являвшегося одним из главных организаторов государственной охраны, ценен прежде всего взглядом изнутри на задачи и проблемы спецслужб, хотя им и уделяется отрывочное место в записях. Для Гинса характерна широта взгляда и достаточно объективный подход ко всем вопросам, для Будберга — острая, порой желчная критика недостатков, в том числе и в адрес контрразведки, к которой он не питал симпатий и называл распухшим учреждением, пригревшим толпы шкурников и авантюристов¹.

Субъективизм в той или иной степени присущ любым источникам личного происхождения, особенно если их авторы являлись участниками масштабных, судьбоносных для страны военно-политических событий. Согласимся в этой связи с мнением историков Г.М. Ипполитова, В.Г. Казакова, В.В. Рыбникова, которые считают, что субъективизм белых мемуаров объясняется «синдромом побежденного и потерявшего Отечество», а красных — «эйфорией победителей, усиленной идеологизацией и политизацией»².

Важным источником являются труды советских государственных, партийных и военных деятелей, участников большевистского подполья. Хотя в них выпукло просматривается идеологизированный, тенденциозный подход к отражению действительности, свойственное их времени

¹ Будберг А. Дневник // Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. С. 231—322.

² Ипполитов Г.М., Казаков В.Г., Рыбников В.В. Белые волонтеры. Добровольческая армия: зарождение, расцвет и первые шаги к закату (1917 г. — февраль 1919 г.). М., 2003. С. 120.

и среде преувеличение роли коммунистической партии по руководству борьбой народа против антибольшевистских сил, тем не менее в совокупности с архивными документами они помогают разобраться в хитросплетениях противоборства белых спецслужб и большевистского подполья. Так, ценным источником можно признать воспоминания председателя Сибирского революционного комитета (Сибревкома) И.Н. Смирнова. Изданные еще в 1926 г., они на полвека очутились в спецхранах, а имя репрессированного автора было вычеркнуто из истории. По причине секретности Смирнов далеко не все мог рассказать о работе руководимой им разведки 5-й армии в тылу колчаковцев, противоборстве советских и белогвардейских спецслужб¹. Поэтому имеющиеся в его мемуарах пробелы следует восполнять другими источниками.

При разработке проблем Гражданской войны немало важное значение имеет изучение материалов советской и белогвардейской **периодической печати**. Авторы проанализировали центральную советскую прессу как источник информации, использовавшийся белогвардейскими спецслужбами. В сводках колчаковской разведки приводятся данные о политике советского правительства, тяжелой экономической ситуации в стране, нарушениях в работе железнодорожного транспорта и т.д. И, хотя источник полученных сведений не всегда указывался, порой заметно, что некоторые из них извлекались из газетных публикаций, в частности, центрального советского органа «Известия ВЦИК»².

¹ Смирнов И.Н. На другой день после падения Советов // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией. М.—Л., 1926.

² Известия ВЦИК. 1919.

Среди белогвардейских газет центральное место занимали правительственные официозы — «Сибирский вестник», затем «Правительственный вестник», главный орган военной печати «Русская армия». В газетах публиковались телеграммы различных информационных агентств, статьи на политические темы, указы и постановления центральных правительственных учреждений и т.д. Их официальная часть служит ценным источником для данного исследования.

Основная **научная новизна** представляемой на суд читателя книги состоит в комплексном исследовании основных спецслужб режима адмирала А.В. Колчака, включая как военную контрразведку, так и практически неизученную государственную охрану. В рамках этой работы ими выявлен, введен в научный оборот, проанализирован и систематизирован значительный массив неисследованных ранее архивных документов; определены политические и социокультурные условия возникновения и эволюции белогвардейских спецслужб на Востоке России, принципы их комплектования; дана систематизированная характеристика их организационных структур в динамике изменений; раскрыты основные направления их деятельности, степень взаимодействия и уровень влияния на политическую и военную обстановку в ходе Гражданской войны; выделены особенности формирования, структуры и деятельности колчаковских спецслужб сравнительно с другими белогвардейскими регионами, с одной стороны, и с советскими спецслужбами — с другой, проведен анализ их сильных и слабых сторон. Материалы этой монографии могут быть использованы при подготовке обобщающих работ и учебных спецкурсов по истории российских спецслужб и по истории Гражданской войны.

Вместе с тем авторы не считают свою работу исчерпывающей тему. Несмотря на то что со времен Гражданской войны прошло почти сто лет, тем не менее и сегодня не представляется возможным дать однозначные ответы на все вопросы истории напряженной, скрытой борьбы белогвардейских и советских спецслужб. Сибирские историки, используя местную источниковую базу, могут более полно исследовать деятельность государственной охраны, выявить ее роль в укреплении власти адмирала А.В. Колчака.

Раздел 1

КОНТРАЗВЕДКА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА: ЗАДАЧИ, ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Вступая в борьбу с Советской Россией и Германией, белогвардейские режимы остро нуждались в обеспечении своей безопасности, т.е. в создании иммунной системы, элементами которой являлись армия, спецслужбы и политическая полиция. Поэтому формировалась она в спешном порядке, при остром дефиците времени, людских и материальных ресурсов. В отличие от большевиков, которые пошли своим путем, возглавившие Белое движение генералы воспользовались опытом распавшейся Российской империи. Тем самым в условиях Гражданской войны был продолжен эволюционный путь развития прежних органов безопасности государства.

В начале XX в. в России, как и других странах Европы, основным ведомством, выполнявшим функции обеспечения внешней и внутренней безопасности, являлось Министерство внутренних дел. Департамент полиции (ДП) МВД стоял во главе политического и уголовного розыска, осуществлял разработку мер по охране общественного и государственного строя России, вел борьбу с революционным движением, наблюдал за производством дознаний по политическим делам, руководил деятельностью полицейских, жандармских и охранных органов, ведал охраной государственной границы, выдачей паспортов русским

подданным и видов на жительство в России иностранцам, наблюдал за изготовлением, хранением, торговлей, транспортировкой оружия и взрывчатых веществ и т.д.¹. Центральный аппарат Департамента насчитывал 6 делопроизводств. Третье выполняло функции по обеспечению внешней и внутренней безопасности государства, имело для этой цели секретную агентуру. В 1898 г. из него было выведено отдельное подразделение — Особый отдел, которому поручался не только политический розыск и охрана, но и контроль над ввозом и контрабандой оружия в России, наблюдение за иностранными разведчиками, специальные профилактические мероприятия и т.д.².

Исполнительными органами ДП являлись 15 районных охранных отделений и 27 охранных отделений общей численностью около 1000 человек, 75 губернских и областных жандармских управлений, 33 жандармских полицейских управлений железных дорог Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ)³ общей численностью свыше 14 тысяч человек⁴.

¹ Фонды ГАРФ по истории России XIX — начала XX в. Т. 1. Путеводитель. М., 1994. С. 83.

² *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 282.

³ Отдельный корпус жандармов — политическая полиция Российской империи, отдельный корпус специального назначения в Русской императорской армии, военные чины которого составляли основу штата жандармско-полицейских учреждений Российской империи с 1826 по 1917 г. Отдельный корпус жандармов был создан на основании «Положения о Корпусе жандармов», изданного 28 апреля (10 мая) 1827 г. По инспекторской, строевой и хозяйственной части ОКЖ входил в систему Военного министерства. По «наблюдательной части», организации и ведении политического розыска, проведению дознаний и другим вопросам территориальные учреждения корпуса (ГЖУ, ЖПУЖД и др.) — Департаменту полиции МВД.

⁴ *Перегудова З.И.* Политическая полиция России накануне и в годы Первой мировой войны // Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 225, 230, 232.

Русское правительство, сознавая возможность военного конфликта на Дальнем Востоке, не могло не обратить внимания на возрастающую в условиях будущей войны опасность иностранного шпионажа, особенно со стороны Японии, спецслужбы которой вели разведку против России в Европе, на Ближнем Востоке, в других регионах. Особенно активно вели японцы свою шпионскую деятельность в столице Российской империи.

Для борьбы с иностранными спецслужбами, действовавшими под прикрытием иностранных посольств, в 1903 г. был создан первый самостоятельный контрразведывательный орган в России — разведочное отделение Главного штаба, которое в дальнейшем было преобразовано в Санкт-Петербургское городское контрразведывательное отделение. Год спустя, с конца весны 1904 г. в особом отделе Департамента полиции начало функционировать контрразведывательное подразделение. Однако и оно просуществовало недолго — по июнь 1906 г. Каждая спецслужба действовала обособленно друг от друга¹.

К 1907 г. завершился раскол Европы на два противостоящих военно-политических блока: Тройственное согласие, или Антанту (Россия, Франция, Англия), и Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия). Оба блока развернули активную подготовку к войне. В сложной международной обстановке обострилось тайное противоборство спецслужб, в частности, активизировалась работа австрийской и германской разведок. В таких усло-

¹ *Абрамов В.* Контрразведка. Щит и меч против абвера и ЦРУ. М., 2006. URL: http://militera.lib.ru/research/abramov_v01/text.html#t2 (дата обращения: 10.08. 2014); *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. URL: <http://militera.lib.ru/research/grekov/02.htm> (дата обращения: 12.06. 2014)

виях назрела необходимость в создании контрразведывательной службы в Российской империи.

Начиная с 1908 г. перед неоднократно собиравшейся межведомственной комиссией (МВД, военное и морское ведомства) вставал вопрос: при каком министерстве создать контрразведку — военном или внутренних дел? В 1910 г. товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов настоял на принятии организационной схемы № 1, согласно которой контрразведка являлась органом военного ведомства, а МВД оказывала ему содействие. Свое решение он мотивировал тем, что Департамент полиции не обладал специальными знаниями организации русской и иностранных армий и вследствие этого не мог эффективно руководить контрразведывательной службой. С этой точкой зрения согласились и военные, не знавшие азов оперативно-розыскной деятельности¹.

В результате узковедомственного подхода заместителя главы МВД генерал-лейтенанта П.Г. Курлова и соглашательской позиции остальных членов межведомственной комиссии, контрразведка, как общегосударственная функция, была передана в ведение военного ведомства. По всей видимости, в предвоенные годы умами властителей судеб страны еще не овладела мысль о жизненной необходимости организовать в государственном масштабе единую систему противодействия подрывной деятельности иностранных спецслужб, поэтому военная контрразведка формировалась как орган, предназначенный для борьбы с военным шпионажем и защиты военных секретов в ар-

¹ *Кирмель Н.С.* Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906—1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000. С. 71.

мии, а не как структура с более широкими функциями (обеспечения безопасности вооруженных сил) и полномочиями.

Рождение контрразведки как системы состоялось летом 1911 г., с утверждения военным министром генералом от кавалерии В.А. Сухомлиновым 8 июня «Положения о контрразведывательных отделениях» и начала формирования в управлениях генерал-квартирмейстера штабов военных округов контрразведывательных отделений (КРО)¹, предназначавшихся «для борьбы с военным шпионством, и вообще для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам обороны Российской империи»².

Создание органов армейской контрразведки не означало учреждения некой особой системы, в частности, потому, что отсутствовал управляющий центр, координирующий и планирующий борьбу с вражеской агентурой, а тем более прогнозирующий вероятные действия иностранных спецслужб по стране в целом.

По данным специалистов Департамента полиции, военное ведомство, создавая контрразведывательную службу, совершило ошибку, законспирировав ее деятельность. По этой причине сотрудники контрразведывательных бюро были лишены всякой исполнительной власти, даже той, которую они имели как жандармские офицеры. Инструк-

¹ Были образованы: Петроградское городское, Петроградское окружное, Московское, Виленское, Одесское, Варшавское, Киевское, Тифлисское, Ташкентское, Иркутское (Иркутский и Омский военные округа) и Хабаровское контрразведывательные отделения. В Омском военном округе отделение было развернуто 1 января 1916 г. (РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 697. Л. 3).

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915. Д. 356. Т. 1. Л. 82.

цией им предписывалось только вести наружное наблюдение, а в случае обысков и арестов обращаться к местным жандармским органам. Но парадокс ситуации заключается в том, что после создания в Военном министерстве контрразведывательных отделений циркуляром Департамента полиции от 18 сентября 1911 г. № 107398 борьба с иностранными спецслужбами была изъята из круга прямых обязанностей ГЖУ и охранных отделений, хотя им были даны указания по-прежнему передавать поступающие сведения о фактах шпионажа окружным генерал-квартирмейстерам.

Таким образом, разоблачение иностранных разведчиков перешло из такого крупного учреждения, как Департамент полиции, в ведение скромных по численности отделений. И если ГЖУ из-за малочисленности не могло бороться со шпионажем в своей губернии, то каких результатов можно было ожидать от отделения, которое по числу служащих являлось меньше любого жандармского управления и к тому же функционировало нелегально. После реорганизации начальник отделения — лицо, лишенное всякой власти, — мог только при хороших отношениях с жандармскими властями рассчитывать на реализацию своих агентурных сведений. ГЖУ, облеченные властью по производству дознания, являлись слепыми исполнителями воли контрразведки военного ведомства.

Проанализировав работу военной контрразведки, специалисты ДП признали ее бессистемной и дали неудовлетворительную оценку ее оперативно-розыскной деятельности. Помимо указанных недостатков, чины Департамента констатировали некоторую отчужденность КРО от жандармских управлений и охранных отделений. Она выражалась в том, что начальники КРО в своих тре-

бованиях к начальникам ГЖУ и охранных отделений о проведении совместных оперативно-розыскных мероприятий не считали нужным посвящать последних в существо дела. В этих случаях роль жандармерии и охраны сводилось лишь к формальному исполнению ими требований контрразведки. Жандармерия и охранка не имели возможности самостоятельно проводить расследования и оперативные разработки подозреваемых в шпионаже лиц. Несогласованность действий упомянутых розыскных органов в борьбе с агентурой замечалась и при ведении наружного наблюдения. Из-за отчужденности органов сыска часто за одними и теми же лицами слежка велась одновременно несколькими спецслужбами, что ухудшало эффективность розыска¹.

В канун Первой мировой войны, 16 июля 1914 г. было утверждено «Положение о полевом управлении войск в военное время», регламентировавшее «организацию высшего управления войсками, предназначенными для военных действий, устройства их тыла, а равно обязанности, права и круг ведения органов и чинов полевого управления», разделившее страну на театр военных действий (ТВД) и тыл, и тем самым закладывавшее организационное противоречие, дезорганизовавшее впоследствии управление армией. «Положением» вводилась должность Верховного главнокомандующего, а при нем создавался штаб, состоявший из управлений генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений и военноморского.

¹ *Кирмель Н.С.* Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906—1917 гг.)... С. 71—73.

Управление генерал-квартирмейстера, состоявшее из четырех делопроизводств (общего, по службе Генерального штаба, оперативного, разведывательно-статистического), занималось разработкой боевых операций, сбором и обработкой разведывательных и статистических данных о противнике, вопросами прохождения службы офицерами Генштаба на ТВД. Так, в соответствии со ст. 117 «Положения» на генерал-квартирмейстера фронта возлагались следующие обязанности по разведке и контрразведке: «Генерал-квартирмейстер по общим указаниям начальника штаба организует и руководит делом разведки о противнике и местности, а также принимает меры для борьбы со шпионством; вместе с тем он разрабатывает общие соображения по согласованию мероприятий, предпринимаемых в отношении разведки и борьбы со шпионством штабами армий, входящих в состав фронта»¹. КРО в действующей армии были созданы только в 1915 г.

Вопросами контрразведки в тыловых районах ведали Главное управление Генерального штаба и штабы военных округов.

На ТВД и в тылу активную помощь контрразведке оказывали жандармские управления, которые вели борьбу со шпионажем, обеспечивали политическую безопасность войск, подавляли революционные выступления в городах, а также содействовали армии в некоторых организационных вопросах: доставке новобранцев, конвоировании и слежке за военнопленными и т.д.².

¹ Положение о Полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914. С. 6—7, 14, 32.

² *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Указ. соч. С. 186—187.

Февральская революция 1917 г. ликвидировала прежний жандармско-полицейский аппарат. Массовые антиправительственные выступления в февральские дни сопровождались разгромом жандармских, полицейских и охранных учреждений, избиениями, арестами их служащих. 6 марта 1917 г. Временное правительство объявило о ликвидации Отдельного корпуса жандармов, а 10 марта — об упразднении Департамента полиции. Полиция была заменена милицией, набранной из непрофессионалов. Попытки министра внутренних дел мобилизовать ее на борьбу с надвигающейся революцией успеха не имели. Возможно, бессилие новой структуры спасло от ликвидации военную контрразведку, на которую замахивались демократические власти за тесное сотрудничество с органами политического сыска царского режима. Однако, оказавшись беззащитными перед леворадикальными партиями, которые дезорганизовывали работу промышленности, транспорта, разлагали фронтовые и тыловые воинские части, новые власти расширили круг задач контрразведки. Согласно утвержденному 23 апреля 1917 г. «Временному положению о контрразведывательной службе во внутреннем районе», ее задача состояла «исключительно в обнаружении и обследовании неприятельских шпионов, а также лиц, которые своей деятельностью могут благоприятствовать или фактически благоприятствуют неприятелю в его враждебных действиях против России и союзных с нею государств»¹. Т.е. на военную контрразведку по существу возлагались функции политического сыска. Затем было утверждено аналогичное положение для контрразведывательных органов на театре военных

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 23. Л. 12.

действий. Постановлением Временного правительства от 17 июля 1917 г. определялись права и обязанности чинов сухопутной и морской контрразведывательной службы по производству расследований, а также структура контрразведывательных органов¹.

Таким образом, при Временном правительстве на органы военной контрразведки возлагались задачи обеспечения внешней и внутренней безопасности не только армии, но и государства. Для решения столь серьезных и ответственных задач контрразведывательная служба русской армии имела в своем составе следующие подразделения: контрразведывательная часть (КРЧ) отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ; КРО штабов округов; КРЧ и КРО штаба Верховного главнокомандующего, КРО штабов фронтов, КРО штабов армий и КРО штабов округов на ТВД. Всего в России насчитывалось 39 контрразведывательных отделений². Согласитесь, эти силы не шли ни в какое сравнение с разогнанными территориальными органами Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов. Такая система органов контрразведки просуществовала до Октябрьского переворота.

Дальнейшая судьба контрразведывательных структур на ТВД зависела не столько от политики пришедших к власти большевиков, сколько от состояния действующей армии. Расформирование органов военного управления, а вместе с ними и КРО, проводилось спонтанно и закончилось к середине весны 1918 г. Приблизительно в это же

¹ Зданович А.А. Отечественная контрразведка... С. 75; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 697. Л. 76.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915. Д. 356. Т. 1. Л. 140, 143 об, 277—277 об, 278; Д. 730. Л. 1—1 об.

время прекратили свое существование КРО штабов тыловых военных округов¹.

Взамен прежних структур большевики Сибири весной 1918 г. создавали свои органы безопасности, или, как они тогда назывались — органы борьбы с контрреволюцией. Таковые были сформированы отнюдь не при всех губерниях и просуществовали недолго.

В результате чехословацкого мятежа летом 1918 г. на огромной территории от Волги до Тихого океана советская власть пала. В Сибири и на Дальнем Востоке начали формироваться новые правительства, состоявшие из представителей различных политических сил. Перед приходшими к власти антисоветскими силами стояли важные задачи по созданию органов власти, правоохранных структур и боеспособной армии для борьбы с большевиками, решению аграрного, национального и рабочего вопросов и т.д.

Среди образованных на обширной территории «правительств» значимую роль играли Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ) в Самаре и Временное Сибирское правительство в Омске. У каждого из них имелись свои вооруженные силы: у КОМУЧа — Народная армия, у Сибирского правительства — Сибирская армия. В структуре их штабов, созданных по образцу русской армии, находились контрразведывательные отделения.

Летом 1918 г. начали восстанавливать прежние военные округа — Омский (Западно-Сибирский), Иркутский (Восточно-Сибирский, Средне-Сибирский) и Приамурский. Однако органы контрразведки были сформированы

¹ Военная контрразведка. История, события, люди. М., 2008. С. 37.

лишь в управлении генерал-квартирмейстера штаба Иркутского военного округа¹.

В августе 1918 г. начался процесс объединения антибольшевистских сил и подчиненных им воинских формирований, завершившийся созданием 24 сентября уфимской Директории (Всероссийского Временного правительства) и Ставки Верховного главнокомандующего (ВГК) — для осуществления управления всеми соединениями и частями Сибирской и Народной армий. В состав штаба ВГК входили управления 1-го и 2-го генерал-квартирмейстера, главного начальника военных сообщений, а также отделы: информационный, ремонтный, воздушного, военно-морского и речного флота, казачьих войск и др. 12 ноября 1918 г. в управлении 1-го генерал-квартирмейстера было образовано контрразведывательное отделение².

Параллельно уфимская Директория создала Военное министерство на основе слияния военных ведомств Временного Сибирского правительства и «Народной армии» КОМУЧа. В его компетенции находились кредиты, финансы, полевое казначейство, военно-полевые суды, служба духовенства и дела казачьих войск, поэтому создание разведывательных и контрразведывательных органов в министерстве не предусматривалось.

В политическом отношении Директория унаследовала структуры власти Временного Сибирского правительства, фактически преобразованного (с 4 ноября 1918 г.) в Совет министров при Директории.

¹ Путеводитель по фондам Белой армии. М., 1998 С. 78—79, 85—86, 91.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 1; *Варламова Л.Н.* Военное управление правительства Колчака... С. 119.

Наряду с другими министерствами было образовано МВД, в состав которого вошел Департамент милиции (ДМ). Первоначально милиция, как и при Временном правительстве России, находилась в ведении местных выборных органов самоуправления (земских и городских). Однако практика показала, что эффективность «силовых» правоохранительных структур была значительно выше до революции, когда их система была централизованной. Поэтому уже 8 августа 1918 г. постановлением Временного Сибирского правительства был образован Департамент милиции в составе МВД, в руках которого и сосредоточилась милицейская деятельность. В его состав вошли: канцелярия (состоявшая из стола общей переписки, стола личного состава, регистратуры, бухгалтерии и экзекуторской части); 4 отделения: I — инспекторское, II — общих дел, III — финансовое и IV — наградное; и 4 отдела: юридический, уголовный, городской и железнодорожный¹.

Судя по этому документу, функция политического розыска на ДМ первоначально не возлагалась.

К концу 1918 г. ситуация на Восточном фронте складывалась не в пользу белых армий. Они оставили Ижевск и готовились к обороне по Уральскому хребту. Большевики собирали силы для удара по северному флангу. После капитуляции Австро-Венгрии чехословаки потребовали их отправки домой. Фронт оказался под угрозой развала. Спасти критическое положение демократическая власть оказалась не в состоянии. В ночь на 18 ноября 1918 г. в Омске восстало сибирское казачество, требуя отставки Директории и установления сильной власти. Офицеры и

¹ Фонды ГАРФ по истории Белого движения и эмиграции. Путеводитель. 2004. Т. 4. С. 242—244.

казаки арестовали левое крыло Директории — Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова и А.А. Аргунова. Премьер-министр П.В. Вологодский созвал экстренное заседание Совета министров, на котором было принято решение передать руководство военному диктатору. Согласно принятому «Положению о временном устройстве власти в России», эта власть передавалась военному и морскому министру вице-адмиралу А.В. Колчаку, провозглашенному Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России и произведенному в «полные» адмиралы¹.

После прихода к власти адмирала А.В. Колчака вся реальная политическая, административная и даже судебная власть сконцентрировалась в руках военных. Верховный правитель в своем воззвании «К населению России» от 18 ноября 1918 г. главной своей целью поставил «создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка»². А.В. Колчак считал, что военная власть, которую он возглавляет как Верховный главнокомандующий вооруженными силами России, имеет верховенство над гражданской. Иной точки зрения придерживался председатель Совета министров П.В. Вологодский, указывавший на ограниченный характер власти Верховного правителя, т.к. ни один приказ, ни одно распоряжение не претворялись в жизнь, прежде чем не проходили через Совмин³.

¹ Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М., 2004. С. 173—174.

² Варламова Л.Н. Аппарат военного управления Всероссийского временного правительства А.В. Колчака. 1919 г. С. 17.

³ Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918—1920 гг.): автореф. дис... д-ра юридич. наук. М., 2007. С. 29.

В конце ноября 1918 г., когда фронт проходил по линии восточнее Новодзенска, Бузулука, Бугульмы и по Верхнему Уралу, обнаружились недостатки военного управления. Адмирал А.В. Колчак и его окружение понимали, что для достижения победы над противником важна четкая организация руководства войсками, и начали реорганизацию армии.

В ходе реорганизации были проведены разграничения функций управлений и отделов штаба ВГК. Так, КРО из управления 1-го генерал-квартирмейстера передали в управление 2-го генерал-квартирмейстера, а 29 ноября 1918 г. на его базе сформировали центральное отделение военного контроля (ЦОВК), которое вошло в состав разведывательного отдела¹. Возглавивший ЦОВК полковник Н.П. Злобин своим приказом обязал находившихся в его подчинении начальников отделений нижестоящих штабов докладывать все добытые ими сведения начальникам штабов и генерал-квартирмейстерам. Однако данный приказ вызывал противодействие со стороны руководителей военно-контрольных отделений и пунктов, сформированных капитаном И.И. Зайчеком.

Наличие в одном населенном пункте спецслужб различной подчиненности создавало неразбериху и препятствовало эффективному ведению оперативно-розыскной деятельности среди набравших силу большевистских и эсеровских организаций. Поэтому в целях усиления органов безопасности в армии приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 1 февраля 1919 г. начала создаваться вертикаль контрразведывательных органов во главе с отделом контрразведки и военного

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 32 об.

контроля (ОКРВК) управления генерал-квартирмейстера штаба ВГК, учрежденного вместо ЦОВК. Этим же приказом был объявлен штат ОКРВК, КРО при штабах армий (отделения контрразведки при штабах Сибирской, Западной и Оренбургской армий) и штабе 2-го армейского Сибирского Степного отдельного корпуса, КРП при штабах корпусов, входивших в состав армий, и в крупных населенных пунктах в прифронтовой полосе. Документом предписывалось, чтобы начальники контрразведывательных органов Ставки и штабов армий (отдельного корпуса) отчитывались перед соответствующими генерал-квартирмейстерами, начальники корпусных и местных контрразведывательных пунктов — перед начальниками вышестоящих органов¹.

Адмирал А.В. Колчак формировал органы военного управления по образцу и подобию царской армии. 30 ноября 1918 г. (приказ военного министра № 16 от 5 декабря 1918 г.) был образован Главный штаб Военного министерства, в котором сосредотачивались сведения об организации и составе войск, по комплектованию личным составом, их устройству и внутреннему управлению, подготовке кадров, снабжению всеми видами довольствия и т.д. «Все сделанное уже Ставкой, та живая организационная работа, которая создавала армию, все ее начинания были забракованы, как плод незрелый и не подходящий под узкие старые рамки, — сетовал генерал-лейтенант К.В. Сахаров, в то время генерал для поручений в штабе ВГК. — Была сначала сделана попытка подчинить Военному министерству все касавшееся вооруженных сил, чтобы можно было все подвести под эту ферулу крутя-

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 19. Л. 46.

щейся этажерки со старинными томами законов и штатов. Но Верховный правитель на это не пошел и разделил сферу власти так: действующая армия с территорией по Иртыш подчинялась (в военном отношении) начальнику штаба Верховного главнокомандующего, все гарнизоны и запасные войска, вся местность к востоку от Иртыша — военному министру»¹. Таким образом, произошло разграничение сфер влияния фронтовых и тыловых органов военного управления.

Со временем расширялись функции Главного штаба, что привело к изменению его структуры. 26 февраля 1919 г. в нем были учреждены квартирмейстерский и осведомительный отделы. Осведомительный отдел, руководитель которого непосредственно подчинялся помощнику начальника Главного штаба, состоял из разведывательного отделения, контрразведывательной части, главного цензурно-контрольного бюро и информационного отделения².

В марте 1919 г. началась очередная волна реорганизации тыловых военных учреждений. В состав военно-окружного управления входили военно-окружной совет, военно-окружной штаб, управление дежурного генерала, окружной архив, типография и команда штаба. В военно-окружном штабе было предусмотрено контрразведывательное отделение³.

В тылу начала формироваться сеть контрразведывательных отделений и пунктов. На верху пирамиды находилась контрразведывательная часть осведомительного отдела

¹ Сахаров К.В. Белая Сибирь // Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири. М.—СПб., 2005. С. 178—179.

² РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 10. Л. 90, 131 об—134 об.

³ РГВА. Ф. 40220. Оп. 1. Д. 166. Л. 34—34 об; Д. 206. Л. 5—9.

Главного штаба (37 человек), состоявшая из центрального контрразведывательного отделения (ЦКРО) и центрального регистрационного бюро (ЦРБ)¹. Ниже находились КРО управлений генерал-квартирмейстеров штабов Омского, Иркутского и Приамурского военных округов. Начальники контрразведывательных отделений руководили контрразведывательными пунктами, учрежденными на подведомственной территории. Так, в зоне ответственности Омского военного округа КРП были организованы в Славгороде, Барнауле, Бийске, Камне, Новониколаевске, Кузнецке, Томске, Тайге, Судженске; Иркутского — в Ачинске, Красноярске, Енисейске, Канске-Енисейском, Минусинске, Нижнеудинске, Бодайбо, Илимске, Черемхово; Приамурского — во Владивостоке, Верхнеудинске, Троицко-Савске, Чите, Сретенске, Благовещенске, Харбине, Никольск-Уссурийске, Николаевске, на станциях Маньчжурия, Пограничная, Куань-Ценцзы и Цицикар².

Из открытого кредита, отпущенного Главному штабу для зачисления на текущий счет, как свидетельствует справка от 21 мая 1919 г., на расходы по контрразведке выделено 1 272 670 руб. Омскому военному округу выделено 550 000 руб., Иркутскому — 700 000, Приамурскому — 500 000³.

Общее руководство всей контрразведывательной работой осуществлял начальник осведомительного отдела Главного штаба. На начальника КРЧ возлагалась обязан-

¹ Варламова Л. Н. Первые попытки централизованного руководства белыми формированиями на территории Урала и Сибири в 1918 г. // Белая гвардия. 2001. № 5. С. 17; РГВА. Ф. 39466. Д. 10. Л. 90, 92, 134—134 об.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 166. Л. 34—34 об; Д. 206. Л. 5—9.

³ ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 в.

ность инспектировать нижестоящие КРО, контролировать расходы финансовых средств, руководить разработкой отдельных дел, порученных центральному контрразведывательному отделению. ЦКРО занималось контрразведкой за границей, среди дипломатического корпуса, в центральных государственных учреждениях, а также разрабатывало отдельные дела, наблюдало за деятельностью некоторых представителей высших эшелонов власти. ЦРБ выполняло функции информационно-аналитического подразделения, а также составляло новые коды, способы тайнописи и секретной передачи сведений, вело архив, осуществляло переписку со всеми учреждениями по вопросам контршпионажа и т.д.¹.

Окружной генерал-квартирмейстер, подчиненный по вопросам контрразведывательной службы начальнику осведомительного отдела, осуществлял ближайшее руководство и наблюдение за организацией и ведением контрразведывательной службы в районе округа².

На начальника КРО штаба округа возлагались: организация в районе округа отдельных КРП; борьба со шпионажем, «сообщение центральному бюро регистрационного материала всех добытых сведений по организации шпионажа противника», «заведование личным составом КРО и подготовка наблюдателей», составление сметы расходов и отчета о деятельности отделения и представление их окружному генерал-квартирмейстеру³.

Начальник контрразведывательного пункта подчинялся начальнику контрразведывательного отделения.

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 206. Л. 5—9

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. р-150. Оп. 2. Д. 4. Л. 181—181 об.

На него возлагались «организация в районе пункта сети наблюдателей, выявление шпионских организаций и производство расследования по ним, заведование личным составом пункта, сообщение в ЦРБ регистрационных материалов и всех добытых связей по организации шпионажа противника, доклады начальнику гарнизона об общем положении и осведомление его о необходимых мероприятиях в районе пункта» и т.д.¹.

Вышеназванным документом предусматривалась координация деятельности контрразведывательных отделений внутренних округов с соответствующими структурами действующей армии и морского ведомства. Эта обязанность возлагалась на начальника Главного штаба через штаб ВГК и начальника штаба Морского министерства². Но при существовавшем в колчаковской армии соперничестве между фронтовыми и тыловыми органами военного управления такая постановка вопроса высоких начальствующих лиц ни к чему не обязывала.

Некоторые руководители КРП, подчиненные начальнику КРО штаба Иркутского военного округа, представляли свои доклады начальнику контрразведки при Ставке ВГК. Между тем сношение с контрразведывательным органом Ставки должно было ограничиться исполнением

¹ ГАРФ. Ф. р-150. Оп. 2. Д. 4. Л. 181 об — 182.

² В состав управления по оперативной части флота входили разведывательное (4 человека) и контрразведывательное (8 человек) отделения. Последнему подчинялись ряд контрразведывательных пунктов: при главной базе в Перми, штабах 1-го, 2-го и 3-го дивизионов боевых судов, штабе отдельной бригады морских стрелков и двух опорных базах. Военно-морская и речная контрразведка в своей деятельности руководствовалась морскими законами и инструкцией военно-сухопутной и морской контрразведки (ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 2. Д.102. Л. 108 об; РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 206. Л. 19).

отдельных требований: арестами, обысками и прочими следственными действиями, а также сообщением информации по запросам штаба ВГК. Сводки агентурных сведений должны были направляться начальнику КРО штаба округа¹.

Согласно требованиям центрального органа контрразведки, начальники КРП должны были представлять руководителю КРО еженедельные сводки агентурных сведений по своему району. Однако это требование выполнялось не всеми начальниками пунктов².

Весной прошла очередная реорганизация фронтовой контрразведки, приведшая, по мнению авторов, к ее децентрализации. 18 апреля 1919 г. начальник штаба ВГК приказом № 340 утвердил «Временное положение о контрразведывательной и военно-контрольной службе на театре военных действий», определявшее задачи и организацию органов безопасности на ТВД.

Согласно приказу, безопасность войск и прифронтовой полосы обеспечивали контрразведывательная и военно-контрольная службы. Органами контрразведки являлись: отдел контрразведки и военного контроля штаба ВГК; контрразведывательное отделение штаба ВГК; контрразведывательные отделения штабов армий и корпусов; контрразведывательные пункты дивизий. КРО армий осуществляли организацию контрразведки в районе штабов, а также направляли работу в корпусах и дивизиях. К органам военно-контрольной службы относились: военно-контрольные отделения (ВКО) в районе армии при военно-административном управлении (ВАУ); ВКО воен-

¹ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 166. Л. 39.

² РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 166. Л. 32.

ного округа на ТВД при помощнике начальника военного округа по военно-административному управлению; местные военно-контрольные отделения и пункты в районе армии и в районе округа на ТВД.

Границы контрразведывательных и военно-контрольных районов в пределах армии устанавливались распоряжением штабов армий.

Координацией их деятельности занимался генерал-квартирмейстер при штабе Верховного главнокомандующего. Общее руководство контрразведывательной службой в корпусном районе, военно-контрольной службой в районе армии и округа на ТВД лежало на генерал-квартирмейстерах штабов армий, начальниках военно-административного управлений районов армий и помощниках начальников военного округа по военно-административному управлению на ТВД.

Контрразведывательный отдел штаба ВГК ведал общим руководством контрразведки, разрабатывал необходимые меры по борьбе с антигосударственными преступлениями и инспектировал нижестоящие органы контрразведки.

КРО Ставки организовывало контрразведывательное наблюдение за штабом ВГК, непосредственно занималось выявлением шпионских организаций и лиц, «благоприятствовавших неприятелю». Те же задачи решали и КРО армий в своей зоне ответственности, они также должны были руководить работой контрразведывательных органов в корпусах и дивизиях¹.

Контрразведке вменялось в обязанность следить за военнослужащими, а военному контролю — за граждански-

¹ ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 137; РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 17. Л. 84—86.

ми лицами. Данная система, по замыслу составителей документа, создавалась лишь на время Гражданской войны. В будущем работу контрразведки предполагалось ограничить борьбой со шпионажем, а военный контроль, «обеспечивающий порядок и общественное спокойствие», передать органам внутренних дел¹.

Однако, по компетентному мнению полковника Н.П. Злобина, образование военно-контрольных органов при военно-административном управлении, дублировавших деятельность КРО и КРП, подчиненных штабам армий, корпусов и дивизий, приводило к нежелательным трениям между ними: военно-контрольные отделения создавались в тех же населенных пунктах, где организовывались местные КРО и КРП. Критикуя упомянутый приказ № 340 за разделение контрразведки на собственно контрразведку и военный контроль, Н.П. Злобин указывал, что этот приказ «создавал таким образом целый ряд параллельных учреждений, совершенно тождественных по существу... и даже объединенных одним и тем же высшим органом власти — отделом военного контроля и контрразведки Штаба Верховного главнокомандующего. Даже все инструкции и штаты... составлены по одному шаблону. Не указано ни мотивов, ни существа разграничения», лишь оговорено, что военный контроль в будущем будет передан в МВД, так как основная функция контрразведки — борьба со шпионажем, а военного контроля — обеспечение государственного порядка. Фактически контрразведка контролировала военную сферу, а военный контроль — гражданскую, но в реальности захватывал и то, и другое, что привело, по выражению автора ци-

¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 17. Л. 84—84 об.

тируемого документа (сохранившегося в подлиннике), к «двоевластию». Автор докладной записки предлагал слить воедино оба органа до победы над большевиками, аргументируя тем, что даже в годы Первой мировой войны шпионаж и антигосударственная деятельность часто пересекались, а уж в Гражданскую войну — и подавно. Одновременно он предлагал увеличить штаты контрразведки и число ее органов, доведя их не только до уровня штабов дивизий и населенных пунктов (как это уже было после упомянутого приказа генерал-майора Д.А. Лебедева — ранее низшим звеном контрразведки был штаб корпуса), но и до многочисленных контрразведывательных постов. По словам полковника Н.П. Злобина, недостаточность штатов контрразведки при огромном объеме работы вынуждала то и дело прикомандировывать к ней «для поручений» армейских офицеров¹.

Следует непременно отметить, что «Временным положением» определялась задача контрразведывательной и военно-контрольной службы (КРиВКС), которая заключалась в «обнаружении и обследовании неприятельских шпионов, а также лиц, которые своей деятельностью могут благоприятствовать или фактически благоприятствуют неприятелю... или посягают на низложение существующего государственного строя и нарушения общественного порядка»².

Кстати, «Временным положением о военной контрразведке во внутренних военных округах», утвержденным военным министром 26 марта 1919 г., «тыловой» контрразведке также вменялась в обязанность борьба со

¹ ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 10. Л. 5—16 об.

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 17. Л. 84.

шпионажем и лицами, «которые своей деятельностью могут благоприятствовать или фактически благоприятствуют неприятелю в его враждебной деятельности против России и союзных с ней государств»¹.

Обратим внимание, что вторая формулировка задачи является точной копией «Временного положения о контрразведывательной службе во внутреннем районе», утвержденного помощником военного министра генералом Новицким 23 апреля 1917 г.². Следует подчеркнуть, что этот документ готовился после ликвидации Временным правительством Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов, т.е. в ситуации, когда противодействовать леворадикальным партиям, сепаратистам и националистам в России было некому.

Была ли необходимость оставлять за военной контрразведкой функции политического сыска? Думается, что в условиях Гражданской войны, когда действующая армия и тыловые районы подвергались интенсивному воздействию враждебных элементов, такая мера являлась оправданной. В поле зрения контрразведки находились большевистские подпольные группы, эсеровские и другие общественные организации, пресса, неблагонадежные военные и политические деятели, дезертиры, рабочие коллективы, казачьи атаманы, крестьянство, спекулянты и т.д. «Вакханалия спекуляции и страшных интриг — вот почти единственный источник того, что у нас до сего времени еще фронт, что мы еще не победили, — писал начальник отдела контрразведки и военного контроля полковник Н.П. Злобин. — Со всем этим должна вестись

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп.1. Д. 206. Л. 5.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1. Л. 59.

борьба, и в настоящее время повсеместной войны во все области жизни армии и ее тыла должна быть допущена контрразведка»¹.

Широкие функции контрразведки объяснялись еще и тем, что, кроме нее, защищать колчаковскую власть от многочисленных противников на тот момент было фактически некому. Верховный правитель 7 марта 1919 г. утвердил постановление Совета министров об учреждении при Департаменте милиции МВД «Особого отдела государственной охраны» и соответствующих управлений на местах². На подконтрольной территории белогвардейцы только начали формировать губернские, областные, уездные, городские управления государственной охраны во главе с начальниками управлений³. Следует иметь в виду, что военное командование, наделяя контрразведку теми или иными функциями, действовало по шаблону, опираясь на нормативно-правовую базу павшего режима. Впрочем, и Совет министров колчаковского правительства, создавая Особый отдел государственной охраны, также действовал «под копирку», не позаботившись о разграничении функций между политической полицией и контрразведкой, что привело к дублированию и параллелизму в работе между двумя структурами.

Непосредственным инициатором создания политической полиции колчаковского режима, получившей название «государственная охрана» (ГО), стал лидер сибирских кадетов и член всероссийского ЦК кадетской

¹ ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

² Корнева Е.А. Контрразведка А.В. Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск. URL: http://www.nivestnik.ru/2000_1/4.shtml. (дата обращения: 19.09.2009).

³ Ларьков Н.С. Указ. соч. С. 185.

партии, в прошлом — депутат 4-й Государственной думы В.Н. Пепеляев, назначенный в декабре 1918 г. директором Департамента милиции МВД, а затем одновременно и товарищем министра внутренних дел¹. После назначения В.Н. Пепеляева министром внутренних дел в мае 1919 г. на посту директора Департамента милиции его сменил вначале бывший вице-директор департамента В.Н. Агарев, а с 5 августа — В.Н. Казаков, выпускник юридического факультета Томского университета (1907 г.), до революции — следователь, судья, товарищ окружного прокурора (в чине коллежского асессора), с 1918 г. — омский окружной прокурор².

В одном из секретных документов ЧК, занимавшейся розыском бывших служащих госохраны после падения колчаковского режима, упоминается, что прообраз этого органа (и даже под тем же названием) появился еще в 1918 г. при Министерстве охраны государственного порядка самарского КОМУЧа, и называются имена главных деятелей этого учреждения — «и.д. начальника корпуса государственной охраны полковник Шлегель Эдуард Иванович», которого сменил 24 сентября 1918 г. капитан Калинин, занимавшие в разное время должность начальника Самарского штаба охраны В.В. Агапов, А.П. Коваленко и И.А. Спрингович (до этого возглавлявший Казанский штаб охраны за короткое время обладания войсками КОМУЧа Казанью), начальник Симбирского штаба охраны И.И. Крунский. О плачевном уровне кадрового состава этого учреждения (напомним, что правительство самарского КОМУЧа просуществовало 4 месяца, с июня до октября 1918 г.) можно судить не только

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 47. Л. 2—3.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 179. Л. 3, 6—6 об; Д. 14 «б».

по калейдоскопическим сменам его начальствующих лиц, но и по тому, что занимавшие столь ответственные посты Спрингович и Крунский были обычными армейскими прапорщиками¹. Разумеется, профессионалов царской полиции и жандармерии демократически-эсеровское правительство брать на службу избегало. Этот орган прекратил существование в октябре 1918 г. вместе с самим КОМУЧем, так что в правительстве А.В. Колчака В.Н. Пепеляеву пришлось создавать его с нуля и на принципиально иных, «регулярных» основаниях.

Из ряда документов очевидно, что идея формирования политического розыска циркулировала в правящих кругах белой Сибири еще зимой 1918—1919 гг. В архиве сохранились докладные записки на этот счет ряда управляющих губерниями и областями (Семипалатинской — Самойлова, Семиреченской — Балабанова, Тобольской — В. Пигнатти, Томской — Б. Михайловского, Енисейской — П. Троицкого, Забайкальской — С. Таскина, Амурской — Прищепенко, Приморской — Бунге, главноуправляющего Уральским краем С. Постникова и управляющего Приуральским (Челябинским) округом Баженова) в Департамент милиции за январь—февраль 1919 г., некоторые из них — с проектами организации «политического розыска» во вверенных им губерниях, с приложением примерных штатных расписаний и даже

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 10. Д. 116. Л. 1—6 об (Н.В. Греков в своей статье почему-то называет Крунского начальником Сибирского, а не Симбирского, губернского штаба охраны, созданного, по его словам, при Временном Сибирском правительстве в августе 1918 г. (Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918—1919 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Вып. 5. 1997. С. 213).

смет расходов. Однако В.Н. Пепеляев отвечал, что в связи с проектируемым учреждением государственной охраны в централизованных масштабах, которое будет обсуждаться на правительственном уровне, их предложения уже являются излишними¹.

Судя по тому, что все эти докладные записки подавались практически одновременно, можно сделать вывод, что инициатива опроса мнений представителей власти на местах исходила от самого руководства Департамента милиции в лице В.Н. Пепеляева.

Но единомыслия по данному вопросу не было. Так, управляющий Забайкальской областью кадет С. Таскин полагал, что политический розыск должен быть подчинен (как и уголовный) начальникам милиции, мотивируя тем, что до революции «полная самостоятельность начальников жандармских отделений создавала государство в государстве», а также скудостью бюджета для содержания подобных учреждений².

Вновь назначенный управляющий Енисейской губернией П. Троицкий докладывал даже, что в его губернии имеется прообраз политической «разведки» и даже с участием бывших жандармов, но фактически это филиал военной контрразведки, который к тому же содержится не из бюджета, а на скудные средства местного газетного офицоза, а возглавляющий его обычный армейский прапорщик настолько беспомощен, что не знает ничего даже о вожаках бастующих профсоюзов³.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 4. Л. 2, 5—13; Д. 8. Л. 6—8; Д. 9. Л. 2—3 об; Д. 10. Л. 5—12; Д. 13. Л. 2; Д. 15. Л. 2—2об; Д. 16. Л. 2; Д. 17. Л. 2—3; Д. 19. Л. 3—6; Д. 20. Л. 3—4.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 10. Л. 5—5 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 9. Л. 2—3 об.

Идею создания такой организации В.Н. Пепеляев изложил в докладной записке Совету министров в январе 1919 г., о чем были оповещены также управляющие губерниями. Необходимость ее создания он мотивировал целесообразностью выделения «политического розыска» в отдельную специализированную структуру с освобождением военной контрразведки от несвойственных ей функций: «Начальник управления государственной охраны ведает исключительно политическим розыском и наблюдением за деятельностью опасных для государственного порядка элементов», говорилось в записке. Контрразведка же «должна ведаť исключительно шпионажем в тылу и на фронте»¹. 28 февраля 1919 г. тогдашний министр внутренних дел А.Н. Гаттенбергер представил правительству проект постановления «Об учреждении Особого отдела государственной охраны», утвержденный Советом министров 7 марта 1919 г.² и предварительно разосланный для ознакомления управляющим губерниями.

Прилагавшееся к постановлению Совмина «Положение» определяло структуру и штаты Особого отдела государственной охраны (ООГО) в составе Департамента милиции МВД. Структура непосредственно Особого отдела определялась в составе 4-х отделений: I — инспекторское (по личному составу), II — информационное, III — розыскное (по производству дознаний и связанной с ним переписке) и IV — агентурное, а также секретарская часть и архив. Общий штат Особого отдела устанавливался в 47 человек. Управляющий отделом получал чин 5-го класса Табели о рангах (позднее повышен до 4-го класса)

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 83. Л. 3—3 об; Оп. 7. Д. 3. Л. 6—6 об.

² ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Л. 160.

и ранг вице-директора Департамента милиции. Отделу непосредственно подчинялись губернские управления, каждому из которых полагался штат в 21 человек, начальник в ранге чина 5-го класса (как и управляющий Особым отделом). В подчинении губернским управлениям находились уездные и городские управления со штатом 11 человек для каждого, начальник в ранге 6-го класса. Низшими единицами становились отдельные пункты государственной охраны с штатом 4 человека для каждого, заведующий в ранге 7-го класса¹.

Это было гораздо скромнее, чем штаты милиции, насчитывавшие в губернских городах по 309 человек вместе с вспомогательным персоналом (в том числе 287 — милицейских чинов), из них в уголовной милиции — по 25 чел. (включая 21 милицейского чина), в отрядах конной милиции — по 29 (включая 27 милицейских чинов). Даже в уездах штаты милиции насчитывали по 180 человек (из которых 158 — милицейские чины), в том числе в уголовной милиции — по 16 (включая 14 милицейских чинов), в конной милиции — по 45 (включая 42 милицейских чина, т.е. даже больше, чем в губернских городах². Штаты ОМОНов (отрядов милиции особого назначения) в октябре 1919 г., накануне падения колчаковской власти в Омске, в 15 контролируемых ею на тот момент губерниях и областях определялись в более чем 500 офицеров и 10 800 стражников, хотя в условиях страшного некомплекта в наличии имелось лишь более 200 офицеров и 3800 стражников³.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 3. Л. 11—17.

² ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 4. Д. 41. Л. 55—56 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 37. Л. 6.

Однако, несмотря на утверждение самого постановления об учреждении госохраны, рассмотрение «Положения» о ней было отложено из-за разногласий. В частности, управляющий Забайкальской областью, влиятельный кадет С.А. Таскин протестовал против подчинения губернских управлений государственной охраны непосредственно МВД, минуя управляющих губерниями, мотивируя это тем, что «этим вновь создается ведомство, напоминающее прежние жандармские управления»¹. Под давлением либералов В.Н. Пепеляев отступил, и в «Положение о государственной охране» была включена статья 12 о подчинении ее местных управлений управляющим губерниями (областями), одновременно с подчинением Особому отделу Департамента милиции.

Наконец, 17 июня 1919 г. отредактированное «Положение о государственной охране» было по докладу В.Н. Пепеляева (в то время уже министра внутренних дел) утверждено Советом министров и 19-го опубликовано в официальном «Правительственном вестнике». Его 1-я статья гласила: «Государственная охрана имеет целью предупреждение и пресечение государственных преступлений». Ст. 4 Положения распределяла функции между всеми четырьмя отделениями Особого отдела.

С целью повышения значения вновь создаваемого органа, согласно ст. 5, управляющий Особым отделом получал статус вице-директора Департамента милиции МВД. Ст. 7 определяла структуру губернских (областных), уездных, городских управлений госохраны и отдельных пунктов; число последних не регламентировалось, но ст. 11

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 83. Л. 16.

оговаривала, что вопрос об открытии отдельных пунктов в каждом конкретном случае и по мере надобности решает лично министр внутренних дел, а надзор за комплектованием их штатов осуществляет директор Департамента милиции. В ст. 12 подчеркивалось, что начальники губернских и областных управлений госохраны подчиняются Особому отделу через управляющих губерниями (областями), и, соответственно, все указания своего высшего начальства получают через них, причем управляющий губернией получал право приостановить указание и дополнительно согласовать его с МВД «в случае возникновения у него сомнений». Ст. 14 оговаривала, что служащих государственной охраны до 9-го класса Табели о рангах утверждал в должности начальник губернского управления госохраны, служащих 7—8 классов — управляющий губернией, 5—6 классов — министр внутренних дел. За прокурорами окружных судов сохранялось право надзора за производством дознаний органами госохраны¹. Сам Пепеляев отмечал в своем дневнике факт утверждения Совмином Положения о госохране с глубоким удовлетворением².

С весны по осень 1919 г. на территории 21 губерний и областей, находившихся под контролем А.В. Колчака, органы государственной охраны были учреждены: в Ак-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 83. Л. 32—33; Оп. 7. Д. 3. Л. 182—187; Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 июля. С принятием этого Положения связано ошибочное утверждение С.П. Звягина о том, будто и само постановление об учреждении госохраны было принято также в июне (*Звягин С.П.* Указ. соч. С. 83). Другая ошибка названного автора в том, будто управляющий Особым отделом получал права директора Департамента милиции (а не вице-директора, как было на самом деле). (Там же. С. 84.)

² ГАНО. Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 107; Окрест Колчака... С. 86.

молинской области — областное управление, 2 уездных (Акмолинское и Петропавловское) и 3 отдельных пункта (Омский, Атбасарский и Кокчетавский), в Алтайской губернии — губернское, 4 уездных (Бийское, Змеиногорское, Каменское и Славгородское) и 2 отдельных пункта (Барнаульский и Каракорум-Алтайский), в Амурской области — областное, в Енисейской губернии — губернское, 4 уездных (Ачинское, Енисейское, Канское и Минусинское) и 1 отдельный пункт (Красноярский), в Забайкальской области — областное, 3 уездных (Верхнеудинское, Нерчинское и Троицкосавское) и 5 отдельных пунктов (Акшинский, Баргузинский, Селенгинский, Читинский и Нерчинский), в Иркутской губернии — губернское, 4 уездных (Бодайбинское, Верхоленское, Нижнеудинское и Черемховское) и 6 отдельных пунктов (Ангарский, Балаганский, Иркутский, Киренский, Тункинский и Эхирикс-Булагатский), в Камчатской области — лишь 1 отделение в Петропавловске-Камчатском (в подчинении Приморскому областному управлению), в Оренбургской губернии — губернское, 4 уездных (Верхнеуральское, Орское, Троицкое и Челябинское) и 1 отдельный пункт (Оренбургский), в Пермской губернии — губернское, 5 уездных (Екатеринбургское, Камышловское, Красноуфимское, Кунгурское и Ирбитское) и 4 отдельных пункта (Верхотурский, Соликамский, Пермский и Чердынский), в Приморской области — областное, 3 уездных (Николаевское-на-Амуре, Никольск-Уссурийское и Хабаровское) и 2 отдельных пункта (Иманский и Ольгинский), в Сахалинской области — 1 отдельный пункт в Александровске (в подчинении Николаевскому-на-Амуре уездному управлению Приморского областного управления), в Семипалатинской губернии — губернское, 2 уезд-

ных (Павлодарское и Усть-Каменогорское) и 3 отдельных пункта (Зайсанский, Каркалинский и Семипалатинский), в Семиреченской области — областное, 1 уездное (Верненское) и 6 отдельных пунктов (Джаркентский, Копальский, Лепсинский, Пишпекский, Пржевальский и Сергиопольский), в Тобольской губернии — губернское, 4 уездных (Курганское, Тюкалинское, Тюменское и Ялutorовское) и 5 отдельных пунктов (Берёзовский, Ишимский, Сургутский, Тарский и Тобольский), в Томской губернии — губернское, 4 уездных (Каинское, Кузнецкое, Мариинское и Новониколаевское) и 5 отдельных пунктов (Анжерский, Татарский, Тогурский, Томский и Щегловский), в Тургайской области — областное и 4 отдельных пункта (Актюбинский, Иршеский, Кустанайский и Тургайский), в Уфимской губернии — губернское, 3 уездных (Бирское, Златоустовское и Стерлитамакское) и 3 отдельных пункта (Белебеевский, Мензелинский и Уфимский), в Уральской области — только областное управление, в Урянхайском крае (Тува) — 1 отделение в Белоцарске, в Якутской области — 1 отделение в Якутске¹; помимо этого, в полосе отчуждения КВЖД было учреждено Харбинское управление гособхраны (на правах губернского)². Итого — 17 губернских и областных управлений, 43 уездных отделения и 54 отдельных пункта (из них 4 — в несформировавших управления губернских центрах).

Однако сам факт учреждения органов государственной охраны на местах не всегда означал их фактическое развертывание, которое порой задерживалось как из-за нехватки кадров, так и острого дефицита средств. Сохра-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 10. Д. 116. Л. 6 об—8.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 25. Л. 6.

нившиеся в архиве докладные записки управляющих губерниями и начальников губернских управлений государственной охраны буквально пестрят запросами на отпуск кредитов на содержание штатов, оборудование и т.п. Так, в Амурской области к формированию этой службы приступили 22 августа 1919 г., но 13 октября управляющий областью доносил, что государственная охрана в области «не функционирует», так как кредит на ее содержание до сих пор не открыт, и лишь 17 октября Особый отдел представил в финансовый отдел МВД расчеты на отпуск кредитов госохране Амурской и Забайкальской областей; лишь после этого, в конце октября областное управление госохраны в Благовещенске было открыто¹. Поскольку это было незадолго до падения белого Омска, можно заключить, что фактической деятельности госохрана Амурской области так и не развернула. Так и не был назначен ее начальник, за отсутствием профессиональных кадров обязанности которого временно исполнял по совместительству начальник областной милиции коллежский асессор В.П. Яниос, не успевавший справляться с ними, почему управляющий областью Прищепенко просил назначить начальником госохраны человека более свободного, пусть и непрофессионала, хотя бы прапорщика ОМОНа. Сохранилась любопытная телеграмма его в Департамент милиции: «Имеются сведения, [что] уполномоченным [по] охране государственного порядка предполагается атаман Кузнецов. Доношу, [что] атаман человек недалекий, вздорный, не будет отвечать назначению»². Так и не была утверждена кандидатура начальника Семипалатинского

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 8. Л. 25, 57—63.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 8. Л. 36 об, 56.

областного управления госохраны, за неимением которого исполнение обязанностей было временно возложено на помощника начальника, по совместительству — председателя местной следственной комиссии коллежского советника И.П. Ильинского¹.

Даже в «столичной» Акмолинской области дело с комплектованием штатов госохраны обстояло неудовлетворительно: в начале октября 1919 г., за месяц до падения белого Омска, управляющий областью докладывал директору Департамента милиции, что, помимо областного управления госохраны, на местах реально функционируют лишь Петропавловское уездное управление и Куломзинский отдельный пункт (да и то оба были сформированы лишь летом, хотя Петропавловское управление и возглавил опытный профессионал — бывший жандармский ротмистр Журавский), тогда как учреждённые ранее Атбасарский и Кокчетавский отдельные пункты так и не были на практике сформированы². В том же месяце начальник областного управления госохраны полковник В.Н. Руссиянов рапортовал управляющему Особым отделом генерал-майору В.А. Бабушкину, что управление перегружено работой, только за два месяца (июль—август) основные его сотрудники — 4 помощника и 2 чиновника для поручений — расследовали 137 дел, и ходатайствовал об увеличении штатов³.

Из-за начавшегося в мае—июне 1919 г. отступления колчаковской армии фактически не была сформирована государственная охрана в Уфимской губернии: ее управ-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 15. Л. 10.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 24. Л. 103.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 24. Л. 104.

ление начало комплектование штатов лишь после эвакуации в Златоуст, а затем в Челябинск в июле месяце (причем до этого времени начальник управления и его помощники два месяца жили в железнодорожном вагоне), а в процессе оставления Урала поступил приказ о его переводе в полном составе в Енисейскую губернию, где на его базе было развернуто местное губернское управление госохраны¹.

В свою очередь, управляющий Забайкальской областью С. Таскин в сентябре 1919 г. докладывал министру внутренних дел, что, несмотря на открытие в области управления государственной охраны с 1 августа, еще не получено от правительства «ни копейки денег», но тем не менее управление «сформировано и работает» благодаря энергии его начальника, жандармского профессионала полковника Л.А. Иванова, идет формирование уездных управлений и отдельных пунктов². За месяц до падения белого Омска, в начале октября 1919 г. управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев сообщал, что из всех учрежденных по губернии отделений госохраны до сих пор сформированы управления в самом Иркутске, Нижнеудинске, Черемхово и Верхотенске (причем в двух последних — уже осенью), а также «в ближайшее время будут открыты» в Балаганске и Ангарске³. Примерно тогда же управляющий Семипалатинской областью Зверев доносил, что в его области фактически действуют лишь два из учрежденных управлений — областное и Павлодарское уездное, да предполагается к открытию в октябре отдельный пункт в Зайсане⁴.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 39. Л. 31—33, 41.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 10. Л. 39 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 126.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 15. Л. 55.

Исходя из секретного характера деятельности государственной охраны, В.Н. Пепеляев предпочитал ее не афишировать. В этой связи характерна любопытная депеша вр.и.д. управляющего Особым отделом Департамента милиции Львова на имя начальника Алтайского губернского управления госохраны капитана (впоследствии подполковника) Н.И. Игнатова: «По дошедшим до Департамента милиции сведениям, Вашим распоряжением над помещением, нанятым для вверенного Вам управления, помещена обращающая на себя по размерам внимание вывеска «Алтайское губернское управление государственной охраны». Г[осподин] министр внутренних дел, узнав об этом, иронически отнесся к Вашему стремлению анонсировать себя в такой резкой форме. Об изложенном сообщая для сведения» (впрочем, в ответном рапорте Игнатов отрицал наличие такой вывески и объяснял такие слухи сплетнями недоброжелателей)¹.

31 мая 1919 г. и.о. управляющего Особым отделом Департамента милиции Львовым были утверждены «Правила о службе агентов наружного наблюдения», дополненные подробной инструкцией по производству наружного наблюдения на основе многолетнего опыта соответствующих подразделений дореволюционного Департамента полиции². (См. приложение 10.)

Проводя дознания по делам о государственных преступлениях, органы госохраны должны были руководствоваться статьей 1035 Устава уголовного судопроизводства (т. 16 Свода законов Российской империи издания 1914 г.), в которую были внесены соответствующие изменения.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 7. Л. 30, 71.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 3. Л. 74—74 об, 96—105 об.

Помимо прочего, в ней, как отметил историк С.П. Звягин, оговаривался порядок взаимодействия органов госохраны с милицией и прокуратурой. Так, помимо прокурорского надзора за ведением дознаний (§ 5), окружному прокурору предоставлялось и право возбуждения предварительного следствия по политическим делам (по итогам дознания, оконченные материалы которого направлялись ему, в соответствии с § 23), которое поручалось судебному следователю (§ 29). Дознания по особо важным делам могло вести лицо, специально назначенное для этого верховной властью, в присутствии прокурора судебной палаты. Обыск и арест производились также с санкции окружного прокурора (§§ 11, 14). Он же мог прекратить производство дознания в случае отсутствия состава преступления или необнаружения виновного, а при недостатке улик — запросить прокурора судебной палаты об отмене ареста (§ 25). При этом, если государственный преступник являлся военнослужащим, дознание по его делу вело военное ведомство (§ 7). При этом статья не регламентировала разграничения функций госохраны с контрразведкой¹. Постановление Совета министров «О правах и обязанностях чинов военной контрразведки по производству расследований» от 3 мая 1919 г., которое было принято почти в той же редакции, что и «Временное положение о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведывательной службы по производству расследований», со своей стороны не регламентировало взаимодействие с органами госохраны². В документе лишь сказано, что начальники отделений и пунктов, их помощники и классные

¹ Звягин С.П. Указ. соч. С. 84—85.

² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 240. Л. 10—11.

чины имели право производить обыск и предварительный арест заподозренных лиц при содействии милиции на основании ордера, выданного их начальниками¹.

По ходу отметим, что оконченное контрразведкой расследование направлялось в военно-окружные или окружные суды, где судьбы обвиняемых решали несколько офицеров. Однако приговоры утверждались высокопоставленными военными, обладавшими правом предания военно-полевому суду. Первоначально этим правом на театре военных действий наделялись начальник штаба Верховного главнокомандующего, командующие армиями, командиры корпусов, главные начальники военных округов. Впоследствии командармы могли предоставлять такие полномочия начальникам крупных гарнизонов и уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Но при этом, как отмечают очевидцы, органы безопасности превышали свои полномочия, злоупотребляли служебным положением, творили произвол в отношении арестованных. «Про некоторые контрразведки ходили рассказы, будто они напоминают собой застенки, где не только держат ни в чем не повинных людей, но стараются получить показания пытками и угрозами», — свидетельствует в своих «Записках» И.И. Сукин². 30 ноября 1918 г. Тюменская следственная комиссия жаловалась министру внутренних дел на контрразведку, требовавшую в свое распоряжение арестованных внесудебным порядком вопреки постановлению Временного Сибирского правительства № 73 от 27 августа

¹ ГАРФ. Ф. р-7490. Оп. 1. Д. 4. Л. 31—32; РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 206. Л. 13—14.

² Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 426.

1918 г., согласно которому они должны были передаваться следственным комиссиям¹. Подобные факты вызвали циркулярное обращение А.В. Колчака к местным органам гражданской и военной власти, призывавшее военные органы не злоупотреблять властью и соблюдать закон, напоминая, что, согласно ст. 13 принятых еще Временным Сибирским правительством «Временных правил о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 15 июля 1918 г., милиция и другие «силовые» правоохранительные органы подчинены военным начальникам только по делам охраны порядка и безопасности, в остальном же — местной гражданской администрации².

Первое время предварительные дознания осуществлялись госохраной вместе с губернскими следственными комиссиями. Незадолго до краха колчаковского режима, в октябре 1919 г. функции были разграничены: с преобразованием губернских следственных комиссий в окружные (при окружных судах) вся работа по дознаниям передавалась госохране, от которой дела в законченном виде передавались в следственную комиссию³.

Поскольку четкого разграничения функций между государственной охраной и контрразведкой в законодательстве не было, это нередко приводило к параллелизму и дублированию в их деятельности. В Томске, например, помимо управления госохраны генерал-майора С.А. Романова действовали отделение контрразведки штаба Омского военного округа, контрразведка при штабе 2-й ди-

¹ ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 4. Д. 9. Л. 2—2 об.

² ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 4. Д. 9. Л. 6—6 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 128.

визии, городское отделение контрразведки (официально именовавшееся военным контролем), сыскное отделение городской милиции и чешская контрразведка. В Иркутской губернии параллельно действовали контрразведка штаба округа, военного района и управление госохраны. Однако управляющий губернией П.Д. Яковлев считал их работу неудовлетворительной и жаловался в мае 1919 г. министру внутренних дел, что «до сих пор не введены агенты ни в предприятия, ни в союзы, ни в организации»¹.

Ведомственная рознь между госохраной и контрразведкой проявлялась по самым разным поводам. Так, в мае 1919 г. начальник Иркутского губернского управления госохраны капитан (впоследствии — подполковник) Н.А. Смирнов докладывал в Особый отдел, что возглавляемой им ранее в Иркутске одной из параллельно существовавших контрразведок (отделением Главного военного контроля) «после тщательного агентурного наблюдения и предварительных розысков были открыты первые следы существования в городе тайной большевистской организации»; после расформирования же этого отделения в апреле 1919 г. и своего перехода в создаваемую госохрану он получил приказ от штаба военного округа сдать все дела военно-окружной контрразведке. Однако Смирнов выполнить этот приказ «без ущерба для дела не нашел возможным» и просил поддержки перед штабом округа с тем, чтобы эти дела остались у него в формируемом управлении госохраны².

На ненормальность такого положения указывали и другие начальники государственной охраны на местах. Так,

¹ ГАИО. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 374. Л. 9.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 17 об.

начальник Приморского областного управления госохраны полковник А.А. Немысский в докладной записке директору Департамента милиции, ходатайствуя о переводе в госохрану из контрразведки части жандармских офицеров, отмечал: «Контрразведка в силу сложившихся обстоятельств уже скоро год как занимается исключительно политическим розыском... штаты ее разрослись до весьма значительных размеров, не оправдываемых необходимостью борьбы с иностранным военным шпионством»¹. В донесении управляющему областью он жаловался на «сепаратный образ действий» начальника контрразведки Владивостокской крепости, не желавшего передавать госохране пограничный пункт паспортного контроля². Конфликт продолжался и дальше, так что в дело был вынужден вмешаться главный начальник Приамурского края и одновременно командующий Приамурским военным округом генерал-лейтенант С.Н. Розанов, специальным приказом поручивший начальнику своей канцелярии навести порядок в этом деле и устранить «параллельность» в работе контрразведки и госохраны³. В свою очередь, начальник канцелярии Розанова издал приказ, угрожавший начальникам обоих конфликтующих ведомств: «За преппирательства, ссоры... буду преследовать всеми имеющимися в моем распоряжении мерами, вплоть до смещения с занимаемой должности и предания суду»⁴.

Не менее красноречивые факты приводятся в докладе главного начальника Самаро-Уфимского края А.В. Колчаку от 18 апреля 1919 г. В нем говорится, что в первые дни

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 14. Л. 20.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 14. Л. 52.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 14. Л. 103.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 14. Л. 131.

после взятия белыми Уфы в марте 1919 г. «каждый полк в Уфе имел свою контрразведку, производя обыски и аресты, причем никаких дознаний не производилось». Потом был организован единый контрразведывательный пункт при начальнике гарнизона города, который арестовал по подозрению в причастности к большевизму 1416 человек, из которых 23 были ликвидированы «при попытке к бегству»¹. Попутно, однако, отметим, что подобные масштабы террора совершенно не удивительны, если учесть, что, по данным Особого отдела Департамента милиции, в той же Уфе большевики за несколько месяцев расстреляли свыше тысячи горожан, из них большую часть — накануне своего отступления².

Необходимость четкого разделения зон ответственности контрразведки и госохраны ясно осознавалась не только профессионалами. Об этом писал управляющий Забайкальской областью, видный кадет С.А. Таскин министру внутренних дел В.Н. Пепеляеву в докладе, сохранившемся в подлиннике: «Во избежание междуведомственных трений и недоразумений, считаю крайне необходимым циркулярное разъяснение взаимоотношений органов государственной охраны и военной контрразведки», которая «часто распространяет свою деятельность и на гражданское население... Разъяснение необходимо в том смысле, — уточнял автор, — что военная контрразведка действует только среди войск, все же сведения, добываемые ею по делам, относящимся к ведению государственной охраны, она обязана незамедлительно сообщать в государственную охрану». В частности, он предлагал изъять

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 26. Л. 20.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 35.

из подчинения контрразведке пограничные паспортные пункты и подчинить их госохране, а с целью поднятия престижа последней законодательно наделить ее чинов всеми привилегиями государственной службы (в этом месте имеется собственноручная приписка В.Н. Пепеляева на полях доклада: «К чинам охраны не относятся филеры и секр[етные] агенты. В. П[епеляев]»)¹.

О ведомственном соперничестве и отсутствии должного взаимодействия между контрразведкой и госохраной свидетельствуют и другие документы. Управляющий Алтайской губернией, в частности, отмечал в одном из донесений, что «часто милиция и государственная охрана не осведомляются ни о чем военной контрразведкой»².

Однако, хотя вполне очевидно, что В.Н. Пепеляев внимательно читал этот и подобные ему доклады, четкого разграничения сфер ответственности и взаимоотношений между госохраной и контрразведкой так и не было проведено. Это приводило к нередким ведомственным конфликтам между ними. Наиболее яркий из них связан с попыткой начальника контрразведки Сибирской армии полковника Й. Зайчека в марте 1919 г. арестовать по обвинению в вымогательстве прикомандированного к Департаменту милиции подполковника Константинова. По распоряжению министра внутренних дел вмешался начальник Акмолинского областного управления госохраны подполковник (впоследствии — полковник) В.Н. Руссианов, который пресек эту попытку, причем в результате дело едва не дошло до стрельбы. В защиту контрразведки выступил главный военный прокурор, написавший жало-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 10. Л. 43—43 об.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 164.

бу А.В. Колчаку. По распоряжению последнего (не разобравшегося сразу в деле) Россиянов был предан Омскому военно-окружному суду, но по выяснении обстоятельств дела оправдан¹.

Нередко работу государственной охраны осложняли трения с управляющими губерниями (лицами по преимуществу гражданскими и привыкшими к другим методам работы), которым они были официально подчинены. Если, например, начальник Тобольского губернского управления полковник В.П. Григорович был назначен при активном содействии управляющего губернией и работал в полном содружестве с ним, то начальник Алтайского губернского управления капитан, в дальнейшем подполковник Н.И. Игнатов был назначен «вопреки желанию» управляющего губернией и то и дело жаловался Особому отделу на его неприязнь и нежелание содействовать в работе². Своего человека хотел видеть во главе госохраны управляющий Енисейской губернией, и Особому отделу пришлось дважды напоминать ему, что начальником местной госохраны назначен бывший начальник Уфимского управления подполковник Н.Н. Рудов, в полном составе эвакуированного в Красноярск для развертывания работы на новом месте³. Управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев, признавая начальника губернского управления госохраны Н.А. Смирнова лучшим из имевшихся кандидатов на эту должность, отмечая, что он «знает технику дела, очень вежлив, закономерен», вместе с тем жаловался министру внутренних дел, что он «человек не мест-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 21; *Греков Н.В.* Контрразведка и органы государственной охраны Белого движения Сибири... С. 213—214.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 7. Л. 65, 71.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 9. Л. 15.

ный, плохо знакомый с местными особенностями», не во всем советуется и нерегулярно докладывает ему, а кроме того, что у него «нет жилки спортсмена, а в таком деле, как охрана, борьба с подпольем, нужна именно эта жилка, нужно постоянное рвение перехитрить, пересилить, окружить, впутать в свои сети врага». В итоге, заключал Яковлев, «работы охраны в организациях я не вижу. Отсутствие серьезных агентов приводит начальника охраны к ложным тревогам, основанным на сенсационных ему сообщениях, которые раздражают военных, заставляя их принимать меры, ничем впоследствии не оправдываемые... Чувствуется, что капитан Смирнов, при всех своих хороших качествах, будет слаб»¹.

В конце концов, подобные жалобы так надоели министру внутренних дел В.Н. Пепеляеву, что он на полях цитированного доклада собственноручно начертил синим карандашом размашистую резолюцию: «Когда наконец упр[авляющим] губ[ерниями] станет понятно, что упр[авление] гос[ударственной] охр[аны] подчинено им? Требую немедленного оповещения упр[авляющих] губ[ерниями]. Мне надоела эта проволочка»² (подчеркнуто автором резолюции. — *Авт.*). Вслед за этим, не понадеявшись на подчиненных, он лично диктует циркулярную телеграмму всем управляющим губерниями: «Срочно. Циркулярно. Управляющим губерниями (областями). Управления государственной охраны [в] силу закона, принятого Совмином, подчинены управляющим губерниями [и] областями. Прошу иметь в виду, что вследствие этого ответственность за спокойствие губернии и своевремен-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 55—56 об.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 55.

ное осведомление меня ныне [в] еще большей степени ложится на управ[ляющих] губ[ерниями]. В. Пепеляев»¹.

В свою очередь, старые профессионалы-жандармы иной раз высказывали недовольство своим подчинением штатским управляющим губерниями. Упомянувшийся начальник Иркутского губернского управления госохраны подполковник Н.А. Смирнов в докладе Особому отделу выражал сомнения в целесообразности такого подчинения, в результате которого, по его мнению, «деятельность чинов государственной охраны... будет получать оценку и будет зависеть чисто от индивидуальных черт и личных взглядов... от политической окраски лица, стоящего в данный момент во главе губернии»². Иногда проявлялось непонимание со стороны управляющих губерниями сущности и задач госохраны. Так, товарищ министра внутренних дел Ячевский пенял управляющему Семипалатинской областью Самойлову, что тот вместо организации госохраны у себя в области, как требовало постановление правительства, зачем-то создал импровизированную контрразведку в составе 3 человек при местном ОМОНе³.

Было ли известно А.В. Колчаку о трениях между контрразведкой и государственной охраной и предпринимались ли властью попытки разграничить их функции — однозначного ответа нет. Судя по документам, Верховного правителя больше беспокоили сбои в системе военного управления, порожденные, в частности, соперничеством между центральными учреждениями. Тому подтверждением являются трения между Ставкой и Военным мини-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 57.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 84.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 15. Л. 23.

стерством, мешавшие эффективному управлению войсками в сложной обстановке Гражданской войны. «Отношения между Ставкой и Военным министерством самые враждебные; обе стороны зорко шпионят друг за другом и искренне торжествуют и радуются, если супротивник делает промахи и ошибки», — свидетельствовал в своем дневнике барон А.П. Будберг¹. Это противостояние передавалось и войскам. Понимая всю опасность сложившегося положения, адмирал А.В. Колчак издал приказ, в котором категорически потребовал «прекращения розни, недоброжелательства и стремления выискать промахи других и повелеваю каждому заниматься порученным ему делом»².

Кроме того, действующие самостоятельно атаманы и их отряды зачастую занимались грабежами, разбоями, дезорганизовывали армию, чем подрывали доверие населения к власти. Только в одном Омске было 8 контрразведок, включая самочинно возникшие при казачьих атаманах³. Нередко, пользуясь обстановкой смутного времени, под видом контрразведчиков, облеченных властью, подвизались откровенные самозванцы и аферисты. Так, в Новониколаевске в конце ноября 1918 г. был арестован самозванный начальник контрразведки штабс-капитан Степаненко⁴. «Для того чтобы объединить под своим крылом все эти разрозненные формирования, необходимо было

¹ Будберг А. Дневник. М., 1990. С. 243.

² Цит. по: Варламова Л.Н. Аппарат военного управления Всероссийского временного правительства А.В. Колчака... С. 20.

³ Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны Белого движения Сибири... С. 212—213; по докладу МВД также — ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 9. Д. 35. Л. 9.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «б». Л. 34.

подчинить казачество центральному военному аппарату управления, но с предоставлением ему своеобразного самостоятельного центрального органа, — пишет историк Л.Н. Варламова. — Сложилась ситуация, когда правительство было вынуждено идти на компромисс, считаясь с настроением кругов, в руках которых, так или иначе, значительная вооруженная сила»¹.

Чтобы урегулировать отношения между штабом Верховного главнокомандующего и Военным министерством, а также подчинить общему порядку казачество, в мае 1919 г. были начаты новые реорганизации органов военного управления, результатом которых, по мнению помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта А.П. Будберга, «является создание невероятно громоздкой Ставки, вбирающей в себя часть отделов Военного министерства»².

Между тем обстановка на фронте усложнялась. В тот период войска Южной группы Восточного фронта продолжали контрнаступление. Чередой тактических операций красных привела к потере Екатеринбурга (14 июля) и Челябинска (24 июля). Особенно значимым стало поражение белых войск под Челябинском, где были истрачены последние резервы, а в плен попало около 15 тыс. человек. Продвижение красных войск сдерживало лишь обострение дел на Южном фронте, где мощное наступление развернул А.И. Деникин.

Таким образом, вышеперечисленные и другие обстоятельства говорили о необходимости реформы в армии,

¹ *Варламова Л.Н.* Аппарат военного управления Всероссийского временного правительства А.В. Колчака... С. 20.

² *Будберг А.* Указ. соч. // Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. С. 255.

что также стало очевидным для А.В. Колчака и его ближайших помощников. 25 июня 1919 г. приказом начальника штаба ВГК № 558 была объявлена новая структура центральных органов военного управления, во главе которой стоял адмирал А.В. Колчак и Ставка. Его ближайшими помощниками являлись начальник штаба и военный министр. Штаб ВГК, Военное министерство и Главное управление по делам казачьих войск объявлялись высшими органами военного управления¹.

Вопросы контрразведки и военного контроля как в действующей армии, так и в тыловых военных округах, а также цензуры, печати, осведомления² и пропаганды возлагались на управление 2-го генерал-квартирмейстера при ВГК, которое было окончательно сформировано к 9 июля 1919 г. В его состав вошли разведывательный, контрразведки и военного контроля, осведомительный отделы, а также главное военное цензурно-контрольное бюро, канцелярия, особое отделение и технический подотдел³.

Важно отметить, что частые реорганизации, проводимые военачальниками, мало знакомыми с методами рабо-

¹ Варламова Л.Н. Аппарат военного управления Всероссийского временного правительства А.В. Колчака... С.20.

² Осведомление, или осведомительная работа, «рассматривается, с одной стороны, как совокупность институциональных, функциональных и дискурсивных элементов; с другой — в целостном единстве его составляющих: информационного обеспечения государственной власти, политической пропаганды, культурно-просветительной работы в войсках и контроля настроений населения». (Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2012. С. 5).

³ ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 207; РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 4.

ты контрразведки, вносили путаницу в ее организацию и деятельность.

При этом реорганизация не затронула всей системы, которая продолжала оставаться громоздкой и трудно управляемой. Как отмечал 2-й генерал-квартирмейстер штаба ВГК генерал-майор П.Ф. Рябиков, сложно «было направлять работу в армиях на всей громадной территории Сибири и Дальнего Востока. Большое количество контрразведывательных органов, постоянная между ними нездоровая конкуренция, сопровождаемая иногда “подсиживанием” друг друга и взаимными интригами, отнимала много времени для очищения... контрразведывательной атмосферы»¹.

20 августа 1919 г. полковник Н.П. Злобин представил генерал-майору П.Ф. Рябикову доклад, в котором предлагал создать единую вертикаль органов безопасности. Суть проекта заключалась в упразднении военно-контрольных отделений на ТВД и передаче их функций военной контрразведке².

К концу лета 1919 г. положение на фронте значительно изменилось. Инициатива перешла к Красной армии. После взятия Челябинска ей открылась дорога вглубь Сибири. 6 августа войска Восточного фронта стали преследовать колчаковцев в двух направлениях: 3-я армия — на Ялуторовск—Тюмень, 5-я — вдоль железной дороги Челябинск—Курган. Отсутствие координации в деятельности войск, большие потери в живой силе и технике, усталость войск и отсутствие резервов усугубляли положение колчаковской армии. Громоздкая система центрального во-

¹ ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 138—138 об.

² ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 10. Л. 7 об, 8 об.

енного управления оказалась малопригодной в создавшихся условиях. «Отсюда-то и получалось, что из 800 тысяч ртов в строю оказалось всего 70 тысяч бойцов, которые обслуживали: штаб главнокомандующего, пять штабов армий, штабов корпусов и 35 штабов дивизий, — свидетельствует генерал-лейтенант Д.В. Филатьев. — А в то же время у красных против нас действовала одна армия из 3—4 дивизий и 2—3 конных бригад, и эта сравнительная горсточка и разбила в конце концов наши толпы обозных и обратила в бегство многочисленные штабы с их тучей переписчиц, при которых нередко возились в обозе и их родители»¹.

Приказом № 762 от 10 августа 1919 г. было объявлено о расформировании штаба Восточного фронта. Распоряжением начальника штаба ВГК от 17 августа был вновь сформирован Походный штаб фронта, в составе которого находился разведывательный отдел, а при нем — контрразведывательная часть².

Приказ от 2 сентября 1919 г. № 997 ограничился лишь переименованием органов военного контроля в местные органы контрразведки, оставив их в структуре военно-административных управлений районов армий. Контрразведывательные отделения и пункты армейских штабов были переименованы в войсковую контрразведку³. Став начальником штаба Восточного фронта, генерал П.Ф. Рябиков, из-за большой загруженности работой, поступил вопреки рапорту полковника Н.П. Злобина — передал всю контрразведку военно-административному управ-

¹ *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири // Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири. С. 59.

² РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 59. Л. 68 об; Д. 81. Л. 62—62 об, 69.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

лению. «После ряда совещаний с генералом Домонтовичем (главный начальник военно-административного управления района Восточного фронта. — *Авт.*) мною был составлен доклад о передаче дела управления контрразведкой и военным контролем в ведение военно-административного управления, имевшихся при армии и в тыловом округе, — писал П.Ф. Рябиков. — Всяческое содействие контрразведке и военному контролю должна была оказывать наружная и уголовная милиция, а также милиция железнодорожная»¹.

После реорганизации задачи органов безопасности остались прежними: войсковая контрразведка занималась ликвидацией неприятельских шпионов и агитаторов в войсках, местным органам контрразведки вменялось в обязанность ведение борьбы с антигосударственными элементами страны. С целью выяснения отношения войск и населения к существующему строю, агентура насаждалась во все подразделения, вплоть до рот и эскадронов, и во все населенные пункты².

1 октября 1919 г. был издан приказ начальника штаба ВГК № 1184 об образовании из Ставки и Походного штаба ВГК управлений Восточного фронта: полевого управления артиллерии фронта, полевого инспектора инженеров фронта, главного начальника военно-административного управления, осведомительного управления и личного конвоя главкома армиями Восточного фронта. Контрразведывательный отдел штаба ВГК был переподчинен главному начальнику военно-административного управления

¹ ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 144.

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 18. Л. 84—88; Ф. 40218. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

фронта. Заметим, что генерал-квартирмейстер непосредственно подчинялся начальнику штаба фронта, а главный начальник военно-административного управления — главнокомандующему фронтом¹.

В ноябре 1919 г. председатель комиссии по ревизии омского экономического офицерского общества генерал-майор В.Н. Фельдман, обобщив опыт работы органов безопасности в колчаковский период, в частности, не согласился с тем, что контрразведка являлась официальным учреждением «публичного характера». По его мнению, это позволяло большевикам установить наблюдение за зданиями, где размещались спецслужбы, и тем самым выявить их штатных сотрудников и агентуру. В качестве меры противодействия генерал предлагал вывести контрразведку из состава военного ведомства и законспирировать под какое-нибудь учреждение или заведение, чтобы «скрыть от взоров общества». Аресты и «прочие акты» предлагалось проводить «гласным аппаратом старого типа»². Ничего нового данное предложение В.Н. Фельдмана не содержало. Создавая в 1911 г. контрразведывательную службу, ГУГШ законспирировала ее деятельность. По этой причине сотрудники КРО были лишены всякой исполнительной власти, даже той, которую они имели как жандармские офицеры. Инструкцией им предписывалось только вести наружное наблюдение, а в случае обысков и арестов обращаться к местным жандармским органам³.

Органы государственной охраны МВД пытались добиться передачи им от контрразведки всего собираемо-

¹ РГВА. Ф. 39499. Оп.1. Д. 25. Л. 195 в—195 г.

² ГАРФ. Ф. р-5881. Оп. 1. Д. 518. Л. 49—49 об.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915. Д. 356. Т. 1. Л. 11.

го материала по уличению большевиков и прочим государственным преступникам. Однако в действительности предписания военного министра игнорировались контрразведывательными органами: так, управление госохраны и КРО штаба Иркутского военного округа действовали разобщенно, о чем указывал управляющий Иркутской губернией начальнику штаба округа 22 октября 1919 г.¹.

К началу 1920 г. армия А.В. Колчака была полностью разгромлена. Как известно, 4 января адмирал сложил с себя все полномочия, передав верховную власть А.И. Деникину, а военную и гражданскую власть на территории восточной окраины — атаману Г.М. Семенову.

При создании органов безопасности на фронте и в тылу колчаковские власти руководствовались нормативно-правовой базой дореволюционного периода и Временного правительства, что обрекало контрразведку военного ведомства и государственную охрану МВД на соперничество и конкуренцию. Попыток разграничить их функции или сконцентрировать под единым руководством не было, по всей видимости, потому, что военные и гражданские власти откладывали разрешение данной проблемы на послевоенный период. Однако тесная взаимосвязь внешних и внутренних угроз безопасности белогвардейским режимам явилась толчком к объединению спецслужб и органов внутренних дел. И на завершающем этапе Гражданской войны наметилась *тенденция* к созданию специальной службы, объединившей в 1921—1922 гг. на Дальнем Востоке (Гродековская группа войск, Земская рать) под единым началом три функции — разведку, контрразведку и политический сыск.

¹ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 166. Л. 154—154 об.

Раздел 2

ПОДБОР, РАССТАНОВКА И ПОДГОТОВКА КАДРОВ

Сила спецслужб любого государства определяется рядом факторов, в том числе надежностью и профессионализмом кадров. Исследователи А.Г. Шаваев и С.В. Лекарев считают, что эффективность деятельности разведки и контрразведки также зависит от соответствия квалификации сотрудников и их морально-нравственных качеств решаемым задачам, а также от умения руководителей использовать способности своих сотрудников для выполнения обязанностей в режиме «устойчивого равновесия»¹.

Подбор, расстановка и обучение кадров для спецслужб — это длительная и кропотливая работа, которая дает позитивные результаты, как считают авторы, в основном в политически стабильных и экономически развитых странах. В периоды же социальных катаклизмов, являющихся следствием экономического и политического кризисов, кардинально изменяются условия жизнедеятельности государственно-управленческого аппарата. В динамично меняющихся общественных процессах прежняя система работы с кадрами уже не действует.

¹ Шаваев А.Г., Лекарев С.В. Разведка и контрразведка. Фрагменты мирового опыта и теории. М., 2003. С. 206.

В годы Гражданской войны как большевистской России, так и белогвардейским государственным образованиям пришлось заново создавать свои органы безопасности в условиях хаоса, глубокого социального, политического и идейно-нравственного раскола. Обстановка тех лет наложила определенный отпечаток на подбор и подготовку кадров спецслужб.

Комплектование органов безопасности на Востоке России имело одну важную особенность: А.В. Колчак принимал на руководящие должности чинов Отдельного корпуса жандармов.

После свержения советской власти в Сибири в силу нахождения там чехословацкого корпуса в белогвардейских армиях ощущалось влияние чешских офицеров. Например, перешедший на русскую службу капитан (затем — полковник) И.И. Зайчек 10 июля 1918 г. был назначен начальником отделения военного контроля управления генерал-квартирмейстера штаба Западно-Сибирской отдельной армии. Но поскольку он не являлся специалистом в области оперативно-розыскной деятельности, то помощниками к себе взял бывших жандармов — полковников Н.Н. Козлова и Н.Н. Субботина¹ — бывшего начальника Томского губернского жандармского управления.

Потомственный дворянин Витебской губернии Н.Н. Субботин родился 20 февраля 1864 г. Окончил Екатеринбургское Алексеевское реальное училище, Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище. На военной службе — с 1885 г. в 21-м драгунском Белорусском Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полку «рядовым на правах вольноопределяющегося II разря-

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 18. Л. 32—32 об.

да». Жандармскую службу начал в 1890 г. с прикомандирования к Московскому жандармскому дивизиону «для испытания по службе и перевода в оный впоследствии». В 1894 г. Н.Н. Субботина прикомандировали к штабу ОКЖ. С 1895 г. служил в ряде губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог. Временно заведовал рядом управлений и их отделений. При этом, благодаря ответственному отношению к делу и завидной энергии, он везде считался особо ценным работником. Как отмечалось в письме от 1 февраля 1913 г. начальнику Казанского ГЖУ начальника Минского ГЖУ, прикомандированный к последнему Н.Н. Субботин осуществил двадцать два дознания и одну «переписку в порядке охраны», причем «все эти дознания произведены им настолько удовлетворительно, что ни одно из дознаний возвращено не было». Известно также, что за производство этих дознаний в 1909 г. он получил благодарность от прокурора Виленской судебной палаты. Руководство Казанского ГЖУ считало подполковника Н.Н. Субботина «высоким» профессионалом политического розыска¹.

По воле обстоятельств, профессионалы Н.Н. Козлов и Н.Н. Субботин недолго подчинялись дилетанту И.И. Зайчеку. Сначала чеха назначили руководителем контрразведки в Ставке. А после конфликта с директором Департамента милиции Верховный правитель в марте 1919 г.

¹ *Алексеев И.* «Кадровый вопрос» в Казанском губернском жандармском управлении накануне Февральской революции 1917 г. URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/08/kadrovyy_vopros_v_kazanskom_gubernskom_zhandarmskom_upravlenii_nakanune_fevralskoj_revolyucii_1917_g. (дата обращения: 12.02.2013).

уволил его со службы. Адмирал со временем избавился и от других иностранцев, участвовавших в политических интригах, заменив их русскими офицерами.

«Наличие в аппарате государственной безопасности иностранцев было как положительным, так и негативным фактором, — считает историк А.А. Рец. — Положительным моментом было то, что офицеры Чехословацкого корпуса и офицеры-сербы на тот момент представляли собой настроенную против большевиков группу. В то же время они были слабо знакомы со спецификой работы органов безопасности и не были в достаточной мере знакомы со спецификой российских в целом и сибирских, в частности, условий, что сводило их роль в таких структурах близко к нулю. Поэтому чаще всего сербов и чехов использовали в основном как вспомогательный элемент для проведения арестов и обысков или при допросах арестованных лиц»¹.

Кадровый костяк контрразведывательного органа штаба ВГК составляли профессионалы оперативно-розыскной деятельности. ЦОВК в ноябре 1918 г. возглавил жандармский полковник Н.П. Злобин.

Николай Павлович Злобин родился в 1871 г. Окончил полный курс Кронштадтского реального училища, ремесленные курсы в Санкт-Петербурге, Алексеевское военное училище. В 1902 г. был переведен в Отдельный корпус жандармов. С октября 1915 г. по август 1917 г. являлся помощником начальника разведотдела и начальником контрразведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. В 1918 г. возглавлял разведку штаба отдельного отряда, действовавшего про-

¹ Рец А.А. Указ. соч. С. 179.

тив большевиков на Волге¹. 2-й генерал-квартирмейстер штаба ВГК генерал-майор П.Ф. Рябиков характеризовал его как очень опытного и знающего свое дело офицера, который «давал достаточно правильные картины и о работе большевиков, и о деятельности различных партий на территории Сибири»².

Следует отметить, что далеко не каждый генерал-квартирмейстер мог дать компетентную оценку деятельности начальников контрразведывательных подразделений и грамотно ими руководить. Все дело в том, что непосредственные руководители начальников армейских спецслужб — генерал-квартирмейстеры штабов различных уровней — офицеры Генерального штаба — упрощенно говоря, специалисты по разработке и планированию боевых операций, имели, за редким исключением, самые общие представления о контрразведке и оперативно-розыскной деятельности. До Первой мировой войны некоторый опыт руководства контрразведкой через начальников разведывательных отделений, которым подчинялись начальники КРО, получили генерал-квартирмейстеры штабов военных округов, а с началом войны — генерал-квартирмейстеры штабов различных уровней на ТВД. В армиях белого адмирала таких оказалось немного. Пожалуй, самым опытным был упоминавшийся уже генерал-майор П.Ф. Рябиков. Его служба в разведке началась еще до Русско-японской войны 1904—1905 гг. В годы Первой мировой он руководил контрразведкой через начальника КРО, являясь начальником разведывательных отделений штаба 2-й армии и штаба Северного фронта и 2-м генерал-квартирмейстером ГУГШ.

¹ ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 16677. Л. 12.

² ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 138.

Уже находясь в «белой» Сибири, был экстраординарным профессором Академии Генерального штаба, а в мае 1919 г. назначен 2-м генерал-квартирмейстером. Через четыре месяца возглавил штаб Восточного фронта¹. Генерал П.Ф. Рябиков считал, что «контрразведка должна вести свою работу в самом тесном контакте с разведкой; разведка, выбирая сотрудников, имея дело с массой людей, недостаточно известных, должна всегда всесторонне выяснять в контрразведке, не является ли данное лицо, с которым приходится соприкасаться по разведке или услугами коего предположено пользоваться, подозрительным по шпионажу или не имеет ли оно каких-либо подозрительных связей»².

Сменивший П.Ф. Рябикова в должности 2-го генквартирмейстера в сентябре 1919 г. генерал-лейтенант М.А. Иностранцев опыта руководства разведкой и контрразведкой не имел³. Другие генерал-квартирмейстеры штабов различных уровней ранее на таких должностях не служили. В качестве исключения можно назвать генерал-майора Н.И. Ефимова, который должность генерал-квартирмейстера штаба Приамурского военного округа занимал с начала Первой мировой войны до прихода к власти на Дальнем Востоке Временного Приамурского правительства⁴.

Вернемся к кадрам контрразведки. Помощниками начальника ЦОВК были назначены ротмистр В. Ка-

¹ Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922. Разведка. М., 2013. С. 164—166.

² Рябиков П.Ф. Указ. соч. // Антология истории спецслужб. Россия. 1905—1924. М., 2007. С. 123.

³ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: биографический справочник. М., 2003. С.101—102.

⁴ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Указ. соч. С. 90.

фаров — обер-офицер для поручений при коменданте Ставки, титулярный советник Е. Афанасьев — помощник начальника КРО при штабе 6-й отдельной дивизии Средне-Сибирского корпуса, полковник А.В. Караулов — бывший начальник Тифлисского, Нижегородского и Южного охранных отделений. Полковник Н.В. Кучин, офицер для поручений ЦОВК, до революции являлся помощником начальника ряда губернских жандармских управлений¹. Контрразведку в Челябинске возглавил полковник Гиацинтов, служивший до февраля 1917 г. в Петроградском охранном отделении. После разгрома колчаковской армии он оказался в Приморье. Возглавляя КРО 3-го («каппелевского») корпуса, он применял пытки к арестованным подпольщикам².

При комплектовании КРЧ Главного штаба туда были переведены 18 офицеров и чиновников ЦОВК. Подполковник А.В. Караулов возглавил Центральное отделение военной контрразведки. Чинами для поручений стали ротмистр Н.В. Колодезников, полковник Н.В. Кучин, подполковник М.Г. Яковлев, надворный советник Фомичев; заведующим регистрационным бюро — гвардии ротмистр Л.Н. Канабеев³. Другие должности в контрразведывательной части занимали офицеры командного профиля, окончившие военные училища, реже — юридические факультеты университетов.

Контрразведывательную часть с 23 марта 1919 г. возглавил потомственный дворянин отставной жандарм-

¹ ГАРФ. Ф. 39466. Оп. 2. Д. 6. Л. 63, 64.

² Ципкин Ю.Н. Белогвардейские спецслужбы против коммунистического подполья на Дальнем Востоке в 1921—1922 гг. С. 72—93.

³ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 10. Л. 92—92 об, 111 об—112; Ф. 40218. Оп. 1. Д. 1а. Л. 31.

ский генерал-майор В.А. Бабушкин. Его судьба типична для офицеров ОКЖ. Василий Александрович родился в 1857 г. Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию в 1876 г. (впоследствии — 1-й кадетский корпус) и 2-е Константиновское военное училище в 1878 г. Начиная службу в лейб-гвардии Финляндском полку, откуда в 1887 г. перешел в жандармский корпус. Служил начальником жандармского железнодорожного отделения, помощником начальника губернского жандармского управления, старшим адъютантом штаба Варшавского жандармского округа, штаб-офицером при Главном управлении Отдельного корпуса жандармов, с 1904 г. — в чине полковника, начальник губернского жандармского управления в губерниях: Пермской (1904—1905), Эриванской (1905—1906), Терской области (1906—1907, в 1907—1908 — заведующий особым отделом по полицейской части канцелярии наместника Кавказа графа И.И. Воронцова-Дашкова), Костромской (1908—1912), Рязанской (1912—1916) и Симбирской (1916—1917), с 1913 г. — в чине генерал-майора. Как видим, человек с огромным 30-летним опытом работы в спецслужбах, из них 13 лет — в качестве начальника губернского жандармского управления в разных губерниях¹.

После расформирования КРЧ часть ее чинов была переведена в Центральное отделение военной контрразведки и военного контроля управления 2-го генерал-квартирмейстера при ВГК. 9 сотрудников во главе с начальником остались в резерве². В июле 1919 г. генерал В.А. Бабушкин возглавил Особый отдел государственной

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 14 «б». Л. 147—148.

² РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 20. Л. 1-2.

охраны¹. Однако в известном биографическом справочнике И.В. Купцова, А.М. Буякова и В.Л. Юшко по белому генералитету Востока России о его службе в Особом отделе госохраны даже не сказано, хотя архивные документы об этом имеются².

Полковник А.В. Караулов затем служил заведующим агентурой особого отдела Управления делами Российского правительства. По оценке сменившего его на этом посту Я.Д. Гусева, у офицера «сохранилась пунктуальность, но не осталось воли». В конце января 1920 г. А.В. Караулов вместе с Б.А. Деминовым и еще двумя сотрудниками особого отдела был арестован чекистами 5-й армии, а в марте умер в Красноярской тюрьме³.

На руководящие должности в округах также назначались бывшие контрразведчики и жандармы. Так, начальником отделения военного контроля при штабе Приамурского военного округа восстановлен капитан (с октября 1918 г. — подполковник) М.С. Алексеев. Военный контроль при штабе Иркутского военного округа с 1918 г. возглавлял подполковник В.А. Булахов, служивший ранее в Отдельном корпусе жандармов⁴, «человек крайне деятельный и энергичный».

В то же время следует отметить, что кадровый костяк многочисленных контрразведывательных и военно-конт-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 194. Л. 4.

² Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. С. 39.

³ Шишкин В.И. Особый отдел управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства (май — декабрь 1919 г.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2012. Т. 11. Вып. 8. С. 71, 72, 79.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 118. Л. 7—8 об.

рольных отделений и пунктов составляли строевые офицеры. Как следует из архивных документов, процесс комплектования низовых структур был хлопотным и сложным. Основных причин тому существовало две.

Во-первых, служба в контрразведке являлась непривлекательной по материальным соображениям. Ее чины получали такие же оклады, как и у офицеров штабов и тыловых частей, хотя по сравнению с ними подвергались большему риску, особенно в тех районах, где активно действовало подполье. Например, во время ликвидации большевистского восстания 22 декабря 1918 г. в Омске агентов обстреляли большевики. Начальник кузнецкого КРП подполковник Маматказин погиб на ст. Кольчугино в апреле 1919 г. В ночь на 15 июля был убит осведомитель А. Орлов, который ездил по селам и собирал сведения о большевиках. Прикомандированный к КРП Томского артиллерийского дивизиона агент Н. Власов получил ранение. Вероятно, существуют и другие случаи гибели и ранений сотрудников и агентов.

Оценивая степень сложности работы чинов контрразведки, генерал-майор П.Ф. Рябиков писал, что постоянные сведения о различных заговорах и шпионаже держали сотрудников в напряжении, так как в случае осуществления противоправных акций ответственность ложилась на них¹.

Чтобы привлечь военнослужащих в органы контрразведки и удержать кадры, личному составу стали выдавать 50-процентную денежную надбавку из сумм, предназначавшихся на секретные расходы². По приказу

¹ ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 141.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 87. Л. 179.

2-го генерал-квартирмейстера от 25 июля 1919 г., за раскрытие преступных организаций, выявление и поимку их руководителей, а также обнаружение складов оружия и боеприпасов полагалась денежная премия в размере от 5000 до 10 000 руб.¹.

Однако решить проблему с комплектованием контрразведывательных и военно-контрольных подразделений путем увеличения денежных надбавок полностью не удалось.

Во-вторых, серьезным препятствием при комплектовании спецслужб являлось негативное отношение к контрразведке со стороны ряда командиров и начальников различных рангов. «К сожалению, у некоторых чинов в штакоре (штабе корпуса. — *Авт.*) установился взгляд на отделение контрразведки как на что-то постороннее и имеющее значение меньшее от других отделений штаба», — говорится в докладе начальника КРО при штабе 2-го Степного отдельного Сибирского корпуса есаула Булавинова в мае 1919 г.².

Был случай, когда командир одной из частей подполковник Турсов запретил прибывшим в полк контрразведчикам собирать информацию о настроениях личного состава. Командующий 3-й армией генерал К.В. Сахаров в одном из приказов отмечал, что некоторые воинские начальники не понимают роль контрразведки, тормозят ее деятельность, и требовал от командиров частей назначать одного офицера, ответственного за такой род деятельности. Из-за чего, как пишет Е.В. Волков, между высокопоставленными офицерами и командующим возникла неприязнь³.

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 1а. Л. 60.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 83.

³ Волков Е.В. Указ. соч. С. 181—182.

Противодействие контрразведке отмечалось как со стороны образованных генштабистов, так и быстро сделавших карьеру армейских офицеров, закончивших лишь военные училища или надевших погоны в годы Первой мировой войны. В то же время имели место факты бесконтрольного формирования контрразведывательных органов малообразованными атаманами, командирами частей и прочими «удельными князьями». Поэтому проблема понимания роли и значения спецслужб для обеспечения безопасности кроется не только в общем кругозоре офицерства, его способности масштабно, по-государственному мыслить, но и в его менталитете. В Сибири он был таким же, как на Юге, да и по всей России. И если высшее военно-политическое руководство назначало бывших жандармов на руководящие должности в контрразведывательных органах, это вовсе не значит, что офицерский корпус колчаковской армии относился к сотрудникам спецслужб с большим почтением, нежели, например, в деникинской. Чего только стоят едкие высказывания барона А.П. Будберга по этому поводу: «Здесь контрразведка — это огромное учреждение, пригревающее целые толпы шкурников, авантюристов и отбросов покойной охраны, ничтожное по производительной работе, но насквозь пропитанное худшими традициями прежних охранников, сыщиков и жандармов. Все это прикрывается самыми высокими лозунгами борьбы за спасение родины, и под этим покровом царят разврат, насилие, растраты казенных сумм и самый дикий произвол»¹. А у него, надо полагать, были единомышленники на всех

¹ Будберг А. Указ. соч. // Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. С. 281.

ступенях армейской иерархии. Причина неоднозначного, а порой и негативного отношения офицерского корпуса к органам безопасности кроется не только в его «генетической памяти», нежелании иметь над собой контролирующий орган, но также и в превышении контрразведками, особенно «самостийными», своих полномочий.

Ради объективности следует отметить, что контрразведка иногда сама действовала вне рамок правового поля, арестовывала невиновных, применяла в отношении их пытки и тем самым давала повод для нелестных высказываний со стороны должностных лиц в ее адрес. Оценки личного состава контрразведывательных органов белогвардейского высокопоставленного чина определенным образом совпадают с оценкой советской агентуры. По ее данным, в КРО штаба 3-й армии «набилась самая разношерстная публика, часто совершенно не грамотная, которая стремится только к тому, чтобы побольше набить свой карман... Из 10 офицеров контрразведки 7 обязательно находятся под судом»¹. Ранее не имевший отношения к контрразведке прапорщик Берендиев брал взятки, злоупотреблял алкоголем и отличался болтливостью. Знавшего дело, но любившего выпить старшего филера Зуева можно было купить «за порядочную взятку». Делопроизводитель Сергеев за взятки предоставлял заинтересованным лицам нужные сведения. Прапорщик Попов был уволен из контрразведки за пьянство. Под следствием оказался прапорщик Жевченко за взяточничество, а также за оскорбление болгарских и сербских офицеров.

Однако советская агентура давала и другие оценки личным качествам белогвардейских контрразведчиков.

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 10. Л. 4—6 об.

Например, первый помощник начальника владивостокского КРО ротмистр Головачевский характеризовался как «честный, неподкупный и исполнительный» сотрудник. Второй помощник — полковник в отставке по фамилии то ли Сафонов, то ли Софронов — также считался исполнительным и честным.

По разным причинам считая контрразведку инородным телом в органах военного управления, некоторые должностные лица воинских учреждений и частей всячески препятствовали переводу отобранных руководителями спецслужб кандидатов в органы безопасности. Кроме того, командиры частей по вполне понятным причинам не хотели отдавать в контрразведку хорошо подготовленных офицеров. Уступая просьбам настойчивых начальников отделений, они отдавали не подобранных военнослужащих, а по большей части тех, от кого сами хотели избавиться. «И как всегда, в подобных случаях приходится качество заменять количеством», — докладывал есаул Булавинов¹.

Отобранные из строевых офицеров кандидаты, не имевшие никакого представления об оперативно-розыскной деятельности, нуждались в переподготовке, которая осуществлялась на созданных при штабе ВГК краткосрочных курсах, куда направлялись офицеры, окончившие военные училища и прослужившие в войсках не менее 3 лет.

В трехнедельный срок они изучали государственное право, организацию и делопроизводство контрразведывательных и военно-контрольных органов, положение о шпионаже и родственных ему явлениях, способы борьбы с большевизмом, тайнопись и пр. По окончании курсов и успешной сдачи выпускного экзамена особой комис-

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 83, 162.

сии, офицеры переводились в контрразведывательные и военно-контрольные органы и назначались на должности офицеров для поручений. Слушатели, не выдержавшие экзамена или оказавшиеся по своим нравственным и деловым качествам не соответствующими для службы в контрразведке, откомандировывались в свои части без права вторичного командирования на курсы¹.

Наспех подготовленные контрразведчики высоким профессионализмом не отличались. Но им противостояли такие же дилетанты — красные разведчики, функционеры оппозиционных партий, подпольные большевистские организации и партизаны, что делало равными шансы на победу в тайной войне. Для примера приведем социальный состав агентуры советской военной разведки конца 1918 — начала 1919 г. Из «89 зарегистрированных агентов 43 были рабочими, 11 — техниками, 19 — приказчиками, 9 — бухгалтерами, 2 — журналистами, оставшиеся 5 представляли прочие специальности»². Так что обеим противостоящим сторонам учиться приходилось на войне.

Отсутствие системы подбора кадров, неопытность некоторых руководителей контрразведывательных структур способствовали проникновению враждебных элементов в органы безопасности. Например, когда начальник Иркутского отделения военного контроля капитан Смирнов через прессу приглашал желающих служить в военном контроле, этой возможностью воспользовалась партия эсеров, командировав к нему трех своих видных членов, которые были приняты³.

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 8. Л. 183—183 об.

² Колпакиди А., Прохоров Д. Указ. соч. С. 76.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 19. Л. 39.

Не сразу выяснилось также, что и в контрразведывательные органы Омска проникли служившие ранее у большевиков бывший начальник милиции 4-го участка Уфы Улитин и братья Буланкины. Начальник КРО штабс-капитан Аскалонов характеризовал их как неблагонадежных и продажных сотрудников¹.

В связи с тем, что колчаковские власти принимали на службу бывших офицеров ОКЖ и контрразведки царского режима, наиболее подготовленным в профессиональном отношении являлось руководящее звено контрразведывательных и военно-контрольных органов. «Справедливость требует сказать, что лично мне, как генерал-квартирмейстеру, ни разу не пришлось обнаружить в работе старших чинов контрразведки... ни каких-либо личных интересов, ни каких-либо провокаторских деяний по опорочиванию... военных и гражданских чинов, — характеризовал своих подчиненных генерал-майор П.Ф. Рябиков, — руководители контрразведки вели свое дело в преданности Верховному правителю и в постоянном стремлении охранения существующего строя и порядка как от действий противоправительственных организаций и групп, так и от шпионажа, пропаганды и вредительства большевиков»².

Следует полагать, что «в преданности Верховному правителю вел дело» и начальник Благовещенского контрразведывательного пункта поручик Безруков. Как и откуда он попал служить в контрразведку — неизвестно. Но его высокий профессионализм можно не ставить под сомнение. Положительная характеристика этого офице-

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 87. Л. 9.

² ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 138 об, 143.

ра исследователем, критически относящимся к Белому движению, многого стоит. «Поручик Безруков не оставил амурчанам о себе каких-либо сведений, — пишет дальневосточный историк А.Д. Показаньев. — В истории Гражданской войны остался неустановленным квалифицированным профессионалом от колчаковской спецслужбы. Он смог сохранить свое инкогнито, не распространяясь окружению о себе и своих заслугах. Как внезапно появился в Благовещенске, так и внезапно исчез, казалось бы, в небытие. На самом деле, вступив в должность начальника военной контрразведки, он уверовал в успех Белого движения в опоре на японские штыки. Потом он не прибег к изменению своей фамилии, не прятался за спины противников советизации на Амуре, но как профессионал не позволял себе лишних разговоров»¹.

Морально-деловые качества чинов многочисленных контрразведывательных органов вызывали озабоченность у руководителей спецслужб. «Верить донесениям, а иногда и анонимным доносам разных сотрудников контрразведки с обвинениями друг друга было невозможно без должной проверки, — свидетельствует генерал П.Ф. Рябиков. — Поэтому приходилось командировать на места своих доверенных людей, дабы попытаться установить ценность тех или иных контрразведок и разобраться в их взаимоотношениях»².

Полковник Н.П. Злобин также отмечал, что «очень много теряло контрразведывательное дело» от отсутствия опытных лиц, как руководящего состава, так и служащих. Он указывал, что некоторые офицеры под разными пред-

¹ Показаньев А.Д. Указ. соч. С. 98—99.

² ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 143 — 143 об.

логами находили причины избежать той или иной работы, поэтому неоднократно требовал от подчиненных «усердия и точного выполнения возложенных обязанностей», в противном случае требуя оставить службу¹.

Как уже отмечалось выше, адмирал А.В. Колчак не стеснялся набирать в контрразведку и органы политического сыска профессионалов царской жандармерии и «охранки». Комплектование структурных подразделений госохраны стало одной из приоритетных задач, поставленных В.Н. Пепеляевым на посту директора Департамента милиции, а затем и министра внутренних дел. В марте 1919 г. Департамент милиции обратился в Военное министерство с просьбой отозвать из армии в его распоряжение «опытных служащих бывшей полиции»².

В апреле 1919 г. созданная в МВД комиссия по вопросам об укомплектовании органов государственной охраны и милиции высказалась в связи с условиями военного времени и острым некомплектом служащих за призывной порядок укомплектования. При этом комиссия высказала пожелание, «1) чтобы были отменены все ограничения, сделанные в 1917 г. Временным правительством в отношении служивших в корпусе жандармерии и полиции, 2) чтобы было возбуждено ходатайство о необходимости замены названия “милиция”, как совершенно несоответствующего, и восстановить прежнее название “полиция” (пожелание было реализовано президентом РФ Д.А. Медведевым лишь 92 года спустя! — *Авт.*), 3) в числе поощрительных мер желательно зачесть всю прежнюю службу, а время увольнения считать как пребывание за штатом».

¹ ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 8. Л. 155.

Было сочтено целесообразным призывать в милицию и госохрану лиц не моложе 25 лет, солдат — до 43-летнего возраста, офицеров — до 60-летнего¹. Мнения комиссии (за исключением переименования милиции в полицию, признанного несвоевременным) были утверждены постановлениями Совета министров в мае 1919 г.² и от 2 июля 1919 г. «О комплектовании учреждений государственной охраны, отрядов милиции особого назначения, городской и уездной милиции офицерским составом, классными чинами и солдатами»³.

О понимании правительством А.В. Колчака важности этих вопросов говорит и сохранившееся в архиве личное письмо премьер-министра П.В. Вологодского В.Н. Пепеляеву в августе 1919 г., в котором он предлагает разработать комплекс мер для усиления системы поощрений (и прежде всего повышения статуса) и наказаний для чинов милиции (правда, конкретно о госохране в нем не говорилось) с целью повышения качества ее работы⁴.

Как уже упоминалось выше, в июле 1919 г. управляющим Особым отделом госохраны был назначен жандармский генерал-майор В.А. Бабушкин. До него сравнительно недолго (май—июнь 1919 г.) обязанности управляющего исполнял также жандарм, бывший начальник Екатеринбургско-Челябинского жандармско-полицейского управления железной дороги Н.В. Львов⁵.

Перед ним обязанности управляющего Особым отделом временно исполнял другой опытнейший профессио-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 50. Л. 233 об, 234 об.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 50. Л. 240—242.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 37. Л. 8.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 50. Л. 289—289 об.

⁵ ГАРФ. Ф. р-9427. Оп. 1. Д. 374.

нал политического сыска, в дальнейшем назначенный по собственной просьбе начальником Томского губернского управления государственной охраны — генерал-майор С.А. Романов. Потомственный дворянин, выпускник Смоленской классической гимназии и 2-го Константиновского военного училища (1877 г.), он начинал службу в артиллерии, откуда в 1887 г. перешел на службу в жандармерию. Был адъютантом и помощником начальника губернского жандармского управления, начальником отделения жандармского управления железной дороги, а с 1903 по 1913 г., на протяжении 10 лет в чине полковника — начальником Томского губернского жандармского управления. При выходе в отставку в 1913 г. произведен в генерал-майоры. С формированием в составе колчаковского Департамента милиции Особого отдела государственной охраны он был назначен исполняющим обязанности управляющего отделом, но затем, с учетом многолетнего опыта работы в Томске, в мае 1919 г. по собственной просьбе был назначен начальником Томского губернского управления госохраны (которое, по сути, и сформировал). Неслучайно Томское управление добилось благодаря Романову особенно впечатляющих достижений в борьбе с большевистским и эсеровским подпольем, о чем подробнее будет рассказано в следующем разделе. После занятия Томска красными генерал С.А. Романов был расстрелян постановлением Томской уездной ЧК в марте 1920 г.¹

Интересно проследить сохранившиеся в архиве биографические сведения о других начальниках губернских и областных управлений государственной охраны.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 39; *Кутцов И.В., Буюков А.М., Юшко В.Л.* Указ. соч. С. 458—459.

Начальником столичного, Акмолинского областного управления (Омск входил в состав Акмолинской области) был назначен полковник В.Н. Руссиянов, из потомственных дворян Черниговской губернии. В отличие от большинства начальников такого ранга в госохране, он не был профессионалом, до революции служа в армейском интендантстве и окончив Интендантскую академию (в свое время из-за слабого слуха он был признан негодным к строевой службе). Накануне Февральской революции В.Н. Руссиянов был капитаном, при Керенском произведен в подполковники, а в полковники — уже при Колчаке за участие в подавлении Омского восстания 23 декабря 1918 г. В Департамент милиции пошел служить по собственному желанию, сразу после его образования в декабре 1918 г., а в марте 1919-го был назначен начальником Акмолинского областного управления госохраны. За стычку с офицером военной контрразведки в том же году был предан Омскому военно-окружному суду, но в результате оправдан¹.

Вторым по стратегической важности городом Сибири был Иркутск, являвшийся до революции административным и военным центром Восточной Сибири (Иркутского генерал-губернаторства и военного округа), как Омск — Западной Сибири (Степного генерал-губернаторства и военного округа). Начальником Иркутского губернского управления государственной охраны стал подполковник Н.А. Смирнов, 1879 г. рождения. Выпускник реального училища и Казанского военного училища, он начинал службу в армейских гренадерах, а с 1907 г. перешел в жандармский корпус. Накануне Февральской революции

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 21.

в чине ротмистра занимал пост помощника начальника Енисейского губернского жандармского управления. В Белой армии Смирнов вначале поступил на должность помощника начальника Иркутского отделения контрразведки Сибирской армии (с переименованием в капитаны), но после формирования госохраны попросился в нее и, получив благоприятную аттестацию от начальника контрразведки Сибирской армии чешского полковника Зайчека, в апреле 1919 г. был назначен начальником Иркутского губернского управления госохраны и в июле того же года произведен в чин подполковника¹.

Третьим по значению городом Сибири был Томск — до революции единственный за Уралом университетский центр, цитадель сибирской интеллигенции (а еще ранее, до постройки «обошедшей» его стороной Транссибирской магистрали — и крупнейший торгово-экономический центр, в дальнейшем ставший утрачивать это значение). Здесь, как уже отмечалось, ведомство возрожденной политической полиции возглавил такой маститый старый «зубр», как генерал С.А. Романов.

Главным центром Дальнего Востока по существу являлся Владивосток, чему способствовал его статус международного порта. Здесь данное ведомство возглавил также опытный профессионал — начальник Приморского областного управления государственной охраны полковник А.А. Немысский (в некоторых документах — Немыский), 1878 г. рождения, из потомственных дворян, выпускник элитного Павловского военного училища, перешедший из армейской пехоты в жандармерию и там сделавший быструю карьеру. С 1914 г. он занимал должность началь-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 138.

ника контрразведки штаба Приамурского военного округа в Хабаровске (до революции все начальники военных контрразведывательных отделений в России были жандармскими офицерами) в чине подполковника. Начальником Приморского областного управления госохраны он был назначен 26 апреля 1919 г. (приказом по Департаменту милиции № 241) и вскоре произведен в полковники. В его подчинение входили не только Приморье, но и Камчатская область и Сахалин, на территории которых, за их отдаленностью, собственные областные управления не были созданы¹.

Важнейшим городом являлся Харбин, служивший не только центром полосы отчуждения КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги) и «русской» Маньчжурии, но и резиденцией верховного уполномоченного правительства Колчака на Дальнем Востоке. Начальником Харбинского управления государственной охраны, действовавшего на правах губернского в полосе отчуждения КВЖД (с подчинением ее управляющему), был назначен (приказом по Департаменту милиции № 755 от 25 августа 1919 г.) также профессионал — полковник Л.Я. Горгопа, 1858 г. рождения, из потомственных дворян, начинавший службу уланским офицером в кавалерии, а затем перешедший в жандармы. С 1911 г. и до Февральской революции он занимал пост начальника жандармского полицейского управления КВЖД (там же в Харбине) в чине полковника. Подобно генералу С.А. Романову, при Колчаке он продолжил карьеру в спецслужбе в том же регионе, где возглавлял ее и до революции².

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 232.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 203; Оп. 7. Д. 25. Л. 6.

Значимую роль играла Чита — стратегически важный узел Транссибирской магистрали и Забайкальской железной дороги и одновременно центр Забайкальского казачьего войска. Начальником Забайкальского областного управления госохраны с июля 1919 г. был назначен бывший жандармский полковник Л.А. Иванов, 1873 г. рождения, из потомственных дворян, выпускник Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Александровского военного училища, с 1900 г. служивший в корпусе жандармов. С 1916 г. и до революции он занимал пост начальника Енисейского губернского жандармского управления в чине полковника. Любопытно, что весной и летом 1918 г. Иванов служил дежурным штаб-офицером при штабе войск КВЖД одновременно с А.В. Колчаком, возглавлявшим тогда вооруженные силы в полосе отчуждения КВЖД. В дальнейшем состоял при штабе Приамурского военного округа, откуда был назначен начальником Забайкальского областного управления госохраны приказом № 597 по Департаменту милиции 19 июля 1919 г.¹. В декабре 1919 г. по донесениям он проходил уже как генерал-майор².

Профессионалом был и начальник Тобольского губернского управления государственной охраны полковник В.П. Григорович, 1861 г. рождения, из потомственных дворян. Окончив (как и Немысский) одно из самых элитных в Российской империи Павловское военное училище, он затем поступил в Академию Генерального штаба, но был отчислен за неуспеваемость. Прослужив несколько лет пехотным офицером, он перевелся в жандармский кор-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 210. Л. 14—15; Оп. 7. Д. 10. Л. 22.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 32.

пус. С 1912 г. и до революции служил начальником жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги в чине полковника. На должность начальника Тобольского губернского управления госохраны был назначен приказом по Департаменту милиции № 406 от 11 июня 1919 г., причем за его кандидатуру «усердно просил» лично управляющий Тобольской губернией В. Пигнатти¹.

То же можно сказать о начальнике Уфимского, а затем Енисейского губернского управления государственной охраны подполковнике Н.Н. Рудове, 1879 г. рождения, из дворян. Окончив Киевский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище (а также два курса Московского высшего технического училища), он служил офицером в артиллерии, откуда в 1904 г. перевелся в жандармы. Последней его должностью до революции был начальник отделения жандармского полицейского управления Пермской железной дороги в чине подполковника. При Колчаке он вначале был назначен начальником Уфимского губернского управления госохраны (приказом по Департаменту милиции № 213 от 16 апреля 1919 г.), а после оставления белогвардейцами Уфы в июне 1919 г. — начальником Енисейского губернского управления с центром в Красноярске (приказом № 720 от 20 августа 1919 г.)².

Профессионал возглавлял и Алтайское губернное управление государственной охраны (с центром в Барнауле). Подполковник Н.И. Игнатов, 1876 г. рождения, будучи призван в армию вольноопределяющимся, окон-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 204; Оп. 7. Д. 4. Л. 21.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 81.

чил Виленское пехотное юнкерское училище, в жандармы перешел из армейской пехоты в 1908 г. Накануне Февральской революции служил в чине ротмистра в жандармско-полицейском управлении железной дороги. В ходе революции вернулся в пехоту капитаном, а при Временном Сибирском правительстве поступил на железную дорогу. Его назначению (одним из первых) в марте 1919 г. на ответственный пост начальника Алтайского губернского управления госохраны (приказом по Департаменту милиции № 197 от 14 апреля 1919 г.) способствовала отличная аттестация одного из «столпов» ведомства, генерал-майора С.А. Романова, который знал его лично до революции. В дальнейшем он был произведен в подполковники¹.

Зато Семипалатинское областное управление госохраны временно возглавлял бывший учитель словесности Семипалатинской мужской гимназии И.П. Ильинский², а Амурское, как мы уже видели, — коллежский асессор В.П. Яниос.

Как видим, не только управляющий Особым отделом, но и 8 из 11 начальников региональных управлений госохраны, о которых найдены биографические сведения, были жандармскими офицерами с большим опытом службы в чинах от ротмистра до генерал-майора.

Начальниками отделений Особого отдела госохраны также были, как правило, жандармские офицеры, среди них — полковники Л.С. Ивлев (IV отделение) и В.Л. Кастрицын³.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 138.

² ГАРФ. Ф. р-9427. Оп. 1. Д. 374.

³ Там же.

Однако уже на должностях помощников начальников губернских управлений, начальников уездных управлений и на нижестоящих должностях, как явствует из приказов по МВД¹, находились по большей части люди случайные, от гражданских чиновников в ранге коллежского асессора до обычных армейских подпоручиков. Хотя и среди них попадались профессионалы. Так, выходцами из жандармского корпуса были начальник Хабаровского уездного управления штабс-ротмистр К. Анненков, помощник начальника Приморского областного управления ротмистр А. Беккер, начальник Петропавловского уездного управления ротмистр А. Журавский, помощник начальника Алтайского губернского управления В. Новиков, помощник начальника Тобольского губернского управления ротмистр Н. Ордин. Иногда за нехваткой жандармов подобные должности занимали выходцы из полиции — помощник начальника Томского губернского управления госохраны, бывший пристав Л. Александров, начальник Павлодарского уездного управления, бывший исправник С. Архангельский, начальник Семипалатинской городской милиции, бывший полицмейстер Б. Висман, чиновник для особых поручений Приморского областного управления госохраны, бывший начальник Харбинского сыскного отделения полиции В. Гладышев, секретарь Нижнеудинского уездного управления госохраны, бывший исправник А. Грессеров, помощник начальника Алтайского губернского управления, бывший пристав К. Жилияков, начальник Минусинского уездного управления, бывший пристав К. Зудин, секретарь Алтайского уездного управления, бывший пристав Е. Зыбин, начальник Енисейского уездного управления, бывший

¹ ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 7. Д. 1.

пристав Н. Литвинцев, начальник Новониколаевского уездного управления, бывший помощник исправника В. Мединцев, помощник начальника Иркутского губернского управления, бывший помощник исправника И. Остроух, помощник начальника Енисейского управления, бывший пристав А. Френкель, начальник Ачинского уездного управления, бывший исправник В. Цявловский¹.

Иногда назначения оказывались неудачными. Так, назначенный начальником уездного управления госохраны в Николаевске-на-Амуре (в сферу деятельности которого входила также Сахалинская область) коллежский советник Лех (в прошлом — управляющий Камчатским уездом) был снят по ходатайству управляющего Сахалинской областью за «незнание дела, бездеятельность, неумеренное употребление спиртных напитков» и переведен с понижением помощником начальника уездного управления в Петропавловск-Камчатский².

Хуже всего обстояло с кадрами в отдаленных глухих углах Сибири. Так, управляющий Якутской областью Соловьев докладывал в июле 1919 г. в Департамент милиции, что приступить к формированию государственной охраны в области «не представляется возможным» за полным отсутствием «соответствующего контингента кандидатов», и просил прислать из центра опытные кадры³.

При этом штаты госохраны, как и военной контрразведки, резко «разбухли» сравнительно с дореволюционными (что объяснялось, конечно, и обстановкой Гражданской войны). Историк Н.В. Греков подсчитал, что до революции

¹ ГАРФ. Ф. р-9427. Оп. 1. Д. 374.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 16. Л. 10, 14—16.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 22 «б». Л. 3—3 об.

при Акмолинском областном жандармском управлении числилось всего 14 агентов-филеров, а в соответствующем управлении госохраны — целых 57, работой которых руководили 10 офицеров в штате управления¹. При этом отдельные начальники управлений на местах считали и эти штаты недостаточными для эффективной работы. Так, в отношении начальнику Иркутского губернского управления Н.А. Смирнову от 30 мая 1919 г. врио управляющего особым отделом Н.В. Львов достаточно раздраженно сообщает, что запрашиваемые им штаты управления и ставки для них чрезмерно завышены, в частности, штатами не предусмотрены унтер-офицеры в составе управлений, и «возбуждение по этому предмету вопроса является совершенно излишним», рекомендуя в случае нужды принимать на службу сверхштатно «вольнонаемных лиц»².

Вместе с тем тот же Н.А. Смирнов отмечал в своих доносениях необходимость тщательной проверки и отбора лиц, поступающих на службу в госохрану, контрразведку и милицию, сообщая своему начальству, что в иркутский ОМОН «попали офицеры не из лучших и... бывшие красноармейцы», и прося полномочий для личного контроля за комплектованием кадров всех правоохранительных структур губернии. В ответ ему было предложено: о лицах, на которых есть «неблагоприятные сведения», всякий раз сообщать лично управляющему губернией, которому тот же ОМОН непосредственно подчинен³.

Негативно отразился на кадровом потенциале госохраны недостаток финансовых средств. Так, в докладе испол-

¹ Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны Белого движения Сибири (1918—1919 гг.). С. 213, 219.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 16—16 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 27—28.

няющего должность управляющего Особым отделом от 11 марта 1919 г. указывалось, что низкое жалованье, установленное чинам государственной охраны, побуждает профессионалов высокого класса предпочитать ей службу в военной контрразведке. Между тем, отмечал автор доклада, «именно теперь представляется настоятельная необходимость в контингенте офицеров предпочтительно тех, кои по старой деятельности знакомы с охранной службой»¹. На трудности комплектования штатов по причине низкой оплаты трудной и опасной службы сетовали управляющие губерниями и начальники управлений государственной охраны на местах в своих докладах². Характерен раздраженный ответ Особого отдела на одну из таких жалоб: «Ваше ходатайство, как не предусмотренное штатами, не подлежит удовлетворению, и на будущее время предлагаю не возбуждать излишней переписки об увеличении или изменении штатов, которые получили утверждение в законодательном порядке»³.

Летом 1919 г. начались военные неудачи. В связи с этим, в частности, управляющий Тобольской губернией В. Пигнатти телеграфировал в Департамент милиции, что «события на фронте тяжело отражаются на состоянии губернии» и поэтому «государственная охрана губернии пока не организована, нет желающих занимать должности»⁴.

О нехватке кадров говорилось и в отчете Департамента милиции, представленном в октябре 1919 г. (незадолго до падения Омска) в Совет министров и подводившем итоги

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 3. Л. 18.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 7. Л. 48; Д. 8. Л. 33; Д. 9. Л. 26; Д. 10. Л. 39; Д. 11. Л. 22; Д. 14. Л. 125; Д. 15. Л. 52.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 25.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 4. Л. 30.

работы за неполный год деятельности (Департамент милиции был образован в декабре 1918 г. в соответствии с постановлением еще Временного Сибирского правительства от 17 сентября 1918 г. «Об изъятии общей милиции из ведения городских и земских самоуправлений с передачей ее в ведение Министерства внутренних дел»). Железнодорожная милиция, находившаяся в ведении Министерства путей сообщения, постановлением правительства от 10 июня 1919 г. была также подчинена МВД). Примечательно, что, поручая министру внутренних дел В.Н. Пепеляеву представить отчеты департаментов к приближавшейся годовщине образования «Всероссийского правительства», премьер П.В. Вологодский просил его сделать не парадный, но честный отчет, который не напоминал бы «казенные отчеты старого образца с их чрезвычайной сухостью и официальным оптимизмом»¹. Однако и этот, сохранившийся в архиве отчет, озаглавленный «Обзор деятельности Департамента милиции за время существования Российского правительства» (т.е. с ноября 1918 г.), подвергся правке чьей-то рукой, зачеркнувшей наиболее острые моменты (видимо, для представления в официальную печать)². В частности, была зачеркнута фраза: «Директор Департамента милиции Пепеляев в первые же дни своей деятельности при посредстве печати заявил, что милиция крайне нуждается в опытных служащих с прежней полицейской подготовкой и стажем»³. В числе трех главнейших задач Департамента третьей по счету указывалось «образование особых органов политического розыска, то есть государственной охраны»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 37. Л. 11.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 37. Л. 5—7 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 37. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 37. Л. 5 об.

В отчете отмечалось, что эта задача (как и остальные) в основном решена, хотя «учреждения государственной охраны, как требующие по роду своей деятельности особенно тщательного подбора служащих, укомплектованы менее других учреждений милиции, но все крупные центры уже обслуживаются этими органами», с особым вниманием на Транссибирскую магистраль и приграничные районы¹. Из зачеркнутого: «Лица, обладающие полицейским стажем, в большинстве случаев избегают службы в милиции, так как она в настоящее время чрезвычайно опасна и не предоставляет тех материальных выгод, которые можно получить даже при самом примитивном труде»².

В связи с этим в марте 1919 г. были учреждены подготовительные курсы для чинов милиции в большинстве губернских городов, готовившие кадры и для госохраны. Нехватка кадров объяснялась в отчете и мобилизацией всех боеспособных мужчин на фронт. Из-за недостатка финансирования не хватало оружия и снаряжения, и лишь после неоднократных настойчивых просьб Военное министерство поделилось с МВД частью своих запасов.

Острая нехватка кадров в госохране восполнялась, как и в контрразведке, случайными людьми, зачастую попросту уклонявшимися от фронта и пользовавшимися своим служебным положением для различных злоупотреблений и личного обогащения путем вымогательств. Впоследствии многие из таких хамелеонов, скрыв свое прошлое, благополучно устроились в советских учреж-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 37. Л. 6.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 37. Л. 6 об.

дениях. Ряд подобных примеров (из числа раскрытых органами советской ЧК) приводит Н.В. Греков: так, бывший штабс-капитан контрразведки колчаковской Ставки А. Васильев после восстановления советской власти устроился на службу в военкомат; его коллега подпоручик Михайлов — красным командиром, и даже успел вступить в партию; молодой выпускник матфака МГУ Б. Деминов, ранее бывший лектором агитотдела при одном из штабов РККА, при А.В. Колчаке подвизался начальником особого отдела при Управлении делами Совета министров, когда же его арестовала ЧК, пытался представить себя добровольным лазутчиком красных у Колчака, «внедрившимся» с целью развала работы, но был разоблачен и расстрелян¹. При этом Н.В. Греков справедливо отмечал, что впоследствии на допросах в ЧК профессионалы-жандармы вели себя намного достойнее таких проходимцев, не выдавали всех подряд своих сослуживцев, по мере возможности конспирировались и т.д.².

С другой стороны, отмечалось и сравнительно небольшое число (в Акмолинском областном управлении госохраны, по данным Н.В. Грекова — 14 %³) агентов, работавших на госохрану из идейных соображений и даже не бравших денег за свою осведомительную службу.

В результате разгрома армии адмирала А.В. Колчака оказалась разрушена система спецслужб. Количество прежних структур значительно сократилось, кадровые потери были неизбежны. Опыт большинства оказался

¹ Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны Белого движения Сибири... С. 214—215.

² Там же. С. 215.

³ Там же. С. 219.

невостребованным, некоторым из них удалось занять руководящие посты в контрразведывательных и сыскных структурах на Дальнем Востоке.

Так, полковник Н.П. Злобин с марта по август 1920 г. был помощником начальника управления главного отдела государственной милиции Российской Восточной окраины. В 1921 г., уже в чине генерал-майора, он являлся помощником начальника информационного отделения административного отдела МВД Временного Приамурского правительства, а с июня по июль 1922 г. возглавлял владивостокскую милицию¹, с июля по сентябрь — районный охранный отдел ведомства внутренних дел Земского Приамурского края.

Бывший жандарм и начальник Приморского областного управления госохраны полковник А.А. Немыцкий в 1920 г. был произведен атаманом Г.М. Семеновым в генерал-майоры, в июле 1921 г. назначен начальником управления политического розыска района Гродековской группы войск. Умер в эмиграции в Шанхае в 1940 г.²

Генерал-майор В.А. Бабушкин осенью 1922 г. руководил разведкой и контрразведкой Приамурской области³.

После разгрома белых армий сотрудники контрразведки и госохраны в большинстве своем предпочли эмигрировать из России по двум основным причинам. Они негативно относились к советскому строю и решили продолжить борьбу с ним из-за рубежа. Кроме того, их не прельщала

¹ ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 16677. Л. 12; Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920—1945). Южно-Сахалинск, 1994. С. 84.

² *Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Указ. соч. С. 370—371.

³ *Цветков В.Ж.* Указ. соч. С. 125; *Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Указ. соч. С. 39.

перспектива сурового наказания со стороны советской власти, которая разыскивала бывших сотрудников белогвардейских спецслужб после Гражданской войны с целью привлечения их к уголовной ответственности. Косвенным подтверждением тому, в частности, является изданная в 1930 г. ОГПУ в оперативно-розыскных целях брошюра «Список контрразведчиков, милиции, официальных чинов министерства внутренних дел белых правительств».

По-разному сложились судьбы бывших сотрудников белогвардейских спецслужб в эмиграции.

Опытный контрразведчик генерал-майор Н.П. Злобин работал истопником, конторщиком в околотке, раздатчиком на складах КВЖД, служил в низших чинах железнодорожной полиции Харбина. Умер 28 августа 1945 г. в Харбине.

Проанализировав имеющиеся в опубликованных источниках биографии чинов белогвардейских спецслужб, авторы разделяют точку зрения историка В.И. Голдина, который не рекомендует «идеализировать ситуацию с привлечением опытных офицеров спецслужб к активной деятельности и борьбе против советской власти в эмиграции. Имевшая место еще в годы Гражданской войны в России недооценка белогвардейским командованием профессиональных разведчиков и контрразведчиков старой армии, офицеров жандармерии и охраны продолжала сохраняться и в период пребывания на чужбине. Так или иначе, ряд бывших царских и белогвардейских спецслужб активно участвовал в новой стадии борьбы с советским режимом, находясь в эмиграции, некоторые начали сотрудничать с иностранными спецслужбами, а многие просто рассеялись по странам мира и вынужденно осваивали другие виды занятий»¹.

¹ Голдин В.И. Указ. соч. С.31.

Раздел 3

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПРЕСЕЧЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ПОДРЫВНЫХ АКЦИЙ СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ СПЕЦСЛУЖБ

Согласно вышеупомянутого «Временного положения», первичная задача контрразведки традиционно заключалась в «обнаружении и обследовании неприятельских шпионов». «Конечная цель военного контроля, — гласила «Инструкция начальникам военно-контрольных отделений», — есть привлечение к судебной ответственности уличенных в военном шпионаже лиц... или прекращение вредной деятельности названных лиц административными мерами»¹. Безусловно, такое явление как военный шпионаж — «собрание всякого рода сведений о вооруженных силах и об укрепленных пунктах государства, а также собрание имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране... с целью передачи их иностранной державе»² — на территории белой Сибири имело место.

К собиранию «всякого рода сведений» регулярно прибегал как противник (Советская Россия), так и многочисленные союзники. Белые контрразведчики, случалось,

¹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 67. Л. 6—7.

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 17. Л. 106 об—107.

выявляли и даже пресекали деятельность агентуры советской и иностранных спецслужб, но вот что касалось привлечения к судебной или административной ответственности, то здесь дело обстояло хуже.

Говоря о приоритетах в деятельности колчаковской контрразведки, следует иметь в виду, что спецслужбы главного противника — Советской России — находились в стадии формирования и становления. 5 ноября 1918 г. был создан центральный орган военной разведки — Регистрационное управление (Региструп) Полевого штаба Революционного военного совета Республики (РВСР). Испытывавшему недостаток финансовых средств, квалифицированных кадров Региструпу не сразу удалось создать агентурные сети в белогвардейском тылу и наладить сбор нужной командованию Красной армии информации.

Органы ВЧК в 1918 г. еще не располагали специализированными разведывательными структурами, их основные усилия направлялись на «борьбу с контрреволюцией» внутри страны и подавление очагов антисоветских выступлений. Основной задачей созданного 19 декабря 1918 г. Особого отдела ВЧК являлась борьба со шпионажем и контрреволюцией в учреждениях и частях Красной армии. С февраля 1919 г. на него возлагалась задача по организации и руководству «работой агентуры за границей, в оккупированных иностранными державами и занятых белогвардейцами областях»¹.

Советские спецслужбы иногда взаимодействовали с Сибирским бюро РКП(б) при проведении разведывательно-диверсионных акций.

¹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1919. № 6. Ст. 58.

На территории Сибири противоборство между советской разведкой и колчаковской контрразведкой велось с переменным успехом.

Зафронтовая разведка 5-й красной армии смогла внедрить агентуру в разведорган белогвардейской Западной армии и таким образом проводить дезинформацию противника. Началу этой операции способствовало появление в особом отделе 5-й армии видных эсеров Кондакова и Семенова. На допросе они заявили, что состоят в сибирской подпольной организации, добывающей свержения интервентов и Верховного правителя. По заданию руководства партии они внедрились в колчаковскую разведку и включились в совместную с большевиками борьбу.

После тщательной проверки красные представили Кондакову возможность встретиться с резидентом белогвардейцев Григорьевым, который дал ему задание вернуться с отчетом в разведотдел Западной армии, возглавляемый полковником М.М. Шоховым. Последний по неизвестным причинам не стал тщательно проверять полученные от агента сведения, а сразу доверил ему группу диверсантов для переброски в тыл красных. Естественно, все они работали под наблюдением советского особого отдела. Позже их под различными предлогами подвергали «изъятию». Всего было обезврежено более 130 диверсантов.

Параллельно Кондаков, продолжая контакты с Григорьевым, снабжал его разведывательными донесениями, содержащими дезинформацию. По признанию арестованного в Красноярске полковника М.М. Шохова, при борьбе за Златоуст командование Западной армии не допускало мысли о том, что их дезинформирует красноармейская разведка. О том, что чекисты в течение нескольких месяцев вели с ним игру, начальник разведки узнал

лишь после ареста. Вот что показал он на допросе: «Была налажена, как мне казалось, надежная работа. Вся работа велась через Кондакова. От него вначале пришел ко мне Перепелкин, его информация перекрывалась нашими данными, затем ко мне в разведотдел нелегально поступали разведсводки через переходивших линию фронта моих агентов Смирнова («Богданов»), Кутасова и многих других... Все поступавшее к нам после перепроверки докладывалось командованию... За это я им щедро платил... Выдавал по 50 тысяч рублей и с новыми заданиями направлял в распоряжение ваших частей... Посылалась мною одна женщина с заданием поступить в штаб 5-й армии, помнится, что такие же задания имели землемер Пименов, еще один учитель, кажется, по фамилии Иванов... Потом в зафронттовую полосу посылал еще двух поляков, четырех женщин, одного артиллериста...» Полковник признал, что такое могло случиться только от неопытности его подчиненных, и заявил, что «никто из нас не был как следует знаком с искусством разведки, все мы были направлены в нее со штабной работы»¹. К словам Шохова следует добавить, что провал случился из-за отсутствия взаимодействия между разведкой и контрразведкой, несмотря на то что обе находились в подчинении генерал-квартирмейстера. Правда, иногда разведка снабжала штабы контрразведывательной информацией. Например, начальник разведки штаба Западной армии капитан Горецкий 26 января 1919 г. сообщал начальникам штабов 1-го Волжского, 2-го Уфимского, 3-го и 6-го Уральских

¹ Борьба за Урал и Сибирь // Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилкой и колчаковской контрреволюцией. М.—Л., 1926. С. 180—183; Белоусов Г. Указ. соч.

корпусов телеграмму о направлении трех советских агентов в распоряжение белых войск, с указанием возраста и примет¹. Были ли переданы эти сведения в контрразведку, остается неизвестным.

Успех же красных спецслужб в оперативной игре в немалой степени обусловлен взаимодействием военной разведки и особого отдела — структур, подчинявшихся разным ведомствам. Кстати, особый отдел Восточного фронта также самостоятельно вел разведку, что не являлось секретом для белых.

В целом же командование Красной армии и руководители Сибирской ЧК деятельность советской военной разведки оценивали критически, полагая, что колчаковская разведка работала более эффективно, нежели собственная. По их мнению, главная причина недостатков заключалась в отсутствии грамотных специалистов. В чем-то они были правы. В Гражданскую войну, как известно, большевики в разведку набирали людей по политическому стажу, а не военному опыту². Так, начальник 1-го отделения 1-го отдела Региструпра В.А. Срывагин, 19 февраля 1919 г., подводя итоги работы органа агентурной разведки за 10 месяцев, в своем докладе отмечал, что привлечение «партийных сил не дало пока результатов ни в качественном, ни в количественном отношении»³. Характеризуя личный состав агентуры, работавшей в Сибири, он указывал: «Дальность расстояния, невозможность наладить связь — не привлекала охотников пуститься в тайную разведку в Сибирь»⁴.

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 255. Л. 14.

² Волков Е.В. Указ. соч. С. 141.

³ Они руководили ГРУ. М., 2010. С. 30.

⁴ Там же. С.31.

Для сбора сведений во вражеском тылу вербовались возвращавшиеся домой из австрийского и германского плена офицеры и солдаты. Со временем колчаковская контрразведка научилась отличать настоящих военнопленных от мнимых. Советских разведчиков, как правило, выдавало наличие с собой больших денежных сумм¹. По данным контрразведки штаба ВГК, каждая партия военнопленных, переходившая фронт, насчитывала от 5 до 10 % большевистских пропагандистов, снабженных соответствующими документами. Среди советских агентов также были пленные сербы, карлики, женщины и дети, которым рекомендовалось поступать рассыльными в военные учреждения. Например, при штабе 1-й армии находился 13-летний советский разведчик В.В. Вейверов².

Красные спецслужбы применяли и другие уловки для заброски агентуры: отправляли вплавь на бревне, под видом перебежчиков, которые после выполнения задания должны вернуться обратно, при отступлении подвергали порке и оставляли. Контрразведка узнавала о таких приемах, кстати, от перебежчиков. Они также сообщали о проникнувших в штабы белогвардейских воинских формирований большевистских агентах, главным образом офицерах и «интеллигентных женщинах»³.

Массовой заброске советской агентуры колчаковская контрразведка не смогла противопоставить надежный заслон, хотя и пыталась. Так, возвращавшихся из плена офицеров, намеревавшихся занять высокие посты в ар-

¹ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 183. Л. 17.

² РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 101. Л. 98 об.

мейских структурах, зачисляли в резерв при Ставке, подозрительных подвергали проверке. Для выявления красных разведчиков белогвардейские спецслужбы в каждую партию военнопленных стремились внедрить своих секретных сотрудников¹.

Облегчало работу неопытных красных разведчиков отсутствие в белогвардейских учреждениях системы защиты секретов. Так, на телеграфе штаба Западной армии отсутствовал негласный контроль над лицами, допущенными к работе с секретной корреспонденцией. Всякий офицер и чиновник даже других отделов смог послушать все новости, пришедшие в телеграф, которые расшифровывались в присутствии посторонних. Недаром при аресте и обыске у одного из большевиков контрразведчики нашли копии телеграмм военного характера². Об этом факте докладывали командованию, но были ли предприняты конкретные меры по защите тайн в штабах, на данный момент однозначно ответить трудно.

Колчаковская контрразведка испытывала трудности в защите не только военных секретов в армейских штабах, но даже своих собственных. Так, в докладе помощника начальника информационного отдела Региструпра Полевого штаба РВСР приводятся сведения об организации контрразведки при штабе Волжской группы, входившей в состав 3-й армии, названы воинские звания и фамилии сотрудников контрразведывательного отделения³. Из каких источников красным удалось получить эти сведения, в документе не указано.

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 8. Л. 181—181 об.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 88. Л. 26 об—27.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 10. Л. 4—6 об.

В хаосе Гражданской войны проникнуть в белогвардейские штабы разведке красных большого труда не составляло, впрочем, как и белой — в красные. В результате раскола общества по разные стороны баррикад оказались различные слои населения: интеллигенция, офицерство, дворянство, служащие, рабочие и т.д., которые сотрудничали со спецслужбами противоборствующих сторон.

Борьба со шпионажем осуществлялась по следующей незамысловатой схеме: получение первичной информации, наблюдение за отдельными лицами, их разоблачение, арест и предание суду. Эти задачи решались посредством внутреннего (секретная агентура) и наружного (филеры) наблюдения. Получая информацию от разных источников, чины контрразведки систематизировали данные, разрабатывали полученный материал, вели учет и регистрацию лиц, заподозренных в шпионаже. При всей кажущейся простоте выявление разведчиков или агентов противника являлось сложным делом. «Наибольшие затруднения представляют получения сведений о подозреваемых в военном шпионстве лицах ввиду того, что шпион работает в одиночку, не сообщая, как то имело место в подпольных политических организациях, где всегда можно найти недовольных азефов, — пишет профессиональный разведчик генерал Н.С. Батюшин. — Обнаружить поэтому шпиона, обыкновенно ничем не выделяющегося из окружающей среды, дело нелегкое и возможно лишь при широком содействии не только осведомленных в этом деле правительственных органов, но главным образом всех слоев населения, разумно воспитанных в целях сохранения военных тайн государства, то есть в конечном результате и своих собственных интересов, с крушением

государства обыкновенно страдают и частные интересы подданных»¹.

Как показывает мировой и отечественный опыт, наиболее частые провалы разведчиков были связаны с утечкой информации к противнику в результате предательства либо проникновения в разведорган его агентуры. Иными словами, для разоблачения красных разведчиков-одиночек в белых штабах колчаковской контрразведке нужно было внедрить свою агентуру. Но, по всей видимости, таковой не имелось, по крайней мере, авторам о ней неизвестно.

Поэтому нет ничего удивительно в том, что работавший в Иркутске «на благо мировой революции» Д.Д. Киселев четырежды переходил линию фронта, доставляя советскому командованию ценные сведения².

Незамеченным органами колчаковской контрразведки остался разведчик 5-й красной армии, прибывший по Транссибу и КВЖД на Дальний Восток с целью сбора разведывательной информации. Он установил численность войск интервентов во Владивостоке, сообщал о противоречиях между американским и японским командованием и т.д., однако выяснить имя разведчика по открытым источникам исследователям пока не удалось³.

Разоблачать разведчиков и агентов противника колчаковским спецслужбам, по всей видимости, удавалось редко. С ноября 1918 г. по август 1919 г. КРЧ при штабе

¹ Батюшин Н. Указ соч. С. 127—128.

² Рождение советской военной разведки (1917—1921 гг.). URL: <http://www.agentura.ru/dossier/russia/gru/imperia/rogdenie> (дата обращения: 20.04.2013).

³ Ципкин Ю.Н. Белогвардейские спецслужбы против коммунистического подполья на Дальнем Востоке в 1918—1920 гг. С. 12.

ВГК возбудила лишь 5 дел по обвинению в шпионаже, при этом 2 из них были прекращены¹.

Сколько красных разведчиков выявили нижестоящие структуры, пока однозначно сказать сложно. Но не только лишь количеством обнаруженных неприятельских шпионов определяется эффективность работы контрразведки. Мировой опыт показывает, что эффективность работы любой разведслужбы оценивается по способности посланных агентов добывать ценную для страны информацию. «Между тем в разведке... почти не срабатывает философский диалектический закон, согласно которому количество неизбежно перерастает в качество, — пишут исследователи С.В. Лекарев и А.Г. Шаваев. — Основной результат в разведке приносят агенты звезды, суперагенты, реализовавшие принцип стратегического агентурного проникновения на объекты заинтересованности разведки. Существует закономерность прямой зависимости результативности деятельности разведки и контрразведки от наличия агентурных позиций в высшем военнополитическом руководстве иностранных государств и его окружении, а также в штаб-квартирах разведки и контрразведки. Говоря о суперагентах, мы подразумеваем прежде всего их сверхрезультативность в добывании разведывательной информации»². Соответственно, результативной можно считать такую работу контрразведки, в ходе которой ей удалось разоблачить суперагента разведки противника, перекрыть канал утечки важной секретной информации. Обладал ли Разведупр штаба РККА такими агентами в штабах колчаковских армий и других

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 206. Л. 19—28.

² Шаваев А.Г., Лекарев С.В. Указ. соч. С. 277.

управленческих структурах режима и была ли хоть часть из них обезврежена контрразведкой — пока однозначного ответа нет. Известно лишь, что разведывательные сводки штабов фронтов и армий РККА составлялись регулярно¹.

Ответить на многие вопросы исследователей помогли бы документы Регистрационного управления, но, к сожалению, они недоступны для широкого круга историков.

Вести контрразведывательную работу белым, как это ни парадоксально, приходилось и против стран-союзниц Антанты, которые в водовороте Гражданской войны в России преследовали свои интересы и не были особенно заинтересованы в возрождении ее великодержавного статуса. Напомним, в частности, что до начала XX века та же Великобритания в течение почти целого столетия выступала геополитическим противником России, до тех пор, пока на «чаше весов» не перевесили ее противоречия с Германией. В годы Первой мировой войны союзница нашей страны опасалась послевоенного усиления ее позиций в Европе². Как следует из воспоминаний Д. Ллойд-Джорджа, осенью 1916 г. британский МИД представил правительству документ относительно основ разрешения территориальных вопросов в Европе после окончания войны. Меморандумом предусматривалось, что Польша и несколько государств на территории бывшей Австро-Венгрии станут «эффективным барьером против русского преобладания в Европе»³. Однако после прихода к власти Временного правительства и большевиков Запад

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 9, 12, 14, 25.

² Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004. С.349.

³ Галин В.В. Интервенция и Гражданская война. М., 2004. С. 125; Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 1982. С. 171.

еще держался за единство России. Нигде в заявлениях и декларациях глав государств и правительств не упоминалось о независимости национальных окраин империи и вмешательстве во внутренние дела России. Лишь в декабре 1917 г., когда начались переговоры о мире между Советской Россией и Германией, Лондон стал прилагать усилия к оказанию помощи противникам большевиков. Английское посольство в Петрограде побуждало генералитет и офицерство распадавшейся русской армии к борьбе с советской властью. В июне 1919 г. военный министр Великобритании У. Черчилль говорил в парламенте: «Меня спрашивают, почему мы поддерживаем адмирала Колчака и генерала Деникина, когда первый министр (Ллойд Джордж) придерживается мнения, что наше вооруженное вмешательство было бы актом величайшей глупости. Я отвечаю парламенту с полной откровенностью. Когда был заключен Брест-Литовский договор, в России были провинции, которые не принимали участия в этом постыдном договоре, и они восстали против правительства, его подписавшего. Позвольте мне сказать вам, что они образовали армию по нашему наущению и, без сомнения, в значительной степени на наши деньги. Такая наша помощь являлась для нас целесообразной военной политикой, так как если бы мы не организовали этих русских армий, германцы захватили бы ресурсы России и тем ослабили бы нашу блокаду»¹.

Кроме того, распространение коммунистических идей в Европе и их влияние на подъем национально-освободительного движения в колониях представляло прямую угрозу западному миру. Недаром тот же У. Черчилль при-

¹ Цит. по: *Батюшин Н.* Указ. соч. С. 21—22.

звал страны Антанты «задушить большевизм в колыбели», опираясь на антибольшевистские силы.

Политическая программа Белого движения в области внешней политики провозглашала, с одной стороны, единство и неделимость России в дореволюционных границах (исключая этническую Польшу), с другой — необходимость соблюдения обязательств по договорам с союзными государствами. Возглавившие борьбу с большевиками царские генералы надеялись на помощь со стороны западных стран в восстановлении в России законного, с их точки зрения, порядка и ее территориальной целостности. Содействие со стороны держав Согласия им было обещано.

Как оказалось, расчет российских политиков и военных на благодарность союзников за те потери, которые Россия понесла в годы Первой мировой войны, и особенно в первый ее период, не оправдались. И хотя, с одной стороны, та же Англия в наибольшей степени оказывала материально-техническую помощь Белому движению (в основном за счет сбыта излишков собственного оружия, ставших ненужными по окончании Первой мировой войны), а глава британской военной миссии генерал А. Нокс добросовестно исполнял свои обязанности по снабжению армий А.В. Колчака, служа проводником линии У. Черчилля, — с другой стороны, возглавлявший британское правительство Д. Ллойд Джордж опасался чрезмерного усиления России в случае победы белых, а поэтому содействовал фактическому признанию Антантой независимости прибалтийских республик и Финляндии, что вызвало резкий протест со стороны правительства адмирала А.В. Колчака.

Здесь мы сталкиваемся с историческим парадоксом: установление плотных взаимоотношений с Антантой по-

служило началом разногласий между белогвардейскими лидерами и союзниками.

Казалось бы, в наибольшей степени была заинтересована в возрождении сильной России как естественно-го союзника против Германии Франция, более слабая и понесшая наибольшие потери в мировой войне среди союзников России. Однако существенной реальной помощи белым она не оказала, а возглавлявший ее миссию при А.В. Колчаке генерал М. Жанен, которому были подчинены также чехи и другие союзные войска в Сибири (кроме американских и японских), имел натянутые отношения с А.В. Колчаком и в итоге, как известно, сыграл роковую роль в его судьбе, санкционировав выдачу чехами Верховного правителя повстанцам в Иркутске в нарушение данных ранее гарантий защиты.

Разведорганы стран Антанты, США и Японии, с одной стороны, оказывали поддержку спецслужбам Белого движения в борьбе с большевиками, а с другой — проводили разведывательные мероприятия в основном политического и экономического характера, поддерживали сепаратистские течения, эсеровские выступления и т.д. Наиболее активную деятельность в этом направлении на территории Сибири и Дальнего Востока развернули имевшие далеко идущие экономические интересы в крае и соперничавшие между собой во влиянии США и Япония.

Весьма активно вели разведку в Сибири и на Дальнем Востоке американцы. К этой работе привлекались консульства во Владивостоке, Харбине, Чите, Иркутске, Красноярске, Томске, Омске, Екатеринбурге, а также военные представители и общественные организации — Красный Крест и Христианский союз молодых людей.

На Транссибирской магистрали сосредоточила большую часть своих кадров американская техническая комиссия, посланная в Россию еще при Временном правительстве. Активную деятельность во Владивостоке развил консул Колдуэлл. В своих сообщениях в Вашингтон он настойчиво советовал добиться максимального расширения союзной агентуры.

«Вскоре после высадки войск на Дальнем Востоке в распоряжение Гревса (командующий американскими войсками в Сибири, генерал-майор. — *Авт.*) из Вашингтона было прислано 15 кадровых офицеров военной разведки, — пишут А.И. Колпакиди и О.И. Лемехов. — Их определили в города, расположенные по Транссибирской железной дороге, где они должны были собирать сведения о военном, политическом и экономическом положении Сибири»¹.

Отдел военной разведки был сформирован в 1885 г. и находился в подчинении генерал-адъютанта армии США. После создания в 1903 г. штаба сухопутных войск вошел в его состав в качестве 2-го отдела (G-2). В 1908 г. G-2 слили с отделом G-3 (военное планирование и обучение), а в 1917 г. военная разведка вошла в отдел военных учебных заведений. Поскольку последняя реорганизация повлекла за собой тяжелые последствия, 26 августа 1918 г. отдел военной разведки опять стал самостоятельным подразделением штаба армии.

К концу Первой мировой войны получили развитие войсковые разведывательные органы (кодировались буквой «С»), начинавшиеся с уровня батальона, в котором на-

¹ Колпакиди А.И., Лемехов О.И. Главный противник. ЦРУ против России. М., 2002. С. 24.

ходиллся офицер разведки и 28 солдат. В полку также находился офицер с подчиненными ему 8 наблюдателями, а в дивизии уже существовала разведывательная секция в составе 4 офицеров и многочисленного вспомогательного персонала¹. Разведку американских экспедиционных сил (АЕФ) в Сибири в 1918—1920 гг. возглавлял подполковник Р.Л. Эйчелбергер.

В поле зрения особого отделения управления 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, занимавшегося контактами с военными агентами союзных и нейтральных стран, поддержанием непосредственных связей с представителями союзного командования в Омске и с иностранными миссиями, попал кадровый разведчик армии США майор Слоутер (по архивным документам — Слоттер), действовавший под прикрытием военного представителя. В докладе начальника особого отделения 2-му генерал-квартирмейстеру ВГК о поездке американца на фронт Сибирской армии 23 июня — 3 июля 1919 г. говорится следующее: «...внимательно относился к железнодорожному движению, каждый день делал пометки в записной книжке, в штабе Сибирской армии и Северной группы изучал расположение частей и знакомился с последними оперативными распоряжениями. Все донесения, имеющие важное значение, направляются Слоутером в Вашингтон».

Находившихся вместе с американцами колчаковских офицеров поразила их осведомленность. Так, 25 июня 1919 г. консул в Екатеринбурге Фермер сообщил Слоутеру о том, что 26 июня готовится удар красных на Пермь. И в этот же день белые части были атакованы.

¹ Ландер И.И. Негласные войны. История специальных служб 1919—1945. В 2 кн. Кн. 1. Одесса, 2007. С. 527—528.

Чтобы воспрепятствовать утечке информации о реальной ситуации на фронтах, начальник особого отделения предлагал в момент тяжелых боев не разрешать поездки иностранцам в район боевых действий¹. Пожалуй, это единственная мера, которую мог позволить себе зависящий от поставок союзников колчаковский режим. Пойти на более радикальные шаги, например, арест и высылку за пределы Сибири американских разведчиков, белогвардейские спецслужбы не решались.

Отметим, что американская разведка прилагала усилия к тому, чтобы представить своему правительству реальную ситуацию в Сибири, предостеречь его от авантюрных действий. А обстановка была отнюдь не благоприятной для колчаковского режима и «интервентов».

Удручающей выглядит картина в секретном донесении офицера военной разведки подполковника Р.Л. Эйчелбергера. «Самая значительная слабость Омского правительства состоит в том, что подавляющее большинство находится в оппозиции к нему. Грубо говоря, примерно 97 % населения Сибири сегодня враждебно относится к Колчаку», — пишет разведчик².

Население Сибири негативно относилось не только к своему правительству, но и к иностранцам, о чем не сказал Р.Л. Эйчелбергер. Однако в то время в Америке реалистичный взгляд на вещи был непопулярен. Подавляющее большинство членов правительства США и дипломатического корпуса продолжали верить, что адмирал А.В. Колчак при их поддержке в итоге победит большевиков. Одно-

¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 114. Л. 41 об — 42.

² Свидетельство подполковника Эйхельберга // Новое время. 1988. № 34. С. 35—37.

временно Соединенные Штаты, следуя политике двойных стандартов, оказывали поддержку силам, находящимся в оппозиции Белому движению.

Цели и задачи так называемых экономических миссий и общественных организаций не являлись секретом для белогвардейских служб безопасности. Контрразведка фиксировала их плановую и систематическую работу по разведке и пропаганде американских интересов, контакты «с теми элементами, которые наиболее желательны для проведения американского влияния». Например, Христианский союз молодых людей через свою банковско-комиссионную контору «Юроверт» субсидировал русские кооперативы и через них поддерживал связь с большевиками западной России. Начальник штаба Западной армии генерал-майор С.А. Щепихин в своих мемуарах утверждал, что деятельность ХСМЛ способствовала усилению пацифистских настроений в некоторых частях и тем самым подрывала их боевой дух¹.

В апреле 1919 г. на Дальнем Востоке была установлена связь американской разведки с большевистскими и эсеровскими организациями, представители которых являлись ее агентами². С весны колчаковская контрразведка стала регулярно получать данные о том, что американские военные передают партизанам оружие, снаряжение и боеприпасы. В ходе нападений повстанцев американские гарнизоны почти никогда не оказывали им сопротивления, в свою очередь, красные предпочитали их не трогать. По данным белых контрразведчиков, между ними существовало тайное соглашение «о содействии».

¹ Волков Е.В. Указ. соч. С. 185.

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 119. Л. 10, 16 об.

Командовавший американскими вооруженными формированиями генерал У. Гревс отличался симпатиями к большевикам. Дошло до того, что 24 апреля 1919 г. бастующие рабочие-большевики Сучанского рудника приняли резолюцию-обращение к американцам, гласившую: «Обращаемся к американскому командованию с предложением немедленно ликвидировать разбойничьи шайки колчаковцев», угрожая в противном случае бросить работу и уйти в партизаны¹.

В одной из апрельских сводок Особого отдела Департамента милиции отзывы о деятельности американцев суммировались следующим образом: «Отношение союзников, кроме японцев, к большевикам безразлично; что же касается американцев, среди войск которых много русских эмигрантов-евреев, то они своими действиями играют в руку большевикам. В Сучанском районе американцы не разрешили японцам идти на помощь... ссылаясь на невозможность вмешательства в партийную борьбу... Русские войска начали удачно действовать против большевиков, и восстание стало утихать, но по странным причинам русские войска удалены, и теперь охрана в Сучанских рудниках установлена американская, последние считают большевиков только политической партией и не находят возможным выступить против них, ведут с ними переговоры, чем большевики пользуются и усиливают свои кадры»².

Начальник Приморского областного управления государственной охраны А.А. Немыцкий в своем докладе Департаменту милиции в июле 1919 г., отмечая, что «большевистское

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «в». Л. 114.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 35. Л. 29.

движение все шире и глубже проникает в область» и что «агитационная деятельность левых партий имеет существенный успех среди рабочих масс и безземельных крестьян», прямо писал: «Бедствиями, постигшими нас в Сучанской долине, лишению нас главного источника топлива мы обязаны исключительно американцам»¹.

Забайкальский атаман Г.М. Семенов писал в Особый отдел о разлагающем влиянии американцев, их открытом сочувствии социалистам вплоть до большевиков, бесчинствах американских солдат в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), напавших на прапорщика русской службы. Управляющий Особым отделом В.А. Бабушкин вначале не поверил Семенову, но управляющий Забайкальской областью С.А. Таскин по его запросу подтвердил эти данные².

Осенью 1919 г. американцы вошли в контакт с чехами и решили поддерживать через них эсеров, ограничив свою роль ассигнованиями крупных денежных сумм чехам. Прежде всего, они намеревались поставить на широких началах контрразведку, ассигновав на нее 3000 долларов в месяц, которая должна была работать главным образом против японцев и вместе с тем выяснять монархически настроенных или приверженных колчаковскому правительству русских должностных лиц.

Во избежание возможных осложнений с союзниками белогвардейская контрразведка не предприняла мер к окончательной ликвидации одновременно всех участков организации, а намеревалась произвести аресты в пути. Для проверки имеющихся сведений и ликвидации соучастников прогнозируемого контрразведкой восстания,

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «в». Л. 174—174 об.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 10. Д. 106. Л. 2—2 об, 3, 8—9 об.

во Владивосток, Иркутск и другие города были командированы специальные агенты¹.

В сентябре 1919 г. владивостокские контрразведчики, ссылаясь на достоверные источники, сообщали в Омск об усиленной политической и военной разведке, начатой местным штабом американских войск. Для того чтобы себя не компрометировать, американцы пригласили к руководству спецслужбой чеха поручика Муравца, ранее служившего в немецкой контрразведке².

Кстати, чехи и сами шпионили за белыми. Сохранившиеся в архивных фондах ГАРФ и РГВА документы свидетельствуют об активном шпионаже против белогвардейцев со стороны учрежденного летом 1918 г. при штабе корпуса тайного разведывательного отдела (ТВО), имевшего агентурные пункты во многих городах от Волги до Байкала³.

В марте 1919 г. белогвардейской контрразведке стало известно, что чехи стараются внедрить свою агентуру даже в органы безопасности, вербруя для этой цели бывших солдат русско-чешских полков⁴.

Однако для колчаковских спецслужб так и остался неизвестным чешский тайный агент Джон (оперативный псевдоним), внедренный в ближайшее окружение генерала М.К. Дитерихса. Он регулярно докладывал своему куратору майору Марино о разговорах начальника штаба Верховного главнокомандующего с адмиралом А.В. Колчаком, с офицерами своего штаба и даже с женой. По от-

¹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 122. Л. 13—14.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 424. Л. 45.

³ Голуб П.А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). М., 2006. С. 353.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 140. Л. 7; Ф. 40321. Оп. 1. Д. 18. Л. 74.

четам Джона можно судить, что он встречался со многими высокопоставленными лицами, в частности, с командующим 1-й Сибирской армией генерал-лейтенантом А.Н. Пепеляевым, по своим взглядам близко стоявшим к эсерам и выступавшим за демократизацию колчаковского режима. В январе 1920 г. он направил Марино рапорт о составе советских органов власти в Иркутске, а в марте уже докладывал об обстановке в Чите¹.

На кого работал Джон в то время, когда чешские части под ударами Красной армии бежали на восток вместе с награбленным в России добром? На тайный разведывательный отдел штаба корпуса? Или, может быть, у него появились другие хозяева? Эти вопросы остаются для нас без ответов, поскольку контрразведка к тому времени лежала под обломками режима, которому верно служила. Зато спецслужбы «союзников» продолжали свою работу, поэтому ответы можно найти в архивах одной из стран-союзниц адмирала А.В. Колчака.

Факты самоуправства и мародерства чехов привлекли внимание территориальных органов безопасности. О них неоднократно упоминалось в докладах начальника Акмолинского областного управления государственной охраны В.Н. Руссиянова Особому отделу. В феврале 1919 г. чехи даже произвели самовольный обыск в Министерстве продовольствия и снабжения, когда же Руссиянов предъявил их командованию запрос о закономерности подобных действий, начальник чешской контрразведки полковник Й. Зайчек стал защищать своих подчиненных. В июне 1919 г. тот же В.Н. Руссиянов доносил в Особый отдел:

¹ ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 26. Л. 2—19; РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 246. Л. 8, 29, 31.

«Против чехословаков настроены враждебно почти без исключения все слои населения»¹. Помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал А.П. Будберг в своем «Дневнике» записал, что в июне 1919 г. чехи возили за собой 600 вагонов, которые были «наполнены машинами, станками, ценными металлами, картинами, разной ценной мебелью и утварью и прочим добром, собранным на Урале и в Сибири»².

С другой стороны, по свидетельству управляющего Томской губернией Б. Михайловского и начальника губернского управления госохраны генерала С.А. Романова, командование дислоцированной в губернии 2-й чешской дивизии неоднократно оказывало услуги делу политического розыска и даже предлагало губернскому руководству обложить местное население данью в пользу контрразведки, ссылаясь на собственный опыт в Енисейской и Иркутской губерниях. Сами авторы письма, однако, не одобряли подобные методы во избежание роста недовольства среди населения и просили от правительства лишь увеличения ассигнований³.

Американцев очень беспокоило поведение японцев. Для этого имелись основания. Значительно увеличив свою группировку в Сибири, Япония стала игнорировать претензии США на руководящую политическую роль в регионе. Оставаясь в тени, японцы провоцировали обострение отношений между американскими военными и казаками. Американское командование, ревностно следившее за влиянием японцев в Сибири, через

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 84, 89—89 об, 297 об.

² Будберг А. Указ. соч. // Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. С. 273.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 19. Л. 72.

спецслужбы пыталось дискредитировать японцев в глазах русского общества¹.

Действуя в русле своих военно-политических устремлений, Страна восходящего солнца вела массированную разведку на территории Сибири и Дальнего Востока, опираясь на китайскую, корейскую и японскую диаспоры, а также отдельных российских граждан. Еще до высадки десанта во Владивосток в апреле 1918 г. местное японское консульство усилило разведку. Пользуясь разрухой в крае во время правления большевиков, японцы начали вербовать агентов для скупки разного рода карт Дальнего Востока. Одним из японских тайных агентов во Владивостоке был кореец Эм. Благодаря приложенным усилиям, японцы смогли составить подробные карты края: Владивостока с окрестностями до Океанской с нанесенными на них фортами, дорогами, маяками, подробными очертаниями береговой линии².

Разведданные в Токио поступали из штаба 5-й эскадры, корабли которой базировались во Владивостоке, из штаба командования японской армии, расквартированной здесь же. Также необходимые сведения поступали и из министерства иностранных дел, имевшего свои консульства в Петропавловске-Камчатском, Александровске-на-Сахалине, Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, Чите, Одессе и в Маньчжурии. Немалую роль сыграли и представители рыбных концессий на Камчатке, угольных и нефтяных — на Сахалине и лесных — в Приморье³.

¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 119. Л. 8 об.

² РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 32. Л. 19.

³ Гурко Ф. Расстрелять и реабилитировать. URL: http://www.satatools.ru/magazin.php?id=14&idnews=2336¤t_magazin=1186 (дата обращения: 23.11. 2006)

4 апреля 1918 г. японские агенты совершили убийство двух граждан японской национальности, что послужило формальным поводом для того, чтобы командующий флотом адмирал Като на следующий день отдал приказ о высадке десанта во Владивостоке.

После ввода японских войск на Дальний Восток в Амурскую область был направлен опытный военный разведчик майор И. Макиё. По версии историка А.Д. Показаньева, перед резидентом стояла задача не только тактической, но и стратегической разведки в интересах генштаба. При этом майор Макиё в сообщениях главнокомандующему японскими войсками генералу Оой предлагал отказаться от военного вмешательства во внутренние дела России¹.

В период Гражданской войны в Благовещенске, Владивостоке, Иркутске, Омске, Харбине и Чите были созданы структуры так называемой «специальной (особой) службы (Токуму-Кикан)». Во главе их «стояли представители военной администрации, выполнявшие функции военных атташе Японии при правительстве А.В. Колчака и военной администрации на той или иной оккупированной территории», которые в переводе на русский язык стали именоваться японскими военными миссиями (ЯВМ)².

Вербовку агентуры влияния среди местного населения японские спецслужбы осуществляли как самостоятельно, так и совместно с белогвардейской контрразведкой. «Есть основания полагать, что вербовочные подходы осуществлялись к активным борцам за власть Советов, попавшим в руки белогвардейской контрразведки и японской

¹ Показаньев А.Д. Указ. соч. С. 35—36.

² Ямпольский В.П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918—1945) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 2. С. 174—175.

военной разведки, — считает исследователь А.Д. Показаньев. — Выход на отдельных из них осуществлялся с участием генералов японской армии и с их рекомендаций закреплялись вербовки»¹.

ЯВМ вели разведывательно-подрывную деятельность в Сибири и на Дальнем Востоке, о чем свидетельствуют документы колчаковской контрразведки. В Красноярске ей удалось задержать нескольких японцев, занимавшихся шпионажем среди колчаковских войск. Генерал-квартирмейстер распорядился поступать с ними по закону, уведомив начальство привлекаемых к ответственности лиц через Главный штаб и МИД².

Япония пыталась укрепить влияние на континенте, привлекая к сотрудничеству представителей различных общественных групп и прессы. Например, чины военной миссии в Омске, по данным КРЧ, приглашали журналистов, охотно делились с ними всякого рода информацией, предлагали угощения и подарки³.

Особую активность японцы проявляли на Дальнем Востоке. В поле зрения военно-статистического (разведывательного. — *Авт.*) отделения штаба Приамурского военного округа, по собственной инициативе занимавшегося сбором информации контрразведывательного характера, неоднократно отмечали, что японцами проводится детальное обследование бухт, заливов и всего побережья в районе Владивостока и на Сахалине. «По-видимому, одной из главных целей является исследование минеральных богатств побережья, столь необходимых для их эко-

¹ Показаньев А.Д. Указ. соч. С. 36.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 348. Л. 17.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 105. Л. 2.

номической самостоятельности», — высказывается предположение в докладе резидента¹.

Случаи разоблачения и привлечения к ответственности японских агентов являлись исключением, нежели правилом. По документам белогвардейских спецслужб сложно судить о размахе и результативности японского шпионажа в тылу белогвардейских войск, поэтому сошлемся на оценку генерал-майора Такиуки. Подводя итоги японской интервенции на Дальнем Востоке, он откровенно заявил: «О сибирской экспедиции 1918—1919 гг. говорят, что это не что иное, как попусту выброшенные 700 миллионов иен. Но это не совсем так. В то время в Сибири работали офицеры из всех полков Японии, которые занимались изучением края. В результате те местности, о которых мы ничего не знали, были изучены, и в этом отношении у нас не может быть почти никаких беспокойств»².

Таким образом, находившиеся в Сибири и на Дальнем Востоке формирования союзников, поддерживая колчаковский режим, в первую очередь преследовали собственные геополитические цели, поэтому занимались разведдеятельностью не только против Советской России, но и против белогвардейских режимов. Контрразведывательные органы Верховного правителя по мере возможности вели наблюдение за иностранными спецслужбами, но активного противодействия им не оказывали, руководствуясь, по мнению авторов, в первую очередь политическими

¹ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 32. Л. 30.

² Цит. по: *Рабинович С.* Иностранный шпионаж в СССР в годы Гражданской войны // О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. Партиздат ЦК ВКПБ, 1937. URL: <http://vault.exmachina.ru/spy/14/1/> (дата обращения: 18.09.2009)

соображениями. С одной стороны, адмирал А.В. Колчак, являясь убежденным поборником возрождения великодержавной России, порой предпринимал резкие демарши против действий союзников, нарушавших суверенитет России. Об этом свидетельствуют такие известные факты, как его отказ передать русские войска в Сибири под командование французского генерала М. Жанена в декабре 1918 г., уполномоченного на это мандатом Д. Ллойд-Джорджа и Ж. Клемансо; последующий отказ передать под контроль союзников золотой запас России (вплоть до декабря 1919 г.)¹. Широкую известность приобрел приказ Колчака генералу С.Н. Розанову в сентябре 1919 г. в ответ на ультимативное требование американского и японского командования вывести дополнительные контингенты русских войск из Владивостока, в котором говорилось: «Сообщите союзному командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют. Повелеваю вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случае, ни перед чем»². В том же Владивостоке русский военный суд, несмотря на давление американцев, оправдал полковника Шарапова, который убил на месте пьяного американского солдата, оскорбившего и ударившего его³. С другой стороны, колчаковскому правительству приходилось считаться с союзниками, поскольку оно

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис Пресс, 2008. С. 202, 275, 440.

² Там же. С. 443—444.

³ Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2007. С. 119.

остро нуждалось в поставках оружия и военной техники от них.

Борьба со шпионажем колчаковскими органами безопасности велась не системно и целенаправленно, а носила эпизодический характер и заключалась в основном в агентурном сопровождении. Случаи арестов и последующего предания суду были редкостью и относились в большей степени к большевистским разведчикам. Представляется, что причинами такого положения дел были следующие.

Во-первых, колчаковские спецслужбы противодействовали разведывательно-подрывной деятельности большевиков и «союзников» в одиночку. Высшее военно-политическое руководство считало, что обеспечение внешней безопасности режимов являлось прерогативой лишь контрразведки. Между тем уже в то время характерным примером тому являлась Советская Россия, где складывалась система безопасности, составными частями которой являлись органы государственной власти и партийно-политический аппарат, а спецслужбы находились в верхней части такой «пирамиды».

Во-вторых, по своим силам и средствам, кадровому потенциалу белогвардейские контрразведывательные органы уступали спецслужбам зарубежных стран.

В-третьих, контрразведывательные органы в основном сконцентрировали свои усилия на политическом сыске, считая контршпионаж второстепенным делом. Здесь свою роль, по мнению авторов, сыграла нормативно-правовая база Временного правительства, принятая после разгона Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов и предписывавшая контрразведке заниматься политическим сыском, что легло в основу нормативных докумен-

тов колчаковской контрразведки. Однако временные положения о контрразведывательной службе на ТВД и во внутренних военных округах четко не определяли круг полномочий контрразведки в борьбе с государственными преступлениями, что приводило к дублированию функций спецслужб и органов политического сыска. В то же время в компетенцию органов государственной охраны Департамента милиции, в отличие от губернских жандармских управлений Российской империи, не входила борьба со шпионажем.

Вместе с тем эти структуры вели наблюдение за союзниками и, вскрывая их контакты с противником, информировали об этом органы власти.

БОРЬБА С БОЛЬШЕВИСТСКИМ ПОДПОЛЬЕМ

Основная угроза безопасности Белому движению, безусловно, исходила от Советской России. Гражданская война велась посредством крупномасштабных военных операций, восстаний, мятежей, агитационно-пропагандистской работы, разведывательно-подрывной деятельности и т.д. Широкий арсенал способов борьбы в большей степени был направлен против воюющих армий, поскольку так или иначе исход войны определялся разгромом вооруженных сил противника, который зависел от решения крестьянского, казачьего и национального вопросов. Поддержка широких слоев населения в значительной степени предопределила состав воюющих армий, мобилизационную возможность сторон, а в итоге — победу одних и поражение других.

Советская Россия не только защищала свой тыл от проникновения агентуры противника, но и сама органи-

зовывала на территориях, занятых белыми армиями, восстания, мятежи, забастовки, диверсии, операции разведывательного и контрразведывательного характера. Специальными методами ведения войны в РСФСР занимались три структуры: партийные органы, ВЧК и разведка Красной армии.

Серьезную опасность для колчаковского режима представляло Сибирское бюро РКП(б).

Активная борьба с подпольем началась в конце осени 1918 г. По всей видимости, причиной тому послужил приход к власти адмирала А.В. Колчака, установившего военную диктатуру, а также активизация большевистского подполья после прошедшей 22—23 ноября 1918 г. в Томске II Сибирской партийной конференции, которая, сохраняя ориентацию на общесибирское восстание, высказалась за организацию местных вооруженных выступлений.

Для целенаправленного руководства нелегальной подрывной деятельностью 17 декабря 1918 г. ЦК РКП(б) создал при Реввоенсовете 5-й армии Восточного фронта Сибирское бюро РКП(б) с центром в Уфе (позднее оно переехало в Омск) и поставил перед ним задачу «организовать революционную агитацию на территории Сибири»¹. Помимо агитаторов большевики направляли сюда агентов для проведения диверсий на железных дорогах².

Наиболее ожесточенная борьба между большевистским подпольем и колчаковской контрразведкой по понятным причинам развернулась в сибирской столице — Омске.

¹ Катков Н.Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и в тылу белогвардейцев в период 1918—1920 гг. Л., 1977. С. 69—70; Борьба за Урал и Сибирь. М., 1926. С. 124.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 8. Л. 97.

Выполняя решения II Сибирской партийной конференции, Омский подпольный обком решил поднять 22 декабря 1918 г. вооруженное восстание. По плану город был разделен на четыре района, во главе каждого из них стоял руководитель, определены явочные квартиры и способы связи между ними. После захвата Омска военнореволюционный штаб предполагал создать армию и наступать в восточном направлении — на Новониколаевск и шахтерские районы Восточной Сибири.

Советский историк М.И. Стишов пишет, что в процессе подготовки восстания в «отдельные звенья боевых организаций партии проникли провокаторы», которые «нанесли внезапный удар в спину руководству восстания, ликвидировав его по существу в самом начале». В ночь с 21 на 22 декабря на одну из квартир, где собралось более 40 рабочих для получения последних указаний, прокрался солдат Новониколаевского полка Волков и сумел затем предупредить контрразведку. За два часа до выступления все находившиеся в квартире командиры были арестованы¹. Восстание подавляли казачьи части с помощью англичан и чехов.

По признанию генерал-майора В.А. Бабушкина, «вооруженное выступление, имевшее место в ночь на 22 декабря, могло бы принять громадные размеры, если бы омский центральный военный штаб, получив уведомление об аресте контрразведкой штаба 2-го района... не отдал бы распоряжение о приостановке дальнейших действий»².

По официальным данным, в результате подавления восстания в Омске было убито 133 человека и 49 расстре-

¹ Стишов М.И. Указ. соч. С. 113—114.

² Цит. по: Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны Белого движения Сибири... С. 217.

ляно по приговору военно-полевого суда, были осуждены на длительное тюремное заключение и приговорены к каторжным работам 13 повстанцев. Исследователь П.А. Голуб считает, что в действительности жертв было не менее 900 человек, в том числе около 100 видных партийных работников¹. Историк А.А. Рец, ссылаясь на данные подпольных организаций, пишет о гибели более 1500 повстанцев².

Оставшиеся на свободе руководители Сибирского обкома и Омского горкома 23 декабря провели совместное заседание, на котором приняли решение 1 февраля 1919 г. поднять в городе второе вооруженное восстание.

К концу января ЦОВК стали известны планы большевиков, время проведения восстания и силы, на поддержку которых они рассчитывали. Полковник Н.П. Злобин распорядился произвести обыски у причастных к организации железнодорожных рабочих³.

1 февраля группы боевиков ворвались в казармы 51-го и 52-го стрелковых полков, но солдаты заняли пассивно-выжидательную позицию и не поддержали инициаторов восстания. Куломзинские рабочие в количестве 150 человек были остановлены правительственными отрядами. В городе начались обыски и аресты. В ходе допросов некоторые подпольщики назвали имена сообщников. Таким образом, контрразведка вышла на руководителей комитетов. Всего ей удалось арестовать около 100 членов партии. 8 февраля более 10 человек были расстреляны, другие получили различные сроки каторги⁴.

¹ Голуб П.А. Указ. соч. С. 74—75.

² Рец А.А. Указ. соч. С. 153.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп.1. Д. 8. Л. 81; Д. 9. Л. 9.

⁴ Стишов М.И. Указ. соч. С. 116—117.

В конце февраля осведомительный отдел Главного штаба располагал сведениями о намерении большевиков, потерпевших неудачи в организации массовых выступлений, перейти к единичным террористическими актам в отношении наиболее активных деятелей колчаковского правительства, а также к диверсионной деятельности — уничтожению складов военного имущества и боеприпасов, фабрик и заводов¹.

В марте в отдел контрразведки и военного контроля стали поступать данные о происходивших в большевистских кругах крупных разногласиях, результатом которых стало образование самостоятельной группы, состоявшей из лиц латышской национальности. Ее основной задачей являлась активная борьба с существующей властью, для чего ими усиленно скупалось оружие, организовывались боевые отряды в уездах и т.д. К выявлению участников подрывной группы были приняты соответствующие меры, но ввиду особой конспирации и осторожности, контрразведке никого обнаружить не удалось².

Несмотря на провалы, большевики в режиме строжайшей конспирации 20—21 марта 1919 г. провели в Омске III партийную конференцию, в работе которой принимали участие около 20 представителей различных городов Сибири и Дальнего Востока. Однако колчаковским спецслужбам через внедренного агента удалось установить руководителей и партийных работников организации, хозяев явочных квартир, пароли, инструкции парткомам, штабам, партизанским отрядам, а главное — о принятой резолюции, согласно которой большевики планировали

¹ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 166. Л. 9.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 97. Л. 159—161.

А.В. Колчак

Резиденция Колчака в Омске

10

3-й ОТДЕЛ Бюро по делам Российских
Эмигрантов в Маньчжурской Империи.

Биографические сведения

Ответы требуются точные и подробные. ПРОПУСКИ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ. Если не хватит места в графе, то писать на отдельном листе под тем же номером. При биографии прилагаются фотографические карточки).

Место
для
карточки

А. Фамилия (женщины указывают и урожан-
ную фамилию). Злазнев

Б. Имя. Михаил

В. Отчество. Михайлович

Г. Псевдоним (литературное и
сценическое). Т.Т.

Д. Адрес. (Город, район, улица, № дома и
квартиры). Амстердамский пер. Мещеряков с 15-17 кв.

Общие сведения.

Время рождения (год, месяц и число) 1884 г. 9 апреля

Место рождения (губерния, провинция, уезд, губер. село и волость). г. Кривинский Станиславский уезд

Материнская фамилия Рукис

Вероисповедание Православный

Подпись и в каком звании в при-
стоите. Мамига Е. В. 1928.

Семейное положение (содержавность: жена или муж, дети, иже, отец, братья, сестры, иже иже, отчество и фамилия год рождения, должность, где служит, на какой должности, сколько зарабатывает в месяц, из какого), бабство и в каком браке — церковном или гражданском, или, разведен или холост). Кривинский Станиславский уезд, 1899, Бельгия и в семье Кривинский Станиславский уезд, 1928.

Chamber: Khamovniki St., House 30, + Apartment 28
 apartment 8, phone: +7 (495) 464-11-11, mail -
 - Samara has many friends with 16/04/2010
 (Muzhikova)

16/04/2010

Биографические сведения Н.П. Злобина. Маньчжурия

ИМКА
ЧЕРНЫХЪ
СВѢДКИ

УДОСТОВѢРЕНІЕ

1919

ИЗДАНО

Предъявитель сего есть служащій Ново-Николаевска-
го Пункта Контръ-Свѣдки ЧЕРНЫХЪ Алексѣй Тимофеевичъ,
которому разрѣшается свободное ходженіе по городу
послѣ 12-ти часовъ ночи и ношеніе при себѣ оружія,
что подписью съ приложеніемъ казенной печати удосто-
вряется.

РЪ-РАЗВѢДКИ

Апрѣль 9

15118

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Предъявитель сего есть действитель служащій
Ново-Николаевского Пункта Контръ-Развѣдки . . .
Петръ Васильевичъ Тусевъ . . .
которому разрѣшается свободное ходженіе по городу
послѣ 12-ти часовъ ночи, а также ношеніе при се-
бѣ оружія, что подписью съ приложеніемъ казенной
печати удостоверяется.

За Начальника Пункта,
Прапорщикъ

Степан

НАЧАЛЬНИКЪ
КОММУНИКАЦИОННОГО
ОТДѢЛЕНІЯ
РЪ-РАЗВѢДКИ

Апрѣль 9

1958

Ново-Николаевскъ

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Предъявитель сего есть действитель служащій
Ново-Николаевского Отдѣленія Контръ-Развѣдки Па-
велъ Яковлевичъ ФИЛИППОВЪ, которому разрѣшается
свободное ходженіе по городу послѣ 12-ти часовъ
ночи, а также ношеніе и храненіе при себѣ оружія,
что подписью съ приложеніемъ казенной печати
удостоверяется.

Министръ

Клюшнинъ

Н.А. Каландарашвили

Красные партизаны

Колчаковцы на отдыхе

А.В. Колчак с офицерами штаба Сибирской армии

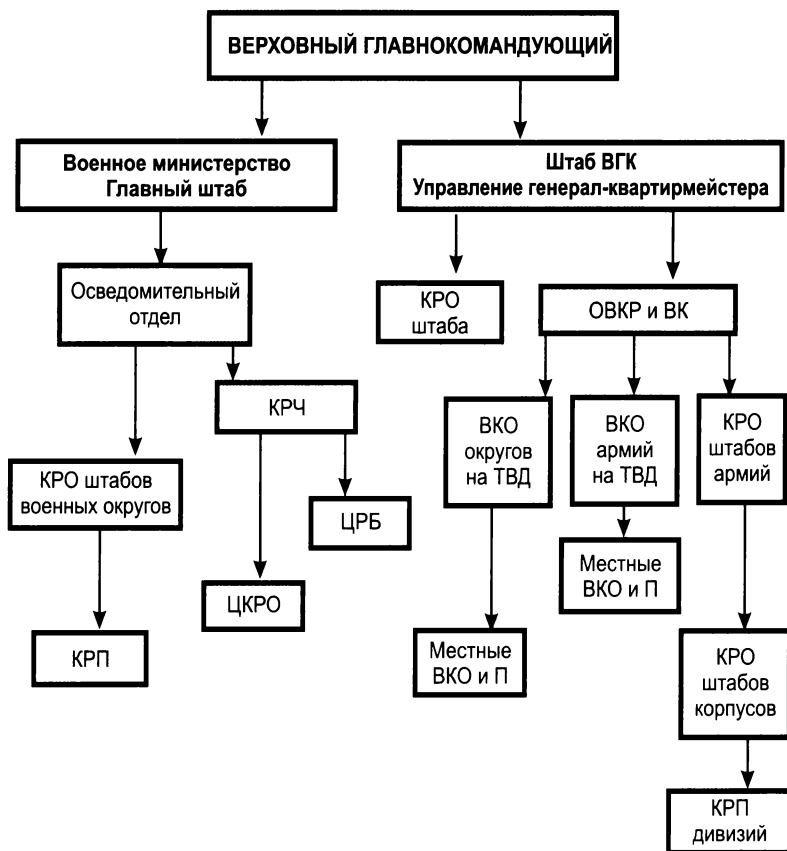

*Здание Военного контроля в Перми
(ныне — Пермский институт культуры и искусства)*

*Здание, в котором располагалась колчаковская контрразведка
в г. Берёзовский*

**Схема контрразведывательных органов
Апрель — июнь 1919 г.**

Сост. по: ГАРФ. Ф. р-5793. Он. 1. Д. 1 з. Л. 137; РГВА. Ф. 39466. Д. 10. Л. 90, 92, 134—134 об.; Ф. 40218. Он. 1. Д. 206. Л. 5—9.

направить разворачивавшуюся партизанскую войну в Сибири на отвлечение максимального количества белогвардейских вооруженных сил от фронта.

Поскольку решения конференции представляли серьезную угрозу безопасности тыла, контрразведка приступила к ликвидации подполья. Со 2 на 3 апреля было арестовано 6 человек. В ходе дальнейшей разработки белые схватили П.Ф. Парнякова и Никифорова, курьеров ЦК Борисова-Цветкова, Л.М. Годисову, А. Валек. Один из подпольщиков так характеризовал ситуацию в Сибири: «В последнее время страшно трудно стало работать, ибо контрразведка действовала более жестоко, чем при царизме. Даже нельзя было учесть, сколько членов имела подпольная организация. Главным образом старались укрывать тех товарищей, которые могли быть каждую минуту расстреляны»¹.

Несмотря на жесткий режим, омское подполье неоднократно пыталось возобновить свою деятельность, но безрезультатно. В апреле руководитель разведотделения штаба Оренбургской армии предупредил начальника КРО штаба ВГК о командированных из Оренбурга в Омск трех большевиках — Здобнове, Кравченко и Титове — с целью организации переворота и покушения на Верховного правителя². В этом же месяце контрразведка арестовала более 20 человек, разгромила областной и городской нелегальные комитеты. Тем самым спецслужбы лишили сибирское подполье руководящего центра, существование которого в связи с развертыванием борьбы было особенно необходимо. После ряда неудачных попыток поднять

¹ Цит. по: Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 144—145.

² РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 183. Л. 127.

восстание в городе омские большевики перенесли свою работу в окрестности, где сформировали мелкие отряды по 10—15 человек, состоявшие преимущественно из бродяг, дезертиров и беглых военнопленных. Однако и там их деятельность находилась под негласным надзором контрразведки¹.

Свой вклад в разгром большевистского подполья внесла и государственная охрана. Как явствует из сводки особого отдела Департамента милиции, уже в начале февраля 1919 г. (в первые недели своей деятельности) она раскрыла связи профсоюзов Омска с большевистским подпольем².

В апреле 1919 г. органами госохраны в Омске был арестован один из личных шоферов А.В. Колчака — большевик Стефанович, готовивший по заданию партии покушение на Верховного правителя³.

Как явствует из рапорта начальника Акмолинского областного управления государственной охраны (в состав которого входил и Омск), только за июль—август 1919 г. чинами управления было расследовано 137 дел, из которых по 83 была доказана виновность подозреваемых⁴.

Не менее эффективно колчаковские спецслужбы действовали и в других городах Сибири и Дальнего Востока. 18 июня 1919 г. и.д. начальника КРО штаба ВГК докладывал начальнику отдела контрразведки и военного контроля управления 2-го генерал-квартирмейстера, что в течение трех месяцев в Томске были разгромлены все большевистские организации. После чего, по данным агентуры, оставшиеся партийные работники перенесли свою дея-

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп.1. Д. 8. Л. 129, 274.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 35. Л. 1.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 10. Д. 120. Л. 2 об—3.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 24. Л. 104.

тельность в Мариинский уезд, где в ближайших к городу деревнях занялись формированием боевых ячеек¹.

Согласно памятной записке генерал-майора С.А. Романова управляющему Томской губернией об итогах работы губернского управления госохраны от 18 октября 1919 г., всего за несколько месяцев с момента организации госохраны в Томской губернии были арестованы бывший председатель эсеровско-областнического «Временного правительства автономной Сибири» П.Я. Дербер (нелегально приехавший в Томск из Владивостока, куда он бежал при большевиках), скрывавшиеся в Томске и окрестностях бывшие большевистские комиссары Семашко (из Красноярска), Решетников (из Никольск-Уссурийска), Яворский (из Славгорода), Крупин (помощник томского комиссара Кривоносенко, убитого в день антибольшевистского восстания 31 мая 1918 г.), человек, готовивший покушение на премьер-министра П.В. Вологодского, подпольная эсеровская организация в Томске в составе 3 человек, хозяин большевистской конспиративной квартиры в Томске и 6 скрывавшихся у него дезертиров, проживавшие в Томске братья цареубийцы Я. Юровского, свыше 150 подозреваемых в большевизме по Томскому уезду, 12 подозреваемых в подготовке восстания в Каинском уезде, подпольная большевистская организация в Мариинском уезде в составе 4 человек, конфисковано при обысках в Томске свыше 35 пудов нелегальной большевистской литературы, 26 винтовок и ружей, до 50 револьверов, 5 гранат, 2200 патронов и 2 пуда пороха².

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 96. Л. 30.

² ГА ТО. Ф. р-810. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—1 об; *Ларьков Н.С. Указ. соч.* С. 187.

Представляет интерес дело об аресте братьев Я. Юровского¹, непосредственно руководившего уничтожением царской семьи в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 г. Юровский и его братья были родом из Каинска и до революции все проживали в Томске (сам Янкель жил в Протопоповском переулке). 21 августа 1919 г. помощник начальника губернского управления госохраны Бейгель, живший ранее по соседству с Юровским, опознал на улице его брата, первоначально приняв его за самого Янкеля по причине внешнего сходства. Бейгель незаметно проследовал за ним до дома, а затем установил за ним наблюдение с помощью своих агентов и доложил начальнику губернского управления госохраны генерал-майору С.А. Романову. Было установлено, что предполагаемый Юровский прибыл в Томск накануне. Через два дня подозреваемый был арестован. Были допрошены свидетели, лично знавшие Я. Юровского: служивший с ним до Октября в Екатеринбургском лазарете писарь М. Еземский, встречавшийся с Юровским после Октября в Екатеринбурге врач М. Соколов, бывший личный врач наследника престола цесаревича Алексея профессор В. Деревянко, мещанин-поляк М. Хайдук, брат Юровского Лейба (Лев), его жена Эстер и тобольская мещанка-еврейка Х. Фридман. Арестованный оказался не тем, за кого его принимали, а его родным братом Эле (Ильей). Несмотря на это, по требованию из Омска оба задержанных брата Юровского — Эле и Лейба по завершении предварительного дознания 12 сентября 1919 г. были вывезены особоуполномоченным госохраны штабс-капитаном Сычевым в отдельном вагоне в Омск в контрразведку Ставки Верховного главнокомандующего.

¹ ГА ТО. Ф. р-810. Оп. 1. Д. 3.

Дальнейшая судьба их в деле не изложена. Кроме того, на квартире Я. Юровского в Каинске был произведен обыск, который, впрочем, ничего не дал.

В челябинскую организацию, ставившую своей целью свержение существующей власти путем убийства Верховного правителя, отделение контрразведки Западной армии внедрило агента А. Барболина, который выявил имена некоторых руководителей, их адреса и главные явочные квартиры. 20 марта 1919 г. отделение приступило к ликвидации подпольного горкома. Были разгромлены общегородской комитет, военно-революционный штаб, некоторые райкомы и ячейки. Во время обысков контрразведчики обнаружили оружие, взрывчатые вещества, документы, арестовали 200 человек, 66 из которых были привлечены к военно-полевому суду. 3 апреля в городе снова прошли аресты и обыски, была найдена тайная типография, много оружия и около 700 000 рублей¹.

Из Челябинска ниточка потянулась в Екатеринбург, где контрразведка 31 марта 1919 г. арестовала 27 человек (6 апреля постановлением полевого суда 8 человек было приговорено к смертной казни через повешение)².

В Бийске еще в декабре 1918 г. был раскрыт заговор большевиков, арестовано 9 человек представителей разных союзов рабочих, установивших связь с Барнаулом, Томском и Иркутском³.

В Кустанайском уезде Тургайской области в начале апреля 1919 г. 19 человек было расстреляно по пригово-

¹ Волков Е.В. Указ. соч. С. 184; РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 113. Л. 2—3; Д. 122. Л. 2.

² РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 113. Л. 3—3 об, 15 об—16 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 23. Л. 13.

ру военно-полевого суда после подавления восстания в пользу большевиков¹.

На Дальнем Востоке контрразведка также имела свою агентуру в подпольных организациях и информировала командование об их планах и действиях, сообщала о местонахождении большевистских партизанских отрядов, их вооружении, численности, руководителях, готовящихся вооруженных выступлениях и свершившихся нападениях².

Одной из первых была разгромлена большевистская организация, готовившая восстание в Благовещенске, вошедшее в историю как Мухинское (по фамилии его инициатора Ф.Н. Мухина). По одной из версий, планы и время восстания контрразведке выдал находившийся в окружении Мухина некто Сизов, позже перешедший на сторону белогвардейцев и убитый благовещенскими подпольщиками.

По версии историка А.Д. Показаньева, задержанный казачьим патрулем крестьянин И.В. Дымов, которому поручалось передать письма Ф.Н. Мухина партизанам, не выдержал пыток и дал контрразведчикам достоверные сведения о нахождении руководителя большевистского подполья в городе. А.Д. Показаньев считает, что с разоблачением Сизова спецслужбы не имели агентуры в ближайшем окружении Ф.Н. Мухина, поэтому использовали «жесткие приемы розыска». Однако первичные розыскные действия оказались безрезультатными. 3—4 марта белогвардейцы совместно с японцами расправились с первой группой подпольщиков. 6—7 марта продолжались

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 1.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 99. Л. 5, 7.

облавы по задержанию лидеров подполья. 8 марта был арестован Ф.Н. Мухин. «Чины военной контрразведки совместно с японским отрядом оцепили школу и начали проводить обыск. Первый чин, встретивший Мухина, не узнал его, но затем следующим чином контрразведки он был узнан». По разным данным было арестовано от 66 до 100 человек¹.

Однако большевикам удалось быстро восполнить свои ряды. В апреле 1919 г. уже работал новый состав Амурского обкома, в который входило 6 человек².

В апреле 1919 г. контрразведка выявила во Владивостоке организацию большевиков численностью около 500 человек, которую руководством планировалось довести до 5000—6000 человек. С целью похищения грузов многие из членов организации устроились грузчиками на железную дорогу и в порт, похищали патроны, ручные гранаты. На острове Русский подпольщики раздобыли 500 винтовок, 50 ящиков патронов, ручные гранаты и снаряды. Однако место хранения арсенала скоро стало известно контрразведке³.

В мае КРО при штабе Приамурского военного округа провело аресты членов хабаровской большевистской организации. Среди них оказались крупные деятели советской власти: Б.А. Болотин (Славин), бывший нарком финансов Центросибири; Н.А. Сидоренко (Гаврилов), бывший иркутский губернский комиссар; Кам (Гейцман), бывший комиссар иностранных дел Центросибири⁴. Под-

¹ Показаньев А.Д. Указ. соч. С. 39—41, 98.

² Ципкин Ю.Н. Белогвардейские спецслужбы против коммунистического подполья на Дальнем Востоке в 1918—1920 гг. С. 12.

³ РГВА. Ф. 40319. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 89. Л. 171.

польная ячейка была провалена благодаря внедренному агенту Розенблату, считавшемуся членом большевистской организации. Позже подпольщики пытались его ликвидировать, но безуспешно. Прибывшему из Благовещенска агенту Струкову удалось выявить квартиры подпольщиков, что позволило контрразведке арестовать, а затем убить Г.Н. Аксенова, С. Номоконова, А.М. Криворучко и др., пытавшихся освободить из тюрьмы Н.А. Гаврилова и Б.А. Славина. Струков был разоблачен эсеркой-максималисткой Н. Лебедевой (Кияшко)¹.

Таким образом, зимой—весной 1919 г. колчаковские спецслужбы нанесли серьезные удары по подпольным организациям в крупных городах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Попытки большевиков организовать восстания ими пресекались. В июне 1919 г. контрразведка раскрыла организации в Перми, Челябинске, Екатеринбурге, Новониколаевске и Омске².

Разгромы подпольных организаций в ряде городов Сибири сорвали планы большевиков провести всеобщее восстание. Начальник КРО штаба Иркутского военного округа сообщал начальнику местного управления государственной охраны, что прибывший в Иркутск из Советской России делегат отменил намеченное на 15 июня 1919 г. выступление. Его сроки были перенесены на более благоприятный период для проведения всеобщего восстания³. Ввиду провалов красноярской, новониколаевской

¹ Ципкин Ю.Н. Белогвардейские спецслужбы против коммунистического подполья на Дальнем Востоке в 1918—1920 гг. С. 12.

² РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 11. Л. 264—264 об, 291 об; Д. 88. Л. 9—10; Д. 113. Л. 2—3.

³ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 81. Л. 110.

и томской организаций было сорвано проведение намеченной на июль—август IV конференции РКП(б).

Иркутский комитет РКП(б) смог долго сохранять свой кадровый костяк благодаря тщательной конспирации. «По правилам конспирации мы не знали друг друга, не знали настоящих фамилий, не знали места работы друг друга... У нас были четко разграничены функции не только между членами комитета, но и между рядовыми членами партии. Даже члены комитета не знали отдельных связей и состояния отдельных районов», — вспоминал подпольщик И.М. Касаткин¹.

Однако активная деятельность иркутского подполья не осталась вне поля зрения колчаковских спецслужб. Согласно отчету Иркутского губернского управления го-сохраны в июле 1919 г., за несколько месяцев его существования го-сохрана напала на след подпольной большевистской организации в Иркутске, задержала 59 «причастных к большевизму» и возбудила 37 уголовных дел по ним, провела 93 обыска, в ходе которых изъяла много оружия, и арестовала в Черемхово 6 боевиков-анархистов².

В августе 1919 г. контрразведка штаба Иркутского военного округа для раскрытия нелегальной организации внедрила во 2-й Иркутский пехотный полк группу агентов во главе со штатным сотрудником КРО прапорщиком Юрковым. В результате проведенной агентурной разработки 18 сентября удалось арестовать начальника военного штаба городского районного комитета бывшего прапорщика М.Л. Пасютина и 42 солдат, а на следующий день — за-

¹ Цит. по: Новиков П.А. Указ. соч. С. 146.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 83 об—84.

держать в городе руководителя центральной организации В. Букастого¹.

Следует отметить, что сотрудники контрразведки штаба Иркутского военного округа действовали весьма профессионально. «Успеху содействовало то, что был налажен тесный контакт с руководством милиции и отрядов особого назначения, которым передавались координаты отрядов партизан для их уничтожения, кроме того, большую помощь контрразведчикам оказывали представители местного самоуправления», — пишет историк А.А. Рец².

Всего в августе—сентябре 1919 г. иркутская контрразведка арестовала около 30 большевиков. «Хотя провалы вынудили часть подпольщиков выехать из Иркутска в другие пункты губернии, деятельность большевистского подполья продолжалась», — констатирует историк П.А. Новиков³.

По свидетельству архивных белогвардейских документов, с 29 августа по 3 сентября 1919 г. контрразведывательные органы в Сибири арестовали 112 человек: за агитацию — 48, за принадлежность к РКП(б) — 62, комиссаров — 2. По фактам задержания было возбуждено 64 расследования⁴.

В октябре 1919 г. в омской областной тюрьме более 120 человек числилось за начальником контрразведывательного отделения штаба ВГК. Распоряжением главного начальника военно-административных управлений Вос-

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 98. Л. 165—165 об.

² Рец А.А. Указ. соч. С. 170.

³ Новиков П.А. Указ. соч. С. 152.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 8. Л. 309.

точного фронта срок пребывания в заключении им продлевался еще на два месяца без объяснения причин¹.

«Частые и большие провалы» сибирского подполья историк М.И. Стишов объясняет бдительностью колчаковских карательных структур по отношению к оппозиционно настроенным элементам, разветвленной сетью контрразведывательных структур и неопытностью начинающих подпольщиков².

Архивные документы подтверждают правоту отечественного исследователя. Безусловно, основные усилия густой сети контрразведывательных органов и государственной охраны в первую очередь были направлены на борьбу с большевистским подпольем. В отличие от деникинских, белогвардейские спецслужбы в Сибири обладали большими силами и средствами. Колчаковская контрразведка располагала значительными суммами денег и квалифицированными руководящими кадрами. Бывшие жандармы смогли обучить азам оперативно-розыскной деятельности подчиненных из числа армейских офицеров, умело организовать негласное наблюдение за подпольем, внедрить агентуру в большевистские организации и провести их ликвидацию.

Сведения о подпольных организациях, их количественном и качественном составе, а также планах колчаковская контрразведка получала от секретных агентов, внедренных в большевистские нелегальные структуры. По авторитетному мнению председателя Сибревкома И.Н. Смирнова, белогвардейская контрразведка все знала о составе и планах омской организации. «Такие подробные сведения можно было получить не наружным наблюдением,

¹ ГАРФ. Ф. р-9427. Оп. 1. Д. 67. Л. 1—3 об.

² Стишов М.И. Указ. соч. С. 253.

а внутренним, т.е. в нашей организации были провокаторы, при помощи которых и была белыми уничтожена верхушка организации», — писал он¹.

Возглавляемые бывшими жандармскими офицерами органы контрразведки и государственной охраны действовали по схеме, неоднократно проверенной охранкой еще во времена царского режима. Получив первичные сведения об организации (доносы, допросы или сообщения других сыскных органов), внедряли туда агентуру, которая выявляла состав, связи и планы подпольщиков. Собранная информация тщательно анализировалась. После подтверждения данных о враждебной деятельности группы проводились обыски и аресты, начиналось расследование, затем дела передавались судебным органам. Широко разветвленная сеть контрразведывательных органов позволяла держать под контролем большевистские организации во многих населенных пунктах.

И все же в течение декабря 1918 — марта 1919 г. рабочие восстания произошли в Челябинске, Тюмени, Омске, Иркутске, Канске и на ст. Иланской. Например, в Канске подготовка к восстанию прошла незамеченной для властей, и в ночь на 27 декабря 1918 г. город и станция без единого выстрела оказались в руках повстанцев. Лишь на следующий день восстание было подавлено прибывшими карательными отрядами.

Месяц спустя, в январе 1919 г., рабочие Бодайбо весьма удачно выбрали время для начала восстания: когда офицеры гарнизона веселились на балу в общественном собрании².

¹ Смирнов И.Н. Указ. соч. С. 200.

² Липкина А.Г. 1919 год в Сибири (Борьба с колчаковщиной). М., 1962. С. 127—128.

По всей видимости, контрразведка в тот период времени еще не смогла внедрить агентуру в подпольные организации вышеперечисленных населенных пунктов. В апреле 1919 г. контрразведка не предотвратила восстание в Кольчугино, а в августе — в Красноярске.

По свидетельству некоторых архивных документов, большую помощь контрразведке в обнаружении и разоблачении большевистских организаций оказали очутившиеся в Сибири иностранцы. Например, начальник Тюменского КРП ротмистр В.Ф. Посников давал блестящие характеристики служившим у него сербам, чехам, мадьярам: «Ими было обнаружено большое количество большевиков», «проявили редкие способности по раскрытию большевистских деятелей»¹. С ним соглашался начальник КРО при штабе 2-го Степного отдельного Сибирского корпуса есаул Булавинов. Он докладывал руководству, что в большинстве случаев агентами являлись латыши, чехи, поляки и прочие иностранцы, русские не только не желали работать как агенты, «но даже сообщать что-либо важное... остерегаются»².

Мотивами же сотрудничества со спецслужбами, как считает историк Н.В. Греков, являлись: 1) желание заработать; 2) стремление укрыться от мобилизации; 3) для арестованных — шанс сохранить жизнь или свободу; 4) ненависть к большевикам или желание возродить Россию³.

Как известно, наибольшим доверием в большевистской среде пользовались агенты с «надежной» рабочей биографией и безупречным с точки зрения партии прошлым. Как показывают документы, таких агентов колчаковцы с успе-

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 97. Л. 39.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 162 об.

³ Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны Белого движения Сибири... С. 219.

хом использовали. Позднейшие советские агентурные сводки приводят список 52 чинов и агентов Акмолинского областного управления госохраны, с краткими досье на наиболее замечательных агентов, разыскивавшихся советской властью. Среди них — бывший председатель профсоюза мастеровых Омской железной дороги, старший механик паровозного депо Ф. Михайлов (агентурная кличка — Паровоз), завербованный в январе 1919 г. лично начальником Омской охраны подполковником В.Н. Руссияновым и, по словам документа, «на допросе выдавший участников съезда профсоюза и назвавший фамилию председателя стачечного комитета». Другим ценным агентом был старый профессионал А. Крупский (кличка — Пленный), служивший еще в 1896—1901 гг. агентом в Парижской резидентуре царской охраны при знаменитом П.И. Рачковском, затем «сосланный» в Якутию для внедрения в среду политических ссыльных, позднее работавший среди политссыльных и арестантов в Бодайбо, Каменец-Подольске, Харбине, Владивостоке¹. В марте 1919 г. все тот же, но уже полковник В.Н. Руссиянов внедрил его агентом среди рабочих Омской железной дороги, где он получал от госохраны рекордное жалованье 1000 рублей в месяц, тогда как большинство агентов получали по 300 рублей. Наконец, среди агентов, завербованных и внедренных В.Н. Руссияновым в Омске в мае 1919 г., называется бывший советский участковый комиссар милиции Тюников (кличка — Патрон), также выходец из рабочих².

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 10. Д. 116. Л. 8—10 об.

² О Крупском, Михайлове и Тюникове упоминает по материалам Госархива Новосибирской области и Н.В. Греков (*Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны Белого движения Сибири...* С. 213, 219—220).

Несмотря на то что в руководящем звене колчаковской контрразведки и госохраны служили профессионалы сыска еще жандармской школы, мы не находим примеров проведения более сложных оперативных комбинаций: разложения большевистских организаций изнутри или попыток осуществить агентурное проникновение в вышестоящие большевистские организации — Сибирское бюро РКП(б) или в Реввоенсовет 5-й армии. По мнению авторов, они не проводились из-за дефицита времени и низкой квалификации оперативного состава и агентуры. Обратим внимание, что обе противоборствующие стороны обладали приблизительно одинаковым кадровым потенциалом. Ошибки и просчеты неопытных подпольщиков позволяли белогвардейцам наносить ощутимые удары по нелегальным организациям.

Разгрому подполья также способствовала политическая пассивность и малочисленность пролетариата Сибири. В первой половине 1919 г. рабочие, несмотря на некоторый революционный настрой, редко участвовали в поднятых большевиками восстаниях. Свое недовольство существовавшими порядками они выражали забастовками, в которых выдвигали экономические требования. К 1917 г., по подсчетам М.И. Стишова, в огромном регионе насчитывалось всего около 200 тыс. рабочих. Ученый поясняет, что это количество «буквально растворялось в общей массе восьмимиллионного крестьянского и полуторамиллионного городского, в основном мелкобуржуазного населения. Значительное количество рабочих было рассеяно по многочисленным мелким предприятиям кустарного типа (слесарные мастерские, пимокатные заведения, типографии, булочные и т.п.). Большинство рабочих этой категории имело тесные связи с деревней.

Их пролетарское самосознание было развито еще очень слабо»¹.

Можно сказать, что в первой половине 1919 г. большевистское подполье функционировало лишь благодаря поддержке из Советской России — подпитке кадрами, снабжению деньгами, агитационной литературой. По заданию ЦК и Сиббюро в феврале—марте 1919 г. на Дальнем Востоке побывал связной Д.Д. Киселев, установивший контакты с подпольными организациями Благовещенска, Владивостока, Хабаровска и Харбина и передавший им директивы Центра о необходимости организации партизанского движения и проведения диверсий на железной дороге. В июне он докладывал В.И. Ленину о состоянии дел в Сибири и на Дальнем Востоке². Исследователь Н.Ф. Катков приводит данные, что в 1919 г. Сиббюро подготовило для организаторской работы и направило за линию фронта более 200 человек, для разложения белогвардейского тыла ЦК партии отпускал миллионные денежные средства³. Летом 1919 г. контрразведке были известны 17 человек, направленных из Советской России в Сибирь. На некоторых были указаны приметы⁴. 9 июля 1919 г. директор Департамента милиции докладывал министру внутренних дел: «Для осуществления задач партии коммунисты пользуются материальными средствами, отпускаемыми в неограниченном количестве. Энергия, с которой ведется большевистская организационная рабо-

¹ Стишов М.И. Указ. соч. С. 15—16.

² Ципкин Ю.Н. Белогвардейские спецслужбы против коммунистического подполья на Дальнем Востоке в 1918—1920 гг. С. 11.

³ Катков Н.Ф. Указ. соч. С. 71.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 89. Л. 335.

та у нас в тылу... объясняется широким подкупом неимущего класса населения»¹.

Целенаправленная работа колчаковских спецслужб воспрепятствовала установлению прочной связи по обе стороны фронта. Посылаемые из центра в Сибирь денежные средства иногда попадали в руки белогвардейцев при арестах курьеров при переходе линии фронта или во время провалов нелегальных организаций.

П.А. Новиков в своей монографии пишет, что, по неполным данным, с октября 1918 г. по 1 марта 1919 г. из Москвы для сибирских подпольщиков было направлено 484 250 руб., но между организациями успели распределить только 220 000 руб.².

И все же, несмотря на значительные успехи в борьбе с подпольем, колчаковские спецслужбы не смогли полностью обеспечить безопасность тыла, оградить его от разведывательно-подрывной деятельности противника. Потерпев поражение в городе, большевики были вынуждены перенести свою деятельность в сельскую местность, где находились партизанские отряды различной политической ориентации.

Применение против подполья карательных отрядов не давало существенных результатов, поскольку они вылавливали только лиц, выступавших с оружием в руках. Агитаторы и пропагандисты оставались безнаказанными. Местная милиция в силу некомпетентности и перегруженности работой личного состава, отсутствия специальных средств оказалась бессильна³. Для розыска большевист-

¹ ЦХДНИ ОО. Ф. 19 (Истпарт). Оп. 1. Д. 221. Л. 4.

² Новиков П.А. Указ. соч. С. 144.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 99. Л. 88—88 об.

ских деятелей в ряде случаев вместе с карательными отрядами следовали сотрудники контрразведки. Но подобные меры не смогли воспрепятствовать росту крестьянских волнений, поскольку выступления в деревнях провоцировались в первую очередь действиями властей, которые оказались не в состоянии решить важнейшие социально-экономические проблемы. Не вызывали у крестьян симпатий к режиму грабежи, насильственные мобилизации, карательные экспедиции отдельных белогвардейских отрядов.

Во второй половине 1919 г. обстановка на Восточном фронте стала изменяться в пользу красных. Войска белых потерпели поражение на Урале. Реввоенсовет Восточного фронта и Сиббюро ЦК уделяли особое внимание подполью и партизанским отрядам, направляя их деятельность на дезорганизацию тыла противника. Начавшееся 2 августа 1919 г. восстание на Алтае сорвало планы колчаковских войск, намеревавшихся нанести фланговый удар по частям Красной армии. К осени развернулось партизанское движение в Иркутской губернии. В Енисейской губернии власти контролировали лишь Красноярск и несколько других населенных пунктов, где стояли крупные гарнизоны. По подсчетам исследователей, к концу 1919 г. численность партизан в Сибири, по советским источникам, достигала почти 140 тысяч человек¹.

Красноречивую характеристику массового партизанского движения оставил в своем октябрьском докладе министру внутренних дел управляющий Алтайской губернией: «Деятельность банд, еще в начале августа представлявших небольшие разбойничьи шайки чис-

¹ Гражданская война в СССР. М., 1986. С. 94.

лом 2—3 десятка людей, занимавшихся исключительно грабежами, насилиями и убийствами, к настоящему моменту выливается уже в другие формы... Они сливаются в крупные отряды (числом до 5000 человек), местами сформированы даже в полки... хорошо вооружены, снабжены пулеметами и достаточным количеством патронов. Отряды эти уже не разбегаются от первых выстрелов, но принимают бои с солидными воинскими частями и в некоторых случаях выигрывают эти бои... Руководители банд начинают создавать подобие гражданской власти, учреждая местные советы, созывая собрания и съезды; делают попытки нормировать гражданские взаимоотношения... Короче: анархически-разбойничьи выступления начинают принимать характер политического движения»¹. Наиболее крупными и активными соединениями партизан в Сибири были отряды (а по существу, банды) Щетинкина—Кравченко на юге Енисейской губернии и отряд Лубкова — в Томской губернии. О масштабах деятельности партизан в Енисейской губернии, служившей главным очагом восстаний, говорят правительственные сводки: по далеко не полным данным с мест, в период с 15 июня по 30 сентября 1919 г. в губернии партизанами было убито 9 гражданских должностных лиц, 12 милиционеров и дружинников, 26 военных, 530 частных лиц, изнасиловано 13 женщин, сожжено 25 железнодорожных мостов, устроено 1 крушение поезда². По Транссибирской магистрали самым опасным участком считался отрезок пути от Красноярска до Нижнеудинска³.

¹ ГАРФ. Ф. р-1700. Оп. 4. Д. 41. Л. 80 об—81.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 16. Л. 566 об, 568 об, 602 об.

³ ЦХДНИ ОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 221.

Анализ ситуации показывает, что в Сибири, где спецслужбы обладали наиболее совершенной для того времени организацией, профессионально подготовленными кадрами, относительно хорошо финансировались, белогвардейцам удалось парализовать работу подполья. Однако большевистские организации восстанавливались, в основном благодаря активной закордонной работе партийно-государственных структур Советской России. Колчаковской контрразведке и госохране так и не удалось перекрыть каналы связи между РСФСР и нелегальными организациями на своей территории по следующим причинам. Во-первых, из-за отсутствия сплошной линии фронта, которая бы явилась серьезной преградой для перемещения людей с одной стороны на другую. Во-вторых, между контрразведкой и разведкой, имевшей свою агентуру в соответствующих учреждениях Советской России, не существовало тесного взаимодействия. Документально не подтверждается наличие у белогвардейской контрразведки собственной агентуры в советских партийно-государственных структурах, занимавшихся разведывательно-подрывной деятельностью в тылу белых армий. В-третьих, из-за недостатка сил и средств спецслужбы не смогли осуществить на подконтрольных территориях жесткий контрразведывательный режим.

В то же время следует отметить, что усилия спецслужб по обеспечению безопасности белогвардейских государственных образований нивелировались неразрешенными социально-экономическими проблемами основной части населения. Недовольные политикой властей рабочие и крестьяне пополняли ряды подпольных организаций и партизанских отрядов.

ПРОТИВОБОРСТВО С ЭСЕРОВСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

18 ноября 1918 г. в Сибири был совершен переворот, приведший к власти А.В. Колчака. Многих эсеров, в том числе членов Директории, арестовали и выслали из России. На допросе в Иркутске в 1920 г. свергнутый Верховный правитель отмечал, что настроенные против Директории офицерские круги и казачество уговорили его взять и верховное командование на себя. Сам адмирал, выступавший под флагом беспартийности, приравнивал Учредительное собрание и эсеров к коммунистической узкопартийности¹.

Сибирские эсеры, пользовавшиеся значительным влиянием в регионе, после переворота в значительной массе ушли в подполье и пытались оказать сопротивление новому режиму. Особую опасность для колчаковской власти представляло то, что враждебная деятельность эсеров велась под легальным «прикрытием» земско-городских и кооперативных организаций, в которых они преобладали. В декабре 1918 г. алтайский губернский комиссар телеграфировал министру внутренних дел, что 9 декабря «Барнаульская дума, состоящая [в] большинстве [из] представителей демократии», заявила по поводу колчаковского переворота 18 ноября того же года, что «ни при каких условиях не может приветствовать переход [к] единоличному управлению, угрожающему самому осуществлению идеи народоправства»². В резолюции проэсеровской Тюменской городской думы говорилось: «Диктатура не вызывается необходимостью. Дума стоит [на] платфор-

¹ Допрос Колчака. Л., 1925. URL: militera.lib.ru/docs/1917-20/db/kolchak/index.html (дата обращения: 27.03.2013)

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 6.

ме Учредительного собрания» (начальник местного гарнизона запретил публиковать эту резолюцию)¹. Об этом прямо писал и начальник Алтайского губернского управления гособхраны Н.И. Игнатов, указывавший на необходимость борьбы в условиях военного времени не только с большевиками, но и «с всякой иной политической партией, не разделяющей программу Всероссийского правительства, к каковым партиям надлежит отнести партию социал-революционеров, членами которой состоят многие земские работники... Эти “учителя народа”, — писал далее Игнатов, — скрывшись под крылышком безобидных по внешнему виду земских организаций, являются совершенно застрахованными, ибо во главе тех и других организаций стоят люди, имеющие солидные по нынешним временам связи, служащие достаточной гарантией их безопасности»². В другом документе говорилось, что «волостные земские управы почти сплошь из эсеров и большевиков, руководящие ими уездные земские управы эсеровские сплошь»³.

Тенденция к активизации их антиправительственной деятельности прослеживается по регулярным сводкам спецслужб. «Контрразведывательному отделу Ставки приходилось бороться не только со шпионами и пропагандистами большевиков, — говорится об эсерах в воспоминаниях генерал-майора П.Ф. Рябикова, — но и энергично следить за работой различных политических партий, которые... систематически подталкивали к разрушению авторитет и силу правительства адмирала Колчака»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «а». Л. 17.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 103 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 211 об.

⁴ ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 14 об.

Центральное отделение военного контроля оперативно докладывало, что 19 ноября 1918 г. в Уфе образовался «совет управляющих ведомствами» из активных деятелей партии эсеров и членов бывшего КОМУЧа для свержения власти Верховного правителя силами чешских полков. Из совершенно секретного источника контрразведка получила сведения об эсеровском выступлении в Омске 12 декабря 1918 г., в котором должна была принять участие местная артиллерийская бригада¹.

27 февраля 1919 г. начальник осведомительного отдела Главного штаба писал руководителю военных сообщений, что в партии эсеров обсуждалась возможность вооруженного выступления, которое, предположительно, намечалось на весну. К тому времени, по расчетам эсеров, должно приостановиться железнодорожное сообщение из-за отсутствия топлива и проблем с ремонтом паровозов². Подтверждение этой информации контрразведывательная часть осведомительного отдела получала от агентуры и в марте. К тому времени большевики и эсеры, войдя в соглашение, образовали объединенные боевые дружины по линии Сибирской железной дороги и в крупных центрах: в Семипалатинске, Рубцовске, Барнауле, Мариинске и Тайге. На весну эсеры готовили вооруженное выступление и всеобщую забастовку³.

Об активных антиправительственных действиях эсеров контрразведка получала сведения из разных районов Сибири и Дальнего Востока. В частности, в сводке агентурных сведений харбинского контрразведыватель-

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 8. Л. 12—12 об, 41.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 95. Л. 1 6.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

ного отделения, предназначавшейся главному советнику МИД при Верховном уполномоченном на Дальнем Востоке В.О. Клемму, сообщалось о завершении подготовки «к проведению в жизнь всех условий, необходимых для переворота. Остановка только за полосой отчуждения КВЖД и Дальним Востоком»¹.

Начальник КРП штаба Омского военного округа в г. Бийске докладывал, что эсеры, члены Горного союза, во время поездок по уезду агитируют за Учредительное собрание, «как за хозяина земли Русской и единственного выразителя воли народа». По данным контрразведки, в уездах агитаторы, ввиду обложения кооперации большими налогами, убеждали крестьян скрывать прибыль, рассказывали о жестких расправах правительства над восставшими, о массовых расстрелах невинных. Газета «Дума» в своих публикациях подбирала факты, сообщавшие о жестоких расправах при ликвидации восстаний и массовых расстрелах².

Недовольные утратой власти эсеры стали организовываться вокруг возникшего в июне 1919 г. Сибирского союза социалистов-революционеров, один из центров которого находился в штабе 1-й Сибирской армии. Эсеровскую организацию здесь возглавлял начальник осведомительного отдела штаба армии штабс-капитан Н.С. Калашников³.

«Поставив своей задачей свержение власти Верховного правителя и захват власти в свои руки посредством массовых выступлений до террора включительно и провозгла-

¹ Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2003. С. 240.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 50 об—51.

³ Новиков П.А. Указ. соч. С. 176.

шение лозунга о возобновлении деятельности бывшего Учредительного собрания, — говорится в докладе начальника отдела контрразведки при штабе ВГК прапорщика К.Б. Бури, — партия не удалась из правительственных сфер адмирала Колчака, а пристроила своих агентов с целью тормозить работу правительства и дискредитировать его в глазах общества. Работа черновской группы (возглавлялась лидером правых эсеров В.М. Черновым. — *Авт.*), деятелей Директории за границей и Керенского в Париже привела к результату большой важности: она вошла в контакт с сибирскими эсерами, легализованными Всероссийским правительством в Сибири и создала здесь стройную организацию, подчинявшуюся директивам центра. По постановлению “совета шести” (Керенский, Авксентьев, Минор, Игнас, Церетели, Иванов) в Сибирь для совершения террористических актов направлена группа лиц под видом купцов. В случае удачи задуманного плана партией Керенского предложено разделить Россию на 30 самостоятельных республик. Эсеры получили огромные денежные суммы от еврейских и масонских организаций и находят поддержку у части французской и английской печати»¹.

К полученным данным о намерениях эсеров контрразведка отнеслась серьезно, взяв под наблюдение деятелей местных организаций. Во Владивостоке спецслужбы зафиксировали интенсивную работу эсеровских и меньшевистских групп по подготовке переворота. Розыскные органы выявили видных политических деятелей, принимавших активное участие в подготовке свержения существовавшей власти. В поле их зрения попал уволенный

¹ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 112. Л. 10; Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132. Л. 11—11 об.

из армии генерал Р. Гайда, поддерживавший связь с находившимся в Японии бывшим главнокомандующим войск Директории генерал-лейтенантом В.Г. Болдыревым, который до отъезда за границу также находился под контролем спецслужб¹.

Например, владивостокское КРО посредством перлюстрации почтовой корреспонденции установило, что находившийся в Японии генерал (по всей вероятности, имелся в виду В.Г. Болдырев) осуществлял свою деятельность, направленную на ухудшение отношений между Омском и Токио, «чтобы адмирал полетел кувыркком и все попытки к признанию омской власти окончились неудачей»².

Как известно, генерал В.Г. Болдырев вернулся во Владивосток в начале 1920 г. и был назначен на должность председателя комиссии при военном совете Приморской областной земской управы по разработке военных и военно-морских законопроектов. С апреля по декабрь 1920 г. он командовал сухопутными и морскими силами Дальнего Востока.

Бывшего младшего офицера австрийской армии Р. Гайду спецслужбы взяли под плотное негласное и наружное наблюдение сразу после отстранения от должности командующего Сибирской армией и сопровождали по пути следования его поезда с Омска во Владивосток. Предпринятая мера предосторожности оказалась весьма кстати. 15 июля 1919 г. полковник Н.П. Злобин дал телеграмму начальникам КРП в Иркутске, Верхнеудинске, Чите, Харбине, Владивостоке, Маньчжурии, Никольск-Уссурийске

¹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132. Л. 13 — 14; Волков Е.В. Указ. соч. С. 187.

² Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Минск—Москва, 2001. С. 271.

о наблюдении за бывшим командармом «для выявления всех обстоятельств, сопровождающих встречу и проводы поезда на станциях с выяснением лиц, с которыми Гайда будет контактировать»¹. К 23 июля контрразведчики получили непроверенные сведения о том, что Р. Гайда, встречаясь с лидерами эсеров, предлагал им активно действовать для осуществления переворота и «заручился их согласием быть главнокомандующим»². С приездом Гайды во Владивосток его поезд стал настоящим «осиным гнездом» эсеров. «В поезде около Гайды, — докладывал начальник управления государственной охраны Приморской области полковник А.А. Немысский начальнику особого отдела государственной охраны Департамента милиции, — группировалось немало даже уголовного элемента, который занимался ночными налетами и уличными ограблениями. Все это, благодаря исключительному положению Гайды, находившегося под иностранной охраной, проходило безнаказанно»³.

10 июня 1919 г. исполняющий должность начальника КРО при штабе ВГК прапорщик К.Б. Бури докладывал полковнику Н.П. Злобину о состоявшемся около двух недель тому назад съезде партии эсеров, признавшем существующее правительство реакционным и постановившем объявить террор в отношении его членов и лично адмирала А.В. Колчака. По тем же сведениям, съезду было доложено о получении от В.М. Чернова 7 миллионов рублей на организацию борьбы с правительством Колчака⁴.

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 424. Л. 12.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 424. Л. 28—29.

³ ЦХДНИ ОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 224. Л. 1—6.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 97. Л. 8.

Контрразведчики по другим каналам стали получать данные о намерении эсеров физически устранить Верховного правителя. В мае—июне контрразведка располагала сведениями о постановлении ЦК левых эсеров в Москве совершить террористический акт в отношении адмирала, для чего он направил в Сибирь члена петроградской чрезвычайной миссии Р. Буша и нескольких матросов, лично знавших А.В. Колчака. По замыслу организаторов теракта, исполнители должны были прийти к Верховному правителю на прием. Но их план, по неизвестным причинам, реализовать не удалось: возможно, тому помешала вовремя полученная спецслужбами информация. Тогда эсеры решили арестовать адмирала в Омске в момент его возвращения с фронта. По данным контрразведки, в заговоре участвовали лица из конвоя адмирала, «кто-то из офицеров и даже будто бы один из министров»¹. Однако и этот замысел остался не реализованным.

Кстати, покушение на Верховного правителя пытались организовать не только эсеры, но и большевики. Контрразведчики от своей агентуры своевременно получали информацию о советских эмиссарах, намеревавшихся убить адмирала Колчака. В частности, спецслужбы были осведомлены о том, что бывшие воспитанники учительского института большевики Бессмертных и Горячев поступили на службу в личную охрану Верховного правителя².

Эсеры охотились не только за А.В. Колчаком. Известен факт покушения на атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова. 20 декабря 1918 г. в Мариинском театре в Чите, где шла премьера оперетты «Пупсик», с га-

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 140. Л. 54, 61, 64, 92.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 142. Л. 3, 9, 21, 31 об.

лерки были брошены две бомбы в ложу атамана. Как потом выяснилось, принесенные с букетом цветов. Расследование проводили Читинский уголовный розыск и военная контрразведка. В январе 1919 г. последняя выследила одного из активных участников покушения — рядового 31-го полка М. Беренбаума (Нерисса), а затем оперативным путем вышла на остальных членов эсеровской подпольной организации. Все трое участников покушения были казнены¹.

Верховный правитель регулярно интересовался результатами работы контрразведки по наблюдению за эсеровскими организациями и их лидерами. В частности, за деятельностью А.Ф. Керенского за границей поручалось следить военным агентам, которые присылали в Омск телеграфные донесения.

Пока колчаковская армия одерживала победы на фронте, оппозиционная деятельность эсеров была все же относительно вялой. По ироническому выражению командующего Приамурским военным округом генерала П.П. Иванова-Ринова, собравшийся в начале 1919 г. проэсеровский Приамурский «краевой съезд городских и земских представителей преждевременно закончил свою деятельность, умирая естественной смертью»². Но с началом военных неудач летом 1919 г. подрывная работа активизировалась. Управляющий Приморской областью в июне 1919 г. докладывал в МВД: «Очень обострились отношения несоциалистических (т.е. либеральных, проправительственных. — *Авт.*) организаций и земства. Приходится употреблять много такта, дабы сгладить эту

¹ Чита. Город времени. Чита, 2006. С. 181 — 183.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «в». Л. 36.

остроту»¹. Неслучайно в таких глухих местах, где власть была слаба, при молчаливом попустительстве эсеровских земств, большевистская агитация велась практически открыто. Контрразведка Ставки констатировала, в частности, что в Тарском уезде Тобольской губернии летом 1919 г. «пропаганда ведется почти открытая в самом широком масштабе, налаживаются коммунистические ячейки в деревнях и устанавливается связь между ними»².

Вместе с тем игнорировать разлагающую работу эсеров в тылу было нельзя. Так, начальник Иркутского губернского управления госохраны Н.А. Смирнов, сообщая в Особый отдел, что 1 мая 1919 г. Иркутский губком эсеровской партии официально объявил в печати о роспуске партийной организации и недействительности членских билетов, отмечал: «Отсюда можно сделать лишь один вывод: партия эта, до настоящего времени кичившаяся своим якобы явным преобладанием в России, признает ныне свое бессилие и, сходя с открытой сцены, уходит в подполье, где, вероятно, будет работать в одном направлении с большевиками»³. Во многом он оказался прав.

Более того, часть высокопоставленных чинов контрразведки и госохраны склонны были приписывать эсерам даже чрезмерное влияние. Так, 2-й генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего генерал-майор П.Ф. Рябиков в своем докладе министру внутренних дел от 3 июня 1919 г., подозревая (и не он один) управляющего Иркутской губернией, бывшего эсера П.Д. Яковлева в негласном покровительстве своим

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «в». Л. 129 об.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «а». Л. 121—121 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 11. Л. 20 об.

прежним однопартийцам, утверждал: «Восстания в Енисейской и Иркутской губерниях организованы и поддержаны социалистами-революционерами. Необходимо принять меры для серьезной борьбы с антигосударственной деятельностью партии эсеров, не ведя, однако, эту борьбу открыто... для пользы дела надлежит по-прежнему рассматривать повстанцев как большевиков и поддерживать это убеждение в общественных кругах»¹. Очевидно, такая «маскировка», по мысли генерала, должна была усыпить бдительность эсеров.

Об усилении подпольной работы левых эсеров в Петропавловске докладывал управляющий Акмолинской областью в мае 1919 г.² При этом целый ряд документов говорит о нередком взаимодействии между эсерами и большевиками против белых в этот период. Так, в начале Енисейского восстания весной 1919 г. управляющий губернией докладывал министру внутренних дел: «Агитация исходит от левых партий, включая до эсеров... Потребительские кооперативы и некоторые земства определенно будируют население»³.

Еще в январе 1919 г. начальник центрального отделения военного контроля докладывал директору Департамента милиции о разлагающей антиправительственной агитации в армии со стороны социалистических партий и групп, в особенности большевиков и эсеров, «обладающих крупными денежными средствами... Эти партии снабжают в большом количестве партийной литературой воинские части, как в тылу, так и на фронте, рассылают

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 16. Л. 486.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 24. Л. 16.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «д». Л. 10.

специальных агитаторов»¹. В этом же докладе отмечалось «благожелательное» отношение к колчаковской власти со стороны большинства интеллигенции (за исключением социалистов) и торгово-промышленных кругов, индифферентное — со стороны среднего и зажиточного крестьянства, и пробольшевистское — со стороны крестьянской бедноты и особенно рабочих, среди которых (в особенности среди железнодорожников, ввиду стратегического значения железных дорог) велась усиленная подпольная агитация². И это — несмотря на то что начальник Акмолинского областного управления гособоронаустройства В.Н. Руссиянов в то же самое время считал, что настроение железнодорожных рабочих «не внушает никаких опасений», что он приписывал мерам строгости³. Очевидно, однако, что эти меры скорее заставляли рабочих вести себя осторожнее.

Несколько позже, однако, уже и сам Руссиянов докладывал о большевистских настроениях ряда железнодорожников, а также почтовых служащих и телеграфистов, предлагая «убрать всех подозрительных лиц» с почты и телеграфа во избежание утечки государственных секретов⁴. Докладывая о положении на железных дорогах, он попутно отмечал: «Отношение железнодорожников к своему делу преступно небрежное, а большинство сочувствует большевикам... Много зла причиняют спекулянты, которые... продвигают за крупные взятки свои вагоны»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 66.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 66 об—67 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 86.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 94 об—95.

⁵ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 98.

Попутно отметим, что Россиянов, в отличие от большинства известных нам начальников губернских и областных управлений госохраны, не имевший профессионального опыта, чаще передавал в своих донесениях слухи, чем пользовался проверенной оперативной информацией.

В сентябре 1919 г. постановлением начальника Томского губернского управления госохраны С.А. Романова был арестован по обвинению в антиправительственной деятельности профессор Омского сельскохозяйственного института Н.П. Огановский, принадлежавший к партии народных социалистов¹.

К лету 1919 г. спецслужбы достаточно хорошо изучили планы и тактику действий эсеров, которая, помимо агитационной работы, заключалась в дискредитации органов власти, вытеснении с государственной службы всех лиц, не сочувствовавших их партийным взглядам, проникновении в органы милиции и воинские части. «Работа эсеров направлялась в народные массы, — писал командующий 3-й армией генерал-лейтенант К.В. Сахаров, — для этой цели они избрали такие безобидные и полезные учреждения, как кооперативы. И центральные управления, и местные отделения были наполнены их людьми и ответственными работниками. “Синкредит”, “Центрсоюз” и “Закупсбыт” — три главные кооператива в Сибири — были всецело в руках эсеров. Этим путем распространялась литература, добывались деньги, велась пропаганда на местах и подготавливались восстания»².

¹ ГА ТО. Ф. р-1362. Оп. 1. Д. 323. Л. 6.

² Цит. по: Новиков П.А. Указ. соч. С. 176.

Генерал не без оснований считал, что эсерам «важна не Россия и не Русский народ, они рвались и рвутся только к власти, одни, — более чисто убежденные фанатики, чтобы проводить в жизнь свои книжные теории, другие смотрят более практически, и им важна власть, чтобы быть наверху, иметь лучшее место на жизненном пиру»¹.

Трудность борьбы с эсерами, по данным спецслужб, заключалась в «массе сочувствующих, которые окружают членов организаций». «Деятельность их настолько антигосударственна и разрушительна, — отмечалось в докладе, — что невольно на них устремляешь деятельность агентуры»².

Под влиянием побед Красной армии над А.В. Колчаком еще больше активизировалась деятельность эсеров в разных городах Сибири и Дальнего Востока, что нашло отражение в сводках контрразведки.

В сентябре 1919 г. владивостокское отделение военного контроля докладывало, что эсеровские и меньшевистские круги совместно с генералом Р. Гайдой ведут активную работу по подготовке переворота и образованию дальневосточного правительства, которое должно добиться заключения мира с большевиками и прекращения военных действий на фронте. Подпольщики, по данным агентуры, рассчитывали привлечь на свою сторону американцев и чехов, а от японцев — добиться нейтралитета. В планы заговорщиков входило физическое устранение некоторых

¹ Сахаров К.В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918—1920 годов). Мюнхен, 1923. URL: <http://providenie.narod.ru/0000516.html> (дата обращения: 15.01.2013)

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 99. Л. 97 об.

представителей власти, в том числе начальника отделения контрразведки и еще пяти сотрудников¹.

Несмотря на собранный материал, доказывавший антиправительственную деятельность эсеров, контрразведка не могла провести ликвидацию подпольной организации, поскольку заговорщики скрывались в поезде Р. Гайды и союзников². Она лишь информировала о преступных замыслах главного начальника Приамурского края и командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанта С.Н. Розанова, который отслеживал обстановку в штабном вагоне Р. Гайды и по другим каналам — через внедренного в его свиту сотрудника Приморского областного управления госохраны, действовавшего под псевдонимом «Летний». Однако попытки Розанова арестовать Гайду оказывались тщетными из-за вмешательства начальника международной военной полиции американского майора Джонсона, ссылавшегося на позицию Франции, якобы взявшую под защиту мятежного чеха³.

Тем не менее спецслужбы продолжали вести наблюдение за деятельностью Гайды и лидеров местной эсеровской организации, регулярно информируя власти об их шагах. Заговорщики, чувствуя за собой слежку, судя по докладу контрразведки, выступили «не будучи вполне подготовленными»⁴. Начатый 17 ноября 1919 г. во Владивостоке мятеж был подавлен войсками под командова-

¹ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 112. Л. 11, 12.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 424. Л. 49.

³ Вацук О. Не дожидаясь рассвета // Новости. 2004. № 53 (2183). URL: <http://novostivl.ru/old.php?sstring=&year=&f=lf&t=041126c01>. (дата обращения: 04.05.2013)

⁴ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 115. Л. 2 об.

нием генерал-лейтенанта С.Н. Розанова при поддержке японского флота.

Остается лишний раз констатировать авантюризм и беспринципность Р. Гайды, за год с небольшим до этого высказывавшего самые «правые» взгляды и мечтавшего о лаврах диктатора (по известному свидетельству В.Н. Пепеляева), когда это оказалось для него невозможным — активно поддержавшего переворот 18 ноября 1918 г., когда же его военная карьера при Колчаке потерпела крах — скороспело перекрасившегося в «демократы», пустившегося во все тяжкие с эсерами, ранее им же третируемыми (стоит напомнить, что Гайда сошелся с ними через штабного авантюриста штабс-капитана Н. Каалашникова), и как закономерный финал — бесславный и потерпевший крах Владивостокский мятеж в ноябре 1919 г., когда, по свидетельству Г.К. Гинса, участие в мятеже «портовой черни и самых темных элементов города» оттолкнуло от Гайды даже ранее сочувствовавших ему союзных представителей. (Впрочем, можно отметить, что и здесь в позиции союзников проявилось определенное различие: по словам того же Г.К. Гинса, пользовавшегося донесениями с места, «американское командование отнеслось к выступлению [Гайды] более чем снисходительно. Японское же содействовало подавлению мятежа. Прожектор японского крейсера освещал вокзал, обнажая силы и позиции мятежников»¹).

Результат эсеровского выступления мог быть иным, окажи им помощь и поддержку «союзники», на которых сильно рассчитывали заговорщики. Эсеры пытались

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис Пресс, 2008. С. 518—519.

убедить их в том, что замышляемый ими государственный переворот с целью свержения колчаковского режима не приведет к развалу фронта, и армия сможет продолжать оборонительные бои. Представители западных держав во Владивостоке, учитывая размах партизанского движения, считали невозможным сохранение омского режима и полагали решительные внутривластные перемены неизбежными, чтобы удержать ситуацию под контролем.

Однако, когда деникинские армии наступали на Москву, а колчаковские — на Запад, в Лондоне и Вашингтоне не могли поддержать планы эсеров, поскольку свержение правительства А.В. Колчака, по их мнению, угрожало возникновением гражданской войны в лагере контрреволюции. Поэтому 18 сентября 1919 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Дж. Керзон направил во Владивосток телеграмму, в которой говорилось: «Вы не должны делать ничего такого, что могло бы каким-либо образом ослабить положение Колчака, которого союзники согласились поддерживать, который все еще остается единственной фигурой, представляющей возможное правительство России, и которого Деникин признает своим руководителем. Вы не должны никоим образом поощрять чехов или их подопечных, либо же давать им основания предполагать, что мы готовы признать их как альтернативу Колчака». Госдепартамент также известил американских представителей о неизменности политики США в Сибири. Несмотря на свое сочувственное отношение к эсеровскому замыслу, представителям западных держав на Дальнем Востоке пришлось подчиниться указаниям руководства. Япония же эсеровский переворот не устраивал, поскольку затрагивал интересы атаманов, «давно подго-

товлявшихся ею к созданию сепаратного марионеточного государства»¹.

К концу осени 1919 г. обстановка на фронтах стала складываться неблагоприятно для колчаковских армий, что подстегнуло эсеров к бурной антиправительственной деятельности.

8 ноября 1919 г. полковник Н.П. Злобин докладывал генерал-квартирмейстеру штаба ВГК о том, что эсеры, используя недовольство офицеров Новониколаевского гарнизона 3-месячной задержкой жалования, рассчитывали распропагандировать всю формирующуюся там дивизию и использовать ее в нужный момент для поднятия вооруженного восстания. Контрразведке стало известно о направлении в Новониколаевск группы агитаторов, но из-за строгой конспирации, к которой прибегали эсеры, конкретных лиц установить не удалось².

В скором времени в Новониколаевске произошло вооруженное выступление, возглавлявшееся полковником Ивакиным и лидерами местного самоуправления. Восставшие выпустили воззвание с требованием окончания Гражданской войны и перехода власти к земству. Но благодаря вмешательству одного из полков польской дивизии мятежный полковник сдался. Военно-полевой суд приговорил его к расстрелу.

Как пишет историк Е.В. Волков, выступление в Новониколаевске являлось лишь частью плана эсеровского бюро военных организаций, согласно которому в декабре

¹ *Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск: Наука, 1983. URL: http://dvforpost.su/?page_id=92 (дата обращения: 04.05.203).

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д.101. Л. 3—3 об.

1919 г. восставшие офицеры и солдаты должны были захватить власть в Томске, Красноярске и Иркутске¹.

Контрразведчики справедливо предполагали, что в это время центром деятельности эсеровских организаций являлся Иркутск. Получив информацию о создании в городе Политцентра, поставившего себе целью свержение Омского правительства, контрразведчики своевременно передали ее в Ставку и Верховному правителю. «Несмотря на важность информации, которая могла бы снизить последствия катастрофы Омского правительства, — пишет историк А.А. Рец, — она не была по достоинству оценена в Омске, и это пагубным образом отразилось на ходе дальнейшей борьбы»².

После падения Омска в ноябре 1919 г. правительство А.В. Колчака пребывало в агонии и поэтому оказалось не в состоянии адекватно реагировать на происходившие в Сибири события, приближавшие режим к катастрофе. В той сложной ситуации спецслужбы работали, полагаясь лишь на собственные силы. 20—22 декабря 1919 г. государственная охрана раскрыла эсеровский штаб по руководству восстанием в Иркутске накануне его начала, захватив многих эсеровских лидеров³. Но 27 декабря вспыхнуло новое восстание, в результате которого Политцентр захватил власть в городе⁴.

¹ Волков Е.В. Указ. соч. С. 105.

² Рец А.А. Указ. соч. С. 170.

³ Дневник П.В. Вологодского // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 272.

⁴ Политические партии России: история и современность. М., 2000. URL: http://grachev62.narod.ru/Mnpt/ch_16.htm (дата обращения: 21.03.2009)

Любопытна характеристика, данная начальником управления государственной охраны Приморской области полковником А.А. Немыским партии эсеров (архивная копия документа не датирована, но по содержанию можно сделать вывод, что он относится к ноябрю 1919 г.): «Эсерство, несмотря на свои ультрареволюционные тенденции, по своему социальному содержанию является буржуазным». Называя их «партией кабинетных теоретиков», опытный профессионал прослеживает и анализирует их деятельность: «К моменту общегосударственного переворота (Февральского. — *Авт.*), умелой тактикой Департамента полиции жалкие остатки некогда грозных и опасных бунтарей-эсеров были доведены до положения вымирающего поколения», и лишь благодаря перевороту за какой-нибудь март месяц 1917 г., вынырнув из небытия, волею случая стали самой многочисленной партией в стране (как ранее черносотенцы, как раз наоборот, ушедшие в небытие после Февральских событий). Однако, пишет полковник об эсеровской партии, «качественно же она была сборищем случайных искателей, беспочвенно шатающихся»¹.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что контрразведка и государственная охрана могли держать под контролем эсеровские организации и тем самым не допускать их антиправительственных вооруженных выступлений до тех пор, пока обстановка на фронте оставалась стабильной. Крушение фронта привело к резкому ослаблению власти в тылу колчаковской армии, чем и воспользовались эсеры.

¹ ЦХДНИ ОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 224. Л. 1—6.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ, КОНТРОЛЬ НАД ПОЛИТИЧЕСКИМИ НАСТРОЕНИЯМИ В ОБЩЕСТВЕ И АРМИИ

Политическая нестабильность колчаковского режима, ошибки правительства в государственном строительстве и социально-экономической политике, вызвавшие недовольство населения своим материальным положением и стимулировавшие рост преступности, также требовали вмешательства спецслужб. В связи с этим самостоятельными объектами их оперативной разработки являлись рабочий класс, крестьянство, казачество и армия.

Союзнические поставки полностью не покрывали значительной доли того, в чем нуждались белые армии, к тому же часть имущества и снаряжения либо расхищалась со складов, либо не доходила до фронта из-за неэффективной работы железнодорожного транспорта¹. Значительная часть офицеров компенсировали нехватку жалованья казнокрадством, продовольствия — грабежом крестьян и присвоением трофеев, т.е. превратились в мародеров и торгашей. Нередкими бывали случаи, когда с фронта генералы целыми вагонами отсылали в собственный адрес общегосударственное имущество, отнятое у большевиков.

Колчаковское правительство стремилось ограничить привилегии власть имущих, пыталось бороться с коррупцией, взяточничеством и вымогательством. Противодействием преступности занимались как органы внутренних дел, так и контрразведка.

Вот лишь несколько примеров. В марте 1919 г. были арестованы контрразведкой за злоупотребления служебным

¹ Волков Е.В. Указ. соч. С. 171.

положением два уполномоченных министерства продовольствия и снабжения на Урале, а также начальник томской губернской тюрьмы. Было возбуждено следствие по делу бывшего министра продовольствия и снабжения Н. Зефирова по обвинению в заключении убыточных для казны сделок по закупке импортного чая (пресса окрестила это дело «чайной панамой»); в начале того же года в Омске был арестован за мошеннические операции с бриллиантами начальник столичной уголовной милиции Суходольский¹.

Контрразведке удалось установить, что главный начальник Дальнего Востока Д.Л. Хорват и его окружение занимались махинациями с крупными земельными участками. Данная информация позволяла принять меры против подобных злоупотреблений и тем самым снизить накал антиправительственных настроений в Приморье².

Особенно сложной была ситуация на железной дороге. Охранявшие ее союзники использовали подвижной состав в своих целях, из-за чего белогвардейцы не могли осуществлять перевозки в полном объеме. Например, чехам железные дороги были нужны для вывоза награбленного в России имущества.

Ситуацию усугубляла преступная деятельность ряда должностных лиц, занимавшихся организацией железнодорожных перевозок в интересах фронта. В результате махинаций различных дельцов фронтовые части испытывали недостаток в вооружении, обмундировании и продовольствии, несмотря на то что в тылу склады были переполнены.

¹ *Хандорин В.Г.* Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2007. С. 206—207.

² *Рец А.А.* Указ. соч. С. 176.

Агентура обратила внимание на махинации с вагонами коменданта ст. Омск, находившегося «в очень хороших отношениях» с главным начальником военных сообщений Ставки ВГК генерал-майором В.Н. Касаткиным. В связи с делом о злоупотреблении служебным положением офицеров его ведомства, генерал был снят с должности и привлечен к военно-полевому суду. По приговору понижен в должности и подвергнут шестимесячному заключению, которое отложили до конца войны¹. С другими преступниками, пониже рангом, правосудие поступало менее гуманно. Например, в мае 1919 г. в Омске за крупную контрабанду были расстреляны девять человек. За воровство был расстрелян интендант из штаба 3-й (Западной) армии².

В результате возникшего по вышеуказанным причинам хаоса в системе тылового обеспечения, возникших затруднений с железнодорожными перевозками в нужном объеме колчаковская армия недополучала оружия, боеприпасов и снаряжения, которые попадали в руки различных дельцов. Приказы высших чинов, пытавшихся навести порядок в тыловом обеспечении, игнорировались и не исполнялись. В большинстве случаев должностные преступления оставались нераскрытыми. Подчиненная воинским штабам контрразведка оказалась бессильной в борьбе с экономическими преступлениями. Высокие должностные лица оставались недовольными проявлением внимания даже вышестоящих органов безопасности к подведомственным им учреждениям и старались не реа-

¹ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Указ. соч. С. 109; ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 140.

² Хандорин В.Г. Указ. соч. С. 207.

гировать на информацию, поступившую от спецслужб. Кроме того, дублирование разных властных структур, в том числе контрразведывательных, военно-контрольных органов и органов внутренних дел, раздутость их штатов сильно снижали результативность работы. Обстановка в условиях бесконтрольности деятельности чиновников и обеспечила «процветание гадов и пресмыкающихся, которые облепили органы власти и своей грязью грязнят и порочат власть»¹.

Ради объективности все же следует отметить, что во время правления адмирала А.В. Колчака влиятельные военные и гражданские лица иногда становились объектом оперативной разработки спецслужб. Помимо упомянутых генералов В.Г. Болдырева и Р. Гайды, как следует из воспоминаний генерала П.Ф. Рябикова, контрразведка следила «за связями во внеслужебной деятельности одного генерала (фамилия не указана. — *Авт.*), занимавшего довольно высокое положение», подозреваемого (и не без основания) в политических интригах. В другом случае не прошел кандидат в министры из-за того, что контрразведка имела о нем «неблагоприятные сведения». «Адмирал был очень разочарован докладом и написал на нем весьма разумную резолюцию», — вспоминает 2-й генерал-квартирмейстер².

Стал объектом оперативной разработки контрразведки генерал-майор Г.И. Клерже, проживавший при большевиках в Перми до ее освобождения белыми в декабре 1918 г. Весной 1919 г. на него поступил донос о том, что: 1) высту-

¹ Будберг А. Указ. соч. // Гражданская война в России : катастрофа Белого движения в Сибири. С. 274.

² ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 140.

пая с докладом перед офицерами разведки и контрразведки, он допустил «восхваления организаторских талантов и мощи красных и гипнотического воздействия их руководящих агитаторов», 2) будучи командиром казачьей дивизии в Тегеране во время революции, допустил «совдепы», расформирование кадетского корпуса и агитацию против великого князя Дмитрия Павловича, после чего будто бы был изгнан из дивизии самими казаками, 3) был замечен в связях со спекулянтами, 4) в Перми, выдавая себя за актера, близко контактировал с большевиками¹. По итогам расследования, однако, Г.И. Клерже был оправдан и продолжал занимать важнейшую в пропагандистском аппарате должность начальника Осведверха (Осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего). Но, видимо, подозрения против него все же имели под собой почву: впоследствии генерал Г.И. Клерже, будучи в эмиграции, был завербован ОГПУ...

Борьба с преступлениями среди высокопоставленных лиц, по мнению авторов, стала возможной благодаря поддержке адмирала А.В. Колчака, которому генерал-майор П.Ф. Рябиков лично делал еженедельные доклады «по контрразведке»².

Присматривали спецслужбы и за казачеством. Несмотря на то что оно являлось опорой белого режима, взаимоотношения между центральной властью и претендовавшими на самостоятельность атаманами оставались сложными. Наиболее рельефно проявлялись сепаратистские устремления у атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова. В начале сентября

¹ ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 34. Л. 1—1 об.

² ГАРФ. Ф. р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 140.

1918 г. атаман признал власть Временного Сибирского правительства (ВСП) во главе с П.В. Вологодским, благодаря чему командующий Сибирской армией генерал П.П. Иванов-Ринов назначил его главным начальником Приамурского военного округа и командиром вновь формируемого 5-го отдельного Приамурского армейского корпуса.

Когда адмирал А.В. Колчак стал Верховным правителем, атаман Семенов отказался его признать и потребовал в течение суток передать власть генералам А.И. Деникину, Д.Л. Хорвату или атаману А.И. Дутову. Не получив ответа, он начал задерживать эшелоны с военными грузами. Отряды атамана контролировали более 1500 километров железной дороги, соединявшей Дальний Восток с Западной Сибирью. Случаи грабежей пассажиров в поездах, «пропажи» грузов для того времени являлись обычным делом. Белогвардейское командование беспокоила возможность полного перекрытия железнодорожного сообщения с Дальним Востоком, грозившая колчаковскому режиму полной изоляцией от внешнего мира. Адмирал А.В. Колчак писал А.И. Деникину: «Крайне тяжело положение Дальнего Востока, фактически оккупированного японцами, ведущими враждебную политику хищнических захватов. Поддерживаемые японцами так называемые атаманы Семенов, Калмыков, Гамов со своими бандами образуют враждебную мне группу, и до сих пор вопросы с ними не улажены, так как японцы открыто вмешались и воспрепятствовали мне вооруженной силой привести в повиновение Семенова. Последний является просто-напросто агентом японской политики, и деятельность его граничит с предательством... Что касается американцев, то пока они ограничиваются только

обещаниями помощи, но реального от них мы ничего не получаем. Повторяю, что единственно, на кого можно рассчитывать, — это только на англичан и отчасти на французов»¹.

В Омске хорошо понимали, что Г.М. Семенов, имевший под своим началом войска, по разным оценкам, от 8 до 20 тыс. казаков, и поддерживаемый японцами², добровольно власть не отдаст и поэтому без боевых действий с его многочисленными отрядами не обойтись. Создавать очаг вооруженной напряженности в собственном тылу при нехватке войск колчаковские власти не хотели. Уже был случай, когда направленный в Забайкальскую область для усмирения Семенова по приказу Верховного правителя № 60 от 1 декабря 1918 г. особый отряд под командованием генерал-майора В.И. Волкова остановили японские войска, пригрозив применить оружие, если он попытается двинуться дальше³.

В поисках компромисса Верховный правитель решился на переговоры. После первой неудачной попытки 12 декабря 1918 г. в Читу прибыла Чрезвычайная комиссия, предложившая атаману принять командование одним из фронтовых корпусов. Но в это время Г.М. Семенов узнал о закулисных действиях членов комиссии, которые пытались найти союзников среди сил, оппозиционных атаману. На это предложение отозвался полковник Н. Комаровский, уведший 2-й казачий полк в Иркутск. В ответ атаман выслал комиссию из Читы. Незамедлительно последовало недвусмысленное заявление

¹ Цит. по: *Галин В.В.* Интервенция и Гражданская война. М., 2004. С. 344.

² *Юзефович Л.* Самодержец пустыни. М., 1993. С. 51.

³ *Чита. Город времени.* С. 178.

японского генерала Такиуки: «Атамана Семенова — этого истого самурая мы никому не выдадим и будем защищать его всеми силами»¹.

Для разрешения «семеновского вопроса» руководители спецслужб в докладной на имя Верховного правителя предлагали либо удалить Семенова из Забайкалья, подчинив сформированные атаманом войска начальнику, назначенному правительством, либо создать в Забайкалье правительственные части. С учетом неудачного опыта власти предпочли второй вариант. Исходя из того, что на территории Забайкалья, по предположению омских властей, находились лица, недовольные политикой атамана, предлагалось направить туда агентуру для вербовки оставшихся не у дел офицеров и через их посредничество приступить к формированию казачьих отрядов².

Поскольку конфликт между Верховным правителем и атаманом Забайкальского казачьего войска ослаблял белый лагерь на Востоке России, колчаковским властям вместе с союзниками пришлось его улаживать. В итоге атаман признал власть А.В. Колчака. В свою очередь, Верховный правитель отменил свой приказ и назначил Г.М. Семенова командиром 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса.

Поддерживаемый японцами атаман Семенов вел активную внешнеполитическую деятельность. В начале февраля 1919 г. он прибыл в Даурию на конференцию, где шла речь о создании независимого монгольского государства, в состав которого он, помимо части Забайкалья, намеревался включить Аравию, Афганистан, Маньчжурию, Пер-

¹ Чита. Город времени. С. 179.

² РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 46. Л. 63—64.

сию и Туркестан¹. Один из агентов контрразведки сумел добыть и переслать в Омск материалы этой конференции. Для противодействия планам атамана в Ургу был направлен поручик Б. Волков². Но грандиозный проект Семёнова разрушился без участия колчаковских спецслужб. Сменились приоритеты в большой политике. Япония в своих захватнических планах сделала ставку на китайского генерал-инспектора Маньчжурии Чжан Цзолина, чьи войска готовились войти во Внутреннюю Монголию, и на китайских генералов из клуба «Аньфу», планировавших завоевать Халху³.

Историк Ю.Н. Ципкин, анализируя атаманщину в Сибири и на Дальнем Востоке, пишет, что последняя предпринимала попытки «образовать японский протекторат в виде сепаратного государства, консервировала политический и территориальный раскол России, способствовала ее дезинтеграции. Эта политика угрожала негативными геополитическими изменениями для нашей страны — закрытию выходов в Тихий океан и затруднению связей с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Но именно в этом заключалась провальная перспектива атаманщины»⁴.

В целом же белогвардейское командование считало сибирское казачество надежной социальной опорой власти и даже возложило на него главную надежду при подготовке к проведению Тобольской наступательной операции в августе—сентябре 1919 г. Контрразведка своевременно

¹ ГАРФ. Ф. р-5936. Оп. 1. Д. 313. Л. 1.

² Волков Е.В. Указ. соч. С. 187.

³ Юзефович Л. Указ. соч. С. 56—57.

⁴ Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны (1917—1922 гг.). С. 180.

предупредила командование, что при проведении мобилизации в ряде станиц казаками были проведены секретные круги, на которых серьезно обсуждался вопрос о переходе на сторону красных. Однако эти сведения Ставка всерьез не рассматривала, что стало ее роковой ошибкой: в самый неподходящий момент атаман П.П. Иванов-Ринов отказался исполнять директивы белого командования и участвовать со своим корпусом в наступлении¹.

По данным контрразведывательных органов на начало октября 1919 г., воевавшие на фронте казаки настроены были воинственно и желали бороться с красными до победного конца. Остальные казаки не знали, за что борются, поэтому относились к войне индифферентно². Однако, когда гибель белогвардейской государственности на Востоке России стала очевидным фактом, казачьи формирования всеми силами начали уклоняться от службы³. Подвергнутые разложению казачьи части во время боев в районе Иркутска оказались неспособны оказать сколь-нибудь серьезное сопротивление наступавшим частям Красной армии.

Настроения сельских жителей Сибири, причины и характер восстаний крестьян стали предметом изучения контрразведки и государственной охраны.

По нашему мнению, серьезная ошибка, допущенная белыми еще в начале войны, заключалась в откладывании разрешения ряда насущных социальных вопросов (и прежде всего земельного), которое предусматривалось провести после победы над большевиками. Не вполне

¹ Волков Е.В. Коннице отведено едва ли не последнее место // Белая Гвардия. 2001. № 5. С. 35.

² РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 29. Л. 20 об.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 99. Л. 345.

удовлетворяла население и политика «непредрешения» государственного строя России, который должно было определить после победы над большевиками Национальное учредительное собрание — но не старое, разогнанное большевиками и не признававшееся белыми по причине его демократизма (под предлогом того, что оно было избрано в «обстановке народной смуты»), а вновь созданное. С одной стороны, уклончивый лозунг непредрешения был единственно реальной в тех условиях попыткой сплотить под своими знаменами сторонников монархии и республики. Но он вызывал и ряд вопросов. Упоминание об Учредительном собрании и «народоправстве» не могло удовлетворить монархически настроенное ядро офицерства. Сам адмирал А.В. Колчак отмечал, что идея Учредительного собрания не действует. В то же время монархические лозунги не пользовались популярностью среди интеллигенции, рабочих и крестьянства.

Для неграмотного, аполитичного крестьянства «буржуазные» лозунги были чужды и непонятны. А чего было хотеть от безграмотных крестьян, если образованные офицеры затруднялись ответить на важнейшие в тот момент времени вопросы: за что они воюют и что несет белая власть простому человеку? Деревенских жителей больше интересовала проблема, чьей будет земля. От сменивших советскую власть антибольшевистских режимов они ждали разрешения аграрного вопроса, разумеется, в свою пользу. Однако белые, отменив большевистский Декрет о земле, так и не смогли предложить закона, удовлетворяющего нужды основной массы населения страны.

В ходе Гражданской войны отчетливо проявилась ментальная черта нашего народа — во всем полагаться на административно-регулирующую роль государства, кото-

рое для него «являлось источником порядка, инициатором и двигателем любых перемен, носителем и защитником его благ»¹. Но белогвардейские режимы не оправдали надежд и чаяний широких слоев населения. Характеризуя работу омского правительства, управляющий Министерством иностранных дел И.И. Сукин признавал: «При затянувшейся борьбе такая попытка удовлетворить сразу всех становилась мало практичной и вынуждала правительство к бесплодной эквилибристике, в которой оно теряло сочувствие каждой группы в отдельности. Все громче поэтому раздавались голоса о необходимости сделать выбор, оценить по достоинству все политические и хозяйственные слои населения, которые нуждались в правительстве, и повернуть руль в определенном направлении... Теряясь в сомнениях и колебаниях, мы искали курса, который позволил бы омскому правительству хотя бы как-нибудь продержаться»². Да и сам состав правительства, взявшего на себя роль всероссийского, оставлял желать лучшего. Американский дипломат Моррис отмечал: «Штатские члены правительства были людьми серьезными, политически умеренными, но ни на что не способными». Генерал А.П. Будберг утверждал, что адмиралу с таким Советом министров «не выехать на хорошую дорогу; слишком уж мелко, эгоистичны и не способны на творчество и подвиг все эти персонажи, случайные выкидыши омского переворота». Сам адмирал А.В. Колчак говорил о некоторых из своих министров: «После встречи с ними хочется вымыть руки»³. Возможно, следует согласиться с мнением

¹ *Степанищев А.Т.* История: методология научного исследования и преподавания: монография. М., 2009. С. 303.

² Записки И.И. Сукина о правительстве Колчака. С. 454—455.

³ Цит. по: *Галин В.В.* Запретная политэкономия... С. 344—345.

современного исследователя А.А. Реца, что «стремление во многом организовать власть по старому законодательству предопределило ее непригодность к нуждам Гражданской войны и имевшимся ресурсам. Прежде всего, это произошло из-за неспособности Омска создать четко функционирующую систему органов власти. Это было обусловлено проникновением во властные структуры некомпетентных и корыстных людей»¹.

Надежды избавиться с приходом белых от большевистской продразверстки быстро сменились у крестьянства разочарованием и озлобленностью к новым налогам, реквизициям и насильственным мобилизациям. Ответной мерой власти на неповиновение в условиях военного времени стал террор, по своей суровости мало чем отличавшийся от красного (хотя и менее системный и массовый). Ответной реакцией населения было широкое партизанское движение, которое активно использовали в своих целях большевики и эсеры.

Как показывает анализ научно-исследовательской литературы и архивных документов, настроения сельского населения, причины и характер восстаний крестьян в основном стали предметом пристального изучения органов контрразведки. Исследователь Е.А. Корнева пишет, что наиболее характерными причинами волнений крестьян, возникавших, как правило, из-за незнания целей и мотивов правительства, контрразведчики считали конфликты по поводу мобилизаций, злоупотреблений казачьих атаманов, арестов дезертиров, сбора налогов, борьбу с самогонными заводами. Крестьяне воздерживались от вноса податей, объясняя, что они не знают, кому эти

¹ Рец А.А. Указ. соч. С. 89.

деньги пойдут, т.к., по их мнению, настоящего хозяина в России в то время не было. Общая цель крестьянских восстаний в некоторых районах состояла в том, чтобы «сбросить казацкое иго, установить крестьянское правление»¹.

Управляющий Амурской областью Прищепенко сообщал в январе 1919 г.: «Настроение в области тревожное, масса большевиков... подстрекают население [к] выступлениям. Поступают донесения [о] скоплении большевистских отрядов... Милиция только формируется. Японцы оказывают весьма существенную помощь. Русская военная власть жалуется недостатком средств, теплой одежды... Требуется более энергичная борьба [по] охране государственного порядка»².

В апреле 1919 г. сельский секретарь села Тюменькино Бугринской волости Новониколаевского уезда Томской губернии Н. Врушковский доносил: «Настроение ^{8/10} сельского населения... затаенно-враждебное, все симпатии на стороне российских большевиков, которых ждут из-за Урала как избавителей», при этом действия колчаковского правительства рассматриваются «как порабощение и переход к монархизму», и даже выборная администрация волостных земств в своей массе состоит из малограмотных крестьян, подверженных влиянию большевистской агитации»³.

Подобные тревожные сообщения поступали из всех углов обширной территории, занятой белыми. Так, в декабре 1918 г. сахалинский областной комиссар Бунге доно-

¹ Корнева Е.А. Указ. соч. URL: http://www.nivestnik.ru/2000_1/4.shtml (дата обращения: 19.09.2009); РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 96. Л. 1—2.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 8. Л. 2—3.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 19. Л. 27—27 об.

сил: «Среди рабочих и крестьянских слоев... наблюдается враждебность [к] существующему строю... чувствуется глухая агитационная работа»¹.

В одном из донесений начальника Бийской уездной милиции в августе 1919 г. отмечалось: «Настроение сельского населения к существующему строю крайне враждебно, масса не заслуживает ни малейшего доверия, аресты не достигают ни малейшего результата, и на месте одного арестованного остается несколько врагов: брат, сват, кум, сосед и проч.»².

В другом рапорте говорилось, что имущая часть сельского населения «до крайних пределов напугана и растеряна» приближением большевиков, в то время как со стороны беднейшей части «заметно недружелюбное отношение к чинам милиции»³.

В крестьянской среде большевистскими симпатиями отличались столыпинские переселенцы-«новоселы», значительно хуже обеспеченные по сравнению с зажиточными сибирскими крестьянами-«старожилами». Так, в одном из донесений по той же Алтайской губернии отмечалось, что «население Славгородского уезда заражено большевизмом, [в] особенности малороссы, прожившие несколько лет, коренное население не разделяет этого взгляда, что послужило [к] возникновению антагонизма»⁴.

Телеграмма из Кургана сообщала: «Настроение крестьян [в] районе расположения частновладельческих земель крайне враждебное, опять начались захваты частновладельческого скота, изгнание владельцев заимок и под-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 21. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 154.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 159 об.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 13.

жоги... Устраиваются волостные солдатские собрания, которые выносят резолюции не давать солдат [в] случае мобилизации»¹. Интересен в этом отношении доклад семиреченского войскового атамана А.М. Ионов на имя А.В. Колчака в апреле 1919 г., в котором отмечаются чрезмерная поспешность и непродуманность переселенческой политики П.А. Столыпина, когда в плотно заселенную Семиреченскую область были переселены 200 тысяч «отбросов Европейской России», главной движущей силой которых стала зависть к зажиточным казакам и крестьянам-старожилам².

Немаловажную роль в пробольшевистских настроениях значительной части населения играло то, что Сибирь почти не успела почувствовать тяжесть советской власти, которая реально начала действовать здесь к весне 1918 г., а уже летом была свергнута в результате восстания чехословацкого корпуса. Об этом прямо писал в донесении в Департамент милиции управляющий Енисейской губернией в марте 1919 г., указывая, что свержение большевиков в 1918 г. было для крестьянской массы края «несколько преждевременным... в особенности в отдаленных местностях губернии, куда их (большевиков. — *Авт.*) мероприятия к тому времени совершенно не проникли», отчего «даже у зажиточного населения о большевиках осталось представление как о власти, не требующей податей, не преследующей самогонку, не берущей солдат»³. Психологию этих настроений раскрывает, в частности, одно из донесений управляющего Алтайской губернией

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «а». Л. 1.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 22. Л. 27 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «д». Л. 14.

Строльмана министру внутренних дел. В нем говорится, что благодаря агитаторам и «темноте среди крестьянства есть много лиц, ожидающих от большевизма великих милостей, а главное — наживы. Будучи по натуре крепким хозяином, сибирский крестьянин чужд, конечно, идеям большевизма, но худшие элементы не прочь нажиться каким угодно способом». При этом большевизм, по словам автора донесения, представляется крестьянину «в таком виде, в каком он его испытал в начале 1918 года, когда налоги не платили, ямщину не гоняли, самогонка и самосуды вошли в обычай, а начать массовые реквизиции и отобрание у зажиточных имущества совдепы еще не успели, почему и население не познакомилось, как в Европейской России, с большевизмом в деревне»¹. Еще ранее, в декабре 1918 г., те же наблюдения высказывал енисейскому губернскому комиссару минусинский уездный комиссар: «Масса, развращаемая демагогами в течение полутора лет... и не понесшая никакого наказания за все безобразия, творившиеся на фронте и в тылу, при предъявлении к ней требования об исполнении гражданского долга... начала высказывать глухое недовольство»². В дополнение начальник минусинской уездной милиции сообщал, что «требование властей о немедленном взносе податей и недоимок возбудило еще большее недовольство крестьян, отвыкших за два года разрухи от всякого повиновения»³. Управляющий Тобольской губернией Н. Пигнатти сообщал, что «сильную неприязнь» крестьян вызывают запрет самовольных порубок лесов и взимание податей⁴,

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 162 об.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 16. Л. 34.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 16. Л. 56.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «а». Л. 73.

от которых крестьяне отвыкли за период революционного безвременья. В одном из документов о положении в Тюменском уезде констатировалось: «Крестьяне, не испытывавшие подлинного большевизма, их (красных. — *Авт.*) не боялись. Более состоятельные и зажиточные крестьяне, а равно старожильческие селения относятся к большевикам отрицательно. Но... беднота и бывшие фронтовики... относятся к большевикам не только сочувственно, но и активно помогают разведчикам красных», добавляя при этом, что настроение большинства горожан, «за исключением рабочих... отрицательно в отношении большевиков»¹.

Под влиянием большевистской агитации нередко вспыхивали бунты против мобилизации в армию. Так, в марте 1919 г. на этой почве взбунтовались 400 человек только в одном уездном городе Туринске Тобольской губернии, напавшие на представителей местной власти; по приговору военно-полевого суда 7 зачинщиков были расстреляны. В том же месяце взбунтовались 150 мобилизованных в Тюмени, к которым присоединились свыше 200 освобожденных пленных красноармейцев; при подавлении восстания 34 человека было убито, военно-полевой суд расстрелял троих². С другой стороны, сводки Департамента милиции отмечали, что население крайне неохотно откликнулось на приказ А.В. Колчака сдать оружие всем не состоящим на действительной военной службе (подобный приказ был выпущен и советским правительством, и встретил аналогичную реакцию).

Из сводок, представленных контрразведкой руководству, следует: отношение крестьянства к режиму Верхов-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «а». Л. 168 об.

² Вестник Тобольской губернии. 23 марта 1919 г.; 12 апр. 1919 г.

ного правителя России было неоднозначным. Зажиточное население, владевшее плодородной землей и побывавшее под советской властью, хотело порядка и оставалось лояльным по отношению к колчаковскому правительству. Сельское население, не успевшее испытать на себе большевистского правления, под влиянием рабочей среды враждебно относилось к белогвардейскому правительству¹. Жители богатых сел были настроены антибольшевистски, а бедных — сочувствовали красным, оказывали «содействие дезертирам»².

В одной из февральских сводок особого отдела Департамента милиции также говорилось, что зажиточное «крестьянство в целом аполитично, хотя есть и поддерживающие власть белых как несущую “порядок”, а малоземельное крестьянство распропагандировано большевиками»³.

Похожую картину рисовал в одной из политических сводок управляющий Томской губернией Б. Михайловский, подразделявший крестьян на две категории — зажиточных, которые «относятся к правительству с должным доверием и несомненно готовы поддержать его», и малоземельных, включая столыпинских переселенцев, которые «ждут уверенно прихода большевиков и охотно вступают в грабительские банды»⁴.

Ряд сводок регистрировали относительно консервативное, лояльное к власти настроение коренных сибирских крестьян, в особенности старшего поколения. В архиве сохранилась копия приговора крестьянского Сергиевского

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 27 об.

² РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 29. Л. 20.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 35. Л. 46—46 об.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «б». Л. 239—239 об.

сельского общества Мариинской волости Кокчетавского уезда Акмолинской области от 30 сентября 1919 г. о выдаче властям всех дезертиров и «подозрительных» и о поддержке власти Колчака против большевиков¹.

Относительную лояльность к колчаковской власти, помимо наиболее зажиточных слоев общества, представляло политически отсталое «инородческое» коренное население Сибири: татары, «киргизы» (казахи), буряты, якуты и др. Так, управляющий Семиреченской областью Балабанов докладывал в МВД в феврале 1919 г.: «Настроение киргизского населения вполне благонадежное, русского наружно спокойное». И здесь же отмечал разлагающее влияние на простой народ предшествующего периода анархии: «[По] поводу тягот по военным обстоятельствам... в несознательной части населения, развращенной годовым периодом безвластия, выражается глухое недовольство»².

Начальник штаба Оренбургской армии полковник Белаш в телеграмме управляющему Тургайской областью отмечал разницу в отношении к белым различных племенных групп киргизов (казахов), называя киргизов-«ордынцев» лояльными к белой власти, а киргизов-«кипчаков» — пробольшевистски настроенными³.

С другой стороны, определенную проблему для власти представляла по существу враждебная деятельность отдельных национальных диаспор бывших западных окраин Российской империи. Так, на Алтае под видом культурно-просветительной работы нелегальную агитацию за укра-

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 547—548.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 22. Л. 15.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 23. Л. 45 а.

инскую самостоятельность вела Алтайская губернская украинская рада во главе с В. Строканом¹.

В первой половине 1919 г. отмечалось обострение взаимоотношений между казачеством и крестьянами-переселенцами, высказывавшими свое недовольство привилегированным положением казачества, его обеспеченностью землей. Сначала появились требования «уравнять казаков с крестьянами», затем, в случае неисполнения этих требований, повстанцы грозили «перерезать всех казаков и офицеров», одновременно участились погромы казачьих станиц².

Управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев в апреле 1919 г. доносил в Омск: «За последнее время настроение широких слоев сельского и особенно городского общества повышается, разрыв правительства с народом углубляется все больше и больше... Недовольство правительственной политикой чувствуется во всех слоях населения. Деревню возмущают налоги и отсутствие товаров». Губернатор сообщал о массовом дезертирстве из армии и о том, что следующие за дезертирами военные отряды «не столько ловят дезертиров, сколько возмущают деревню своими насилиями». Губернатор заключал: «Вражда эта, видимо, растет не только в Иркутской губернии, но и по всей территории Сибири, и недалеко то время, когда она может вылиться в открытую борьбу с Омском»³.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. 32. Л. 30.

² Мышанский А.А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на Востоке России. Проблемы истории : Бахрушинские чтения 2001 г. URL: http://www.zaimka.ru/02_2002/myshansky_whiteregime (дата обращения: 22.07.2007)

³ Рец А.А. Указ. соч. С. 149—150.

Контрразведчики докладывали об бесчинствах ОМОНов, терроризировавших население насилиями, грабежами и пьянством, чем вызывали недовольство крестьянства¹. Были недовольны крестьяне и действиями милиции, которая отнимала у них деньги².

Как свидетельствуют архивные документы, иногда население жаловалось милиции на произвол агентов контрразведки, что приводило к трениям между двумя структурами. Для оздоровления обстановки начальник милиции Тюменского уезда В. Островский считал необходимым проведение строгого расследования правонарушений, чинимых контрразведкой³.

Противодействие нарушениям со стороны правоохранительных органов носило единичный характер. В частности, подпоручик Терров, офицер Акмолинского ОМОНа, насильно реквизиравший масло в артели и продавший продукт частному лицу, был заключен под стражу⁴.

Страдавшие от произвола жители деревень нуждались в защите и ходатайствовали перед властями о наведении порядка. Например, в телеграмме от 16 селений Минусинского уезда крестьяне требовали от правительства «остановить присылку карательных отрядов, принять их справедливые народные требования, не действовать силой, а мирным путем, не смешивать с большевизмом, в противном случае народ будет стоять за свои права»⁵.

¹ РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 100. Л. 80.

² РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 234. Л. 170—171.

³ РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 51. Л. 9 об—10.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 100. Л. 3 об—4.

⁵ Корнева Е.А. Указ. соч. URL: http://www.nivestnik.ru/2000_1/4.shtml (дата обращения: 19.09.2009)

Бездействие местных чиновников вызывало у жителей недовольство властью. «Оно (крестьянство. — *Авт.*) еще не вполне верит в прочность государственной власти, да это и понятно, так как власть эта изредка появляется в деревне в лице какого-нибудь карательно-го отряда или пьяного милиционера, которые на оных чинят не всегда справедливый суд и расправу и также неожиданно исчезают, как и появляются», — свидетельствует одна из белогвардейских сводок. Начальник контрразведки 2-го Степного Сибирского отдельного корпуса докладывал 2-му генерал-квартирмейстеру Ставки в июне 1919 г. о том, что милиция «в пьяном виде чинит суд и расправу, чем дискредитирует существующую власть»¹.

В одном из докладов управляющего Тургайской областью министру внутренних дел в апреле 1919 г. говорится о том, что в Кустанае «милиция города в высокой степени озлобила жителей взяточничеством»².

В сентябре 1919 г. МВД расследовало дело о произволе и злоупотреблениях Щегловской уездной милиции, выражавшихся в незаконных задержаниях, порках и вымогательстве взяток. Начальник уездной милиции Озеркин и его подчиненные были преданы суду³.

Поведение контрразведчиков тоже оставляло желать лучшего. Так, чины томской контрразведки, по донесениям местной милиции, в служебном помещении «Дома свободы» вечерами кутили, приводили девиц легкого поведения и в нетрезвом виде устраивали пальбу в воздух.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 309 об.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 23. Л. 18.

³ ГА ТО. Ф. р-1362. Оп. 1. Д. 323.

Это дело разбирал лично управляющий губернией в феврале 1919 г.¹.

Для ужесточения ответственности Совет министров в сентябре 1919 г. постановил отнести должностные преступления милицейских чинов в местности на военном положении к военным преступлениям, а именно: а) бездействие власти с тяжелыми последствиями, б) насилие, сопряженное с истязаниями и жестокостью, в) присвоение служебного или отобранного при обыске имущества, г) подлог, д) лихоимство и вымогательство².

Вместе с тем годовой отчет Департамента милиции хотя и признавал факты злоупотреблений и нарушений должностных лиц по жалобам населения, но считал их все же частными явлениями, а не правилом³.

Контрразведкой обращалось внимание и на неосведомленность сельского населения о целях и задачах правительства, и на отсутствие какой-либо информации о нем в отдаленных районах⁴. Управляющие губерниями и руководители государственной охраны отмечали эффективность советской пропаганды и слабость пропаганды собственного правительства: «Одна и та же работа Руссбюро (Русского бюро печати. — *Авт.*), Осведверха и Министерства внутренних дел нерациональна. Тем более что крайне невыгодно в агитационной работе показывать связь с правительственными учреждениями»⁵.

Начальник Семипалатинского отделения подпоручик Ханжин, собрав важные сведения о причинах возникнове-

¹ ГА ТО. Ф. р-1362. Оп. 1. Д. 397.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 50. Л. 292.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 37. Л. 5—7 об.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 85, 262—262 об.

⁵ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 212.

ния восстания в Алтайской губернии, докладывал руководству о необходимости «обратить серьезное внимание на местный административный аппарат», поскольку «действия местных властей, с одной стороны, вызывали раздражение населения превышением данной им власти, с другой стороны, обнаружено было бездействие власти, равно ничего не было предпринято для предупреждения и пресечения возможности возникновения вооруженного восстания»¹.

Командование было озабочено тем, что недовольством крестьянства политикой властей воспользуются в своих целях большевистские агитаторы, которые, по словам генерал-квартирмейстера штаба Иркутского военного округа, «усиленно работают»².

Проведя обширную агентурную работу в сельской местности, колчаковские спецслужбы располагали полной информацией о причинах недовольства крестьянства, в связи с чем докладывали руководству о необходимости проведения мероприятий, направленных на нормализацию обстановки в деревнях.

Их предложения сводились к следующему. Во-первых, к укреплению власти на местах, которая бы оказалась в состоянии решать возникшие проблемы крестьян. Во-вторых, в проведении среди сельского населения широкого информирования о политике правительства.

Выдвигая свои предложения, руководители спецслужб справедливо отмечали, что устранение этих недостатков «не входит в компетенцию контрразведывательных учреждений»³.

¹ Шишкин В.И. Указ. соч. С. 77.

² РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 234. Л. 170—171.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 262—262 об.

Пожалуй, другого мнения о «компетенции контрразведывательных учреждений» придерживались иные белогвардейские генералы. Не обладая политическим опытом, они имели самые общие представления о функциях служб безопасности, наивно полагая с их помощью полностью разрешить кризисные ситуации.

Безусловно, при разрешении острых проблем без спецслужб было не обойтись. Но в таких случаях они должны выполнять функцию скальпеля, а не топора. Обладая специальными методами изучения социальной действительности, контрразведывательные органы могут разглядеть суть явления изнутри и представить объективную информацию военно-политическому руководству для принятия решений. Следует отметить, что колчаковская контрразведка с этой задачей справилась успешно, о чем свидетельствуют многочисленные документы. Иное дело, что реакция властей на рапорты и доклады чинов контрразведки не всегда носила адекватный характер.

Таким образом, неразрешенные белыми вождями политические и социально-экономические противоречия и слабость пропаганды, имевшие результатом поддержку политики большевиков более значительной массой населения страны, лишили белые армии массовых людских ресурсов, тем самым составив наибольшую угрозу безопасности белогвардейским государственным образованиям. Провозглашенные лозунги чаще всего расходились с жизненными реалиями. Политический курс правительства в большей степени отвечал интересам состоятельных слоев населения, чем широких масс. В конечном итоге это привело к росту антиправительственных и антивоенных выступлений.

При этом нередко владельцы предприятий и торговцы, получая огромные правительственные субсидии, использовали их в корыстных целях, обогащались сами и коррумпировали обнищавший чиновничий аппарат. В одном из своих докладов начальник отделения контрразведки при штабе 2-го Степного Сибирского корпуса охарактеризовал торгово-промышленный класс как тяготеющий к сильной власти и подавлению всяких антиправительственных явлений, но в то же время без принуждения не приходящий сам на помощь государству¹.

В другой сводке, подготовленной контрразведывательными органами, сообщалось, что торгово-промышленный класс занимается спекуляцией, особого патриотизма не проявляет и старается «освободиться от военной службы любыми способами»².

В мае 1919 г. управляющий Сахалинской областью Бунге сообщал: «Среди буржуазных групп чувствуется охлаждение симпатии [к] правительству, даже недовольство, причиною этому — несбывшиеся мечты [о] направлении курса политики и объявленный призыв городской интеллигенции»³.

Дарованная Верховным правителем свобода торговли в условиях кризиса имела обратной стороной взвинчивание цен и массовую спекуляцию. «Спекулянтов образовалась целая армия, и население форменным образом обирается, — докладывал 28 марта 1919 г. полковник Н.П. Злобин. — На создаваемой таким образом почве недовольства и раздражении чисто экономическими причинами

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 257.

² РГВА. Ф. 39483. Оп. 2. Д. 29. Л. 20 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 21. Л. 20.

легко может пустить корни и противоправительственная агитация, с этого могут начаться и выступления необеспеченных слоев населения»¹.

Прогноз начальника отдела контрразведки и военного контроля при штабе ВГК оправдался. Летом 1919 г. рабочие нескольких городов обвиняли правительство в неприятии мер к прекращению спекуляции, вызывавшей дороговизну. При этом наблюдался упадок интереса к политической жизни². Такие сообщения неоднократно проходили в сводках спецслужб.

Жизнь впроголодь, явившаяся следствием инфляции, низких заработков и безработицы, вызывала недовольство среди аполитичных рабочих, которые организовывали стачки, предъявляя властям требования экономического характера. В донесениях агентов колчаковской контрразведки имеются сведения о том, что забастовки в большинстве своем возникали из-за падения реального уровня зарплаты. Спецслужбы докладывали о недовольстве рабочих задержкой заработной платы, а также ее выдачей кредитными знаками или продуктовыми ордерами взамен денег³. В резолюции Уральского съезда профсоюзов от 18 июня 1919 г. говорилось, что правительство вместо восстановления промышленности проводит реакционную политику под флагом борьбы с большевизмом, а поэтому рабочие считали необходимым вести борьбу за осуществление народовластия и политических свобод⁴.

Тяжелое материальное положение вызывало забастовки, которые были запрещены правительством на время войны, в том числе и носившие экономический характер,

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 29 об.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 126. Л. 98—98 об.

³ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 — 2.

⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 196. Л. 18.

что еще больше обостряло взаимоотношения власти и пролетариата¹. Бастовали попеременно горняки Кузбасса, рабочие золотых приисков, железнодорожники. В целом стачечное движение наносило существенный ущерб социально-экономической и политической устойчивости колчаковского режима.

1 августа 1919 г. начальник КРО штаба 3-й армии капитан Новицкий докладывал, что рабочие в большинстве своем настроены в пользу советской власти и не доверяют правительству по причинам чисто материального свойства: из-за низкой заработной платы, дороговизны продуктов и задержки выплаты жалования. «За что я буду воевать, что дала нам эта власть — полуголодное существование. А красные несут нам хлеб и свободу», — цитирует сводка слова рабочих².

Сообщения о «большевистских настроениях» приобрели во второй половине 1919 г. массовый характер и поступали из разных городов Сибири. В них указывалось, что тяжелым экономическим положением рабочих пользовались большевистские агитаторы, которые «обращают чисто экономические выступления в политические»³. Пробольшевистские настроения рабочих отмечал и управляющий Приморской областью⁴.

С другой стороны, отрицательное отношение массы рабочих к колчаковской власти не мешало росту произво-

¹ Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная (Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны). Кемерово, 1968. С. 246, 258.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 126. Л. 161.

³ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 3. Д. 20. Л. 12.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «в». Л. 25.

дительности труда. Как отмечал начальник Акмолинского областного управления госохраны подполковник В.Н. Руссиянов в августе 1919 г., «на частных заводах производительность труда достигла почти уровня дореволюционного времени»¹. Так что все было весьма неоднозначно.

Из сводок контрразведывательных органов можно сделать вывод: главной причиной нарастания негативного отношения пролетариата Сибири к режиму А.В. Колчака было вызванное войной ухудшение социально-экономического положения рабочих, которым умело пользовались большевики, проводя пропаганду об успехах социалистического строительства в Советской России. Угроза забастовок вынуждала колчаковское правительство сосредоточивать в рабочих районах воинские подразделения и части. С началом поражений белых армий на фронтах в тылу происходит рост антиправительственных настроений. С июля 1919 г. в связи с этим на угольных копях был организован штаб контрразведки, усиленный вооруженным отрядом².

Отношение интеллигенции и чиновничества к колчаковской власти оставалось неоднозначным, о чем свидетельствуют сводки государственной охраны и местных властей. Управляющий Томской губернией Б. Михайловский разделил служащих на две категории: чиновников государственных учреждений, питавших «полное доверие к существующему правительству», и служащих земств, кооперативов и профсоюзов, настроенных «неблагожелательно»³.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 451.

² *Мышанский А.А.* Указ. соч. URL: http://www.zaimka.ru/02_2002/myshansky_whiteregime (дата обращения: 19.09.2009)

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 2 «б». Л. 239—239 об.

Из сводки Особого отдела Департамента милиции следует, что интеллигенция «в массе настроена благожелательно к колчаковской власти, за исключением еврейской, которая опасается реставрации монархии и черной сотни», а кооперативы под влиянием эсеров и меньшевиков настроены оппозиционно, власть А.В. Колчака считают антидемократической; крупная буржуазия поддерживает власть, мелкая («малый и средний бизнес», по сегодняшней терминологии) аполитична и целиком поглощена спекуляцией¹.

Начальник Алтайского губернского управления гособраны подполковник Н.И. Игнатов так рисовал настроения населения губернии в июле 1919 г.: «Настроение некоторой части интеллигенции... значительно улучшилось под воздействием распространившихся слухов об успехах нашей армии... Настроение в сельских местностях продолжает быть враждебным правительству, и степень враждебности увеличивается с каждым вновь появившимся в данном населенном пункте агитатором, ибо на местах нет власти, которая бы препятствовала проявлениям злой воли таких лиц. Благонамеренная часть сельского населения живет под страхом возможного возвращения красных... Такая же уверенность в скором возвращении красных существует среди мастеровых и рабочих... Укреплению лживых и вредных для правительства слухов...много способствует полное отсутствие правительственной информации о текущих событиях»².

С началом военных неудач летом 1919 г. органы гособраны констатировали упадок авторитета правительства.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 35. Л. 46—46 об.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 1 «б». Л. 80 об—81.

Неоднократно упоминавшийся начальник Акмолинского областного управления госохраны В.Н. Руссиянов в августе сообщал: «Доминирующая оценка правительства, независимо от того, обвиняет ли субъект правительство в реакционности или нет, следующая: “Правительство слабое”»¹. Несколько позднее он же докладывал, что на заседании областного земского собрания 28 августа председатель областной земской управы В. Парунин критиковал правительство за отрыв от народа и непопулярность (при этом в газетном отчете цензура купировала наиболее острые моменты его выступления); когда же гласный Н. Филашев (известный кадет, деятель «Омского национального блока») выступил в защиту правительства, Парунин и члены коллегии земской управы демонстративно покинули зал заседания².

Агентурная сводка Томского губернского управления госохраны в этот же период сообщала: «Политическое настроение города Томска и Томской губернии весьма тревожно. Ввиду того, что большой процент населения составляют евреи, столь склонные к панике, город и его окрестности переполнены самыми нелепыми слухами... Крупные спекулянты выезжают с семьями на восток». При этом, как отмечала сводка, «сила еврейского капитала остается непоколебимой: постановление жилищной комиссии об отводе особняка миллионера Минского для помещения в нем управления государственной охраны до сих пор никак не может быть проведено в жизнь... Управление административным аппаратом поручено лицам без всякого административного опыта. Во главе губернии

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 439 об.

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 515.

стоит переселенческий чиновник Б.М. Михайловский, занявший пост губернатора благодаря близкому родству с бывшим министром Гаттенбергером... О Михайловском поступал ряд заявлений, скрепленных документальными справками, об особых симпатиях его к партии эсеров...»¹.

Белогвардейские генералы, как никто другой, понимали роль и значение боеспособности армии для победы над врагом. По мере возможности командование старалось оградить армию от разлагающего влияния противника. В первую очередь руководством контрразведки обращалось внимание на борьбу с большевистскими и эсеровскими агитаторами и шпионами. Обладавшие большими ресурсами и более квалифицированными руководящими кадрами колчаковские спецслужбы, помимо вышеназванного, еще осуществляли контроль над лояльностью армии к властям, вели борьбу с различного рода преступлениями в войсках.

Возглавлявшие службы безопасности бывшие жандармские офицеры также хорошо понимали, что за армией нужен пристальный негласный надзор. Еще свежи были в памяти события 1917 г., когда оказавшиеся вне поля зрения сыскных структур воинские части переходили на сторону оппозиционных правящему режиму сил. Отчасти это произошло потому, что власть через спецслужбы не контролировала настроения в армейской и флотской среде. Существовавшую ранее систему политического сыска в войсках сломал товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов генерал-майор В.Ф. Джунковский, запретивший в 1913 г. использование внутренней агентуры из нижних чинов в воинских частях,

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 35. Л. 53—54.

т.к. считал «такую меру противной самим основам воинской дисциплины, а потому ничем не оправдываемой и впредь недопустимой»¹.

По мнению некоторых современных исследователей, товарищ министра внутренних дел был убежден, «что борясь с провокацией, он тем самым укрепляет дисциплину в армии и ее боеспособность». Тем не менее, какими бы благими намерениями не руководствовался В.Ф. Джунковский, он своим циркуляром, как справедливо отмечает исследователь С.Н. Жаров, «раскрыл двери казарм... революционной пропаганде»².

Один из самых деятельных специалистов по политическому розыску А.П. Мартынов в эмиграции характеризовал командира ОКЖ следующим образом: «Джунковский легко “ломал”, так как не чувствовал пристрастия и влечения к делу, ему по ошибке порученному, и будучи предубежден против полиции вообще, а против охранной в особенности». И далее: «Генерал Джунковский, как всем известно, старался прослыть либеральным администратором, поскольку это создавало ему приятную атмосферу в кругах нашей либеральничающей интеллигенции, но если он чутким носом улавливал “поворот вправо”, то он, где нужно и где не нужно, спешил усердствовать и проявлять твердость власти»³.

Таким образом, умение опытных царедворцев «держатъ нос по ветру», но не увидеть реальную угрозу безопасности империи, в итоге обернулись ее гибелью.

¹ Цит. по: Жаров С.Н. История оперативно-розыскной деятельности и ее правового регулирования в России (XI — начало XX в.) : Монография. Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2008. С. 242.

² Жаров С.Н. Указ. соч. С. 242.

³ «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 327, 330—331.

Придя к власти, адмирал А.В. Колчак в одном из своих первых приказов отмечал: «Все офицеры, все солдаты, все военнослужащие должны быть вне всякой политики... Всякую попытку извне и внутри втянуть армию в политику приказываю пресекать всеми имеющимися в руках начальников и офицеров средствами»¹.

Такое положение существовало и ранее. Правда, реальная ситуация вынудила Совет министров 4 марта 1919 г. отменить постановление Временного Сибирского правительства от 23 августа 1918 г. «Об устранении армии от участия в политической жизни» и утвердить лишь ограничения для военнослужащих по участию в политической и общественной жизни. Им запрещалось: состоять в политических организациях; присутствовать на собраниях, где обсуждались политические вопросы; участвовать в противоправительственной агитации; публично произносить речи и суждения политического характера; принимать участие в митингах и сходках; состоять на службе в городских, земских и других общественных учреждениях; заниматься литературной деятельностью без разрешения своего начальства². Такие меры были отнюдь не лишними, т.к., по данным Особого отдела Департамента милиции, основные усилия «антигосударственных элементов» были направлены на разложение армии³.

В Сибири политические взгляды генералитета и офицерства были достаточно пестрыми: скрытые сторонники монархии, приверженцы Учредительного собрания и Земского собора, казачьи сепаратисты и лица, придерживавшиеся проэсеровских взглядов. Правые офицерские

¹ Правительственный вестник (Омск). 1918. 23 ноября.

² РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 19. Л. 125—125 об.

³ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 35. Л. 46—46 об.

круги и казачество в ноябре 1918 года сместили власть Директории, арестовав левое крыло правительства, и передали ее адмиралу А.В. Колчаку. Однако в декабре недовольная «мягкостью» Верховного правителя группа офицеров помышляла уже об антиколчаковском перевороте. Тогда у них ничего не вышло¹.

Подавляющее большинство белых офицеров поддерживали идею «непредрешения» и по своей сути являлись аполитичными. «Они не занимались политикой и не разбирались в ее хитросплетениях, их ремеслом была война, — справедливо пишет в монографии исследователь офицерского корпуса колчаковских вооруженных формирований Е.В. Волков. — Поэтому от решения важных политических вопросов они предпочитали отстраниться и оставить их реализацию до окончания войны, переложив эту работу на плечи депутатов от народа»².

Сам Верховный правитель олицетворял собой, если суммировать его высказывания и действия, позицию либерального консерватизма, близкую к правому крылу кадетской партии, резко поправевшей за время революции. Такая позиция адмирала не находила поддержки у монархистов, которые между собой говорили о нем, что «это не та фигура, «выскачка», продвинутый англичанами и вместе с ними болтающий что-то о народовластии, демократии и т.п.»³. По свидетельству премьер-министра П.В. Вологодского, в феврале 1919 г. чинами ведомства внутренних

¹ Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны (1917—1922 гг.). С. 87—88; Дневник П.В. Вологодского // За спиной Колчака: документы и материалы. С. 142—143.

² Волков Е.В. Указ. соч. С. 98.

³ Там же. Указ. соч. С. 100.

дел была раскрыта ячейка офицеров-монархистов, группировавшихся вокруг редакции газеты «Русская армия», в которой они «будировали» идеи монархизма. В качестве будущего правителя они выдвигали рюриковича по происхождению князя А.А. Кропоткина¹.

В оперативной разработке контрразведки находилась группа офицеров, разделявшая взгляды монархистов и поддерживавшая контакты с их представителями. Впрочем, как выяснилось в ходе наблюдения, их «оппозиционная» деятельность сводилась к пьяным застольям, бесчинствам, нарушению общественного порядка и исполнению в нетрезвом виде императорского гимна «Боже, царя храни!»» Против таких офицеров контрразведка ограничивалась мерами предупредительного характера. После проведенного дознания виновных сажали на гауптвахту или отправляли на фронт. Случались и понижения в чине².

В первой половине 1919 г. контрразведка докладывала о возникшем антагонизме между «фронтовиками» и «тыловиками», засевшими в многочисленных штабах и канцеляриях. Контрразведчики информировали командование об упорных разговорах о необходимости смещения А.В. Колчака и возможной его замене Д.Л. Хорватом, от которого отдельные фронтовики ждали лучшего отношения к нуждам армии. Многим радикально настроенным офицерам адмирал казался слишком «левым». «Такие офицеры высказывались за абсолютную диктатуру, что шло вразрез с общей политикой Колчака...» — пишет историк А.А. Мышанский³.

¹ Дневник П.В. Вологодского... С. 153.

² Рец А.А. Указ. соч. С. 161—162.

³ Мышанский А.А. Указ. соч. URL: http://www.zaimka.ru/02_2002/myshansky_whiteregime (Дата обращения: 22.07.2007.)

В отличие от офицеров, среди солдат, служивших во фронтовых частях, наблюдалось более лояльное отношение к колчаковскому режиму, подтвержденное анализом перлюстрированных контрразведкой писем¹. Начальник контрразведки 2-го Степного Сибирского отдельного корпуса докладывал 2-му генерал-квартирмейстеру Ставки в июне 1919 г.: «В войсках настроение спокойное, политической не интересуются, разговоры лишь о деревне, хлебопашестве и трудностях военной службы... К офицерам со стороны солдат отношение доверчивое»².

Солдаты-тыловики в большей степени демонстрировали антиправительственные настроения, о которых контрразведка также докладывала командованию³. Даже в относительно лучшие времена колчаковской власти в тылу было «неспокойно». Управляющий Тургайской областью Матвеев в марте 1919 г. доносил в Особый отдел, что «среди мобилизуемых солдат ведется усиленная большевистская агитация»⁴.

Отношение военнотружущих к властям в большинстве случаев объяснялось не их политическими взглядами, а состоянием материального обеспечения воинских частей. Как свидетельствуют многие источники, жизненный уровень большинства младшего и среднего офицерского состава оставался невысоким. Получаемого денежного довольствия, выплачиваемого с задержкой, не хватало, чтобы прокормить себя и семьи. «Не имея возможности купить и не получая обмундирования от интендантства

¹ Мышанский А.А. Указ. соч. URL: http://www.zaimka.ru/02_2002/myshansky_whiteregime (дата обращения: 22.07.2007)

² ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 309 об.

³ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 160. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 7. Д. 18. Л. 3.

(за отсутствием такового), немало из числа офицеров ходят в дырявых сапогах и заплатанных брюках, — указывал в докладе начальник контрразведки 2-го Степного Сибирского корпуса в мае 1919 г. — Думая серьезно воссоздать армию, необходимо поставить в человеческие условия жизнь офицера, ибо без него не может быть и не будет армии в настоящем смысле этого слова»¹.

Однако «поставить в человеческие условия жизнь офицера» командование оказалось не в состоянии из-за хаоса в системе военного снабжения. В результате нередко офицеры компенсировали нехватку жалованья казнокрадством, продовольствия — грабежом крестьян, присвоением трофеев. Попытки командования бороться с этим позорным явлением имели мало успеха.

Негативно отражалась на боеспособности армии усталость офицерства от войны. По воспоминаниям некоторых участников событий, после сдачи Омска в ноябре 1919 г. «все чаще и чаще отчаяние закрадывалось в душу армии. Все чаще и чаще произносилось слово “мир”, проносилась мысль, что “большевики уже не те”»². В итоге отдельные утратившие веру в свое командование офицеры организовали мятежи с целью прекращения Гражданской войны, заключения мира с большевиками. Новониколаевское и красноярское выступления контрразведке не удалось предотвратить.

Неудовлетворительное материальное обеспечение в большей степени вызывало недовольство среди солдат — насильно мобилизованных в армию крестьян, мещан, рабочих и бывших красноармейцев. За власть, которая

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 163 об.

² ГАРФ. Ф. р-5881. Оп. 2. Д. 215. Л. 8.

не могла (вне зависимости от причин этого) как следует одеть, обусть и накормить, они воевать не хотели, поэтому частым явлением (как и в Красной армии) становилось дезертирство. Контрразведывательные органы привлекались к выявлению и задержанию дезертиров. Например, за «один зимний месяц 1919 г. колчаковские органы безопасности и военнослужащие Волжской группы генерала В.О. Каппеля задержали около 400 дезертиров, из которых 27 было приговорено к расстрелу»¹.

В сводке контрразведки по Ижевско-Воткинской бригаде отмечалось дезертирство чинов с лошадьми и оружием. Чтобы его прекратить, командир Ижевского полка с согласия командира корпуса распорядился подать докладную записку желающим уволиться с военной службы².

По докладам контрразведки, в частях 2-го корпуса было заметно недовольство солдат из-за недостатка обмундирования. Многие думали о переходе к красным. 24 июля 1919 г. к красным из 81-го полка перешло 304 солдата. Уличенные агитаторы были преданы военно-полевому суду. После расстрела 99 человек настроение солдат изменилось к лучшему³.

Однако контрразведке не всегда удавалось предотвращать переход солдат на сторону противника. Одна из причин заключается в том, что командование не давало необходимого времени на работу среди прибывающего пополнения, стремясь поскорее отправить части на фронт, чтобы остановить напор противника. После доукомплектования 1-го Волжского армейского корпуса бывшими во-

¹ Волков Е.В. Указ. соч. С. 188.

² Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке России и его крах (1920—1922): дисс. ...д-ра ист. наук. Хабаровск, 1998. С. 335.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 126. Л. 98.

еннопленными и мобилизованными крестьянами, контрразведка выявила большевистскую организацию, после чего ходатайствовала перед командованием не отправлять корпус на фронт, чтобы полностью обезвредить подполье. Однако Ставка пренебрегла данными контрразведки, в результате чего в первом же бою наблюдался массовый переход солдат на сторону красных¹. Под воздействием большевистской агитации нередко солдаты убивали своих офицеров.

Не смогла контрразведка предотвратить произошедший 1—2 мая 1919 г. бунт в 1-м Украинском курене имени Тараса Шевченко, в результате которого на сторону противника перешло около 3000 солдат при 11 пулеметах и 2 орудиях. В июне на сторону красных, перебив офицеров, перешли два батальона 21-го Челябинского горных стрелков полка. В конце июня под Пермью без боя красным сдались два полка — 3-й Добрянский и 4-й Соликамский².

Крушение фронта после сдачи Омска в ноябре 1919 г. еще больше усугубило ситуацию. Контрразведчики отмечали брожение в 29-м стрелковом полку под воздействием открытой агитации в пользу советской власти, готовые перерасти в вооруженное восстание. В 33-м Сибирском полку даже офицерами восхвалялась служба у большевиков, а солдаты высказывали недоверие к правительству³. Силовые меры, предпринимавшиеся контрразведкой в отношении дезертиров и прочих преступных элементов,

¹ ГАРФ. Ф. р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 93.

² Ганин А. Враздробь, или Почему Колчак не дошел до Волги // Родина. 2008. № 3. С. 71.

³ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 115. Л. 9 об; Ф. 39597. Оп. 1. Д. 100. Л. 78.

к концу 1919 г. не давали желаемых результатов. Солдаты и офицеры, уставшие от затянувшейся войны, уже не могли оказывать сопротивления наступавшим частям Красной армии, что оказало немаловажное влияние на исход Гражданской войны в Сибири в 1920 г.

Весьма любопытно, как оценивали работу колчаковской государственной охраны противники — красные. В ГАРФ сохранился уникальный документ — совершенно секретный оперативный доклад, к сожалению, без названия, дат и подписей, но по содержанию ясно, что написанный уже после падения колчаковского режима, когда ЧК разыскивала и преследовала его активных деятелей. В нем говорится: «Государственная охрана, имея большое количество специалистов в лице отставных жандармских офицеров, была одной из лучше поставленных контрреволюционных учреждений Колчаковьи (так в тексте. — *Авт.*). Вынужденные бежать из Советской России, а еще раньше скрываться от революционной России (в начале революции), жандармские офицеры сразу принялись за работу, чтобы отплатить народу за свой страх и лишения, которым они подверглись уже после Февральской революции. Большинство из них в своей работе начали руководиться (так в тексте. — *Авт.*) старыми положениями и законами, не обращая внимания на первоначальную “песенку” Колчака (так в тексте. — *Авт.*) об Учредительном собрании, свободе слова и совести, и только немногие, видя несогласованность того, что говорилось правительством с тем, что делалось, указывали правительству на эту ненормальность...

Два видных “деятеля” охраны, полковники Руссиянов и Рудов, в докладе своем от марта 1919 г. представляют это глупое положение всех хотя немного думающих жан-

дармских офицеров, приводя много фактических данных из дел, которые в то время были громкими: Совета союзов, Вольской группы с.-р. (эсеров. — *Авт.*), Абрамова, Ракова, Сокольской и проч. и требуют самостоятельности работы охранки без вмешательства чьего бы то ни было, а тем более вмешательства управляющих губерниями, к которым охранка относилась очень плохо и подозревала их в сочувствии всем партиям и направлениям, только не правительственному»¹.

Идеология «непредрешения» не смогла объединить под белым знаменем пестрый в политическом, социальном, культурном и этническом отношении антибольшевистский лагерь, что подразумевало наличие сил, оппозиционных режимам. Характерным примером тому являлась партия социалистов-революционеров, которая оказала активное сопротивление власти А.В. Колчака.

Исследуя специальные формы и методы осуществления политического контроля и борьбы с преступностью, авторы обратили внимание на внутреннюю агентуру и наружное наблюдение. Наиболее важным видом деятельности по разоблачению намерений эсеровских организаций, выявлению экономических преступлений и по изучению настроений населения являлась внутренняя агентура, от которой поступал основной массив объективной информации. Однако белогвардейские лидеры по различным причинам не могли реализовать полученные сведения. В условиях политического и экономического кризиса, активного противодействия противника, усилий контрразведки и органов внутренних дел оказалось недостаточно для предотвращения угроз.

¹ ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 10. Д. 116. Л. 1.

Генералам и поддерживавшим их политикам не доставало идей для привлечения на свою сторону народных масс и политической гибкости для объединения антибольшевистских сил, им не удалось полностью мобилизовать людские и материальные ресурсы, создать полноценный государственный аппарат. Опора на наиболее зажиточные элементы, часть интеллигенции и офицерство, а также союзников оказалась ненадежной.

Опыт деятельности контрразведки и государственной охраны показывает, что в условиях Гражданской войны решение задач обеспечения внутренней безопасности возможно лишь в совокупности с другими мерами — политическими, экономическими, законодательными и административными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отличие от советского правительства, грезившего во время Гражданской войны мировой революцией и строившего государство нового типа, лидеры Белого движения планетарных задач перед собой не ставили, а прежде всего горели желанием победить большевиков и восстановить в стране основы законности и порядка, как они их понимали. В случае победы будущее государственное устройство должен был формально определить народ через посредство вновь избранного им Учредительного (или Национального) собрания. Поэтому бывшие царские генералы, возглавившие вооруженную борьбу с большевизмом, воссоздали армию и управленческий аппарат, воспользовавшись нормативно-правовой базой Российской империи и отчасти Временного правительства, копируя прежние структуры со всеми их достоинствами и недостатками.

С точки зрения авторов, одним из таких недостатков являлось нахождение контрразведки в составе Военного министерства, а не МВД. Тем самым одна из важнейших функций государства — обеспечение безопасности — оказалась разделенной межведомственными барьерами со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, «Положением о полевом управлении войск в военной время» 1914 г. была децентрализована система органов военного управления, а вместе с ними и контрразведки, — на фронтовые и тыловые. Эту модель полностью воссоздал адми-

рал А.В. Колчак, чье правительство претендовало на роль Российского. Подразделения военной контрразведки формировались вместе с армейскими и окружными штабами и наделялись функциями борьбы со шпионажем и политического сыска, что в условиях отсутствия территориальных органов безопасности являлось делом оправданным.

Авторы видят две основных причины задержки с формированием последних на территории белой Сибири. Одной из них могло быть доминирование реальной власти в руках военных, которые все важнейшие вопросы, в том числе обеспечение безопасности тыла, старались решать собственными силами, в данном случае силами военной контрразведки. С другой стороны, в период «демократической» контрреволюции, до прихода к власти адмирала А.В. Колчака в ноябре 1918 г., идея возрождения политической полиции и ее территориальных органов негативно воспринималась большинством тогдашних политических лидеров антибольшевистского движения, поскольку ассоциировалась ими с одиозной в их восприятии царской охранкой. Так или иначе, но с ее формированием в итоге существенно запоздали.

Создание государственной охраны было инициировано руководителем Департамента милиции МВД В.Н. Пепеляевым и являлось в целом правильным шагом в направлении обеспечения государственного образования, но несколько запоздалым. Разграничение функций (борьбы со шпионажем и политического розыска) между контрразведкой и госохраной, как предлагал В.Н. Пепеляев, вряд ли было уместным в условиях Гражданской войны, т.к. безопасности армии в большей степени угрожали внутренние враги, нежели разведслужбы противника и союзников. Было бы более уместным регламентировать взаимодействие двух розыскных органов или же разделить зоны ответственно-

сти: контрразведка обеспечивает безопасность армии, а государственная охрана — госаппарата, промышленности, транспорта и т.д. Но, судя по всему, обсуждение инициативы директора ДМ велось на внутриведомственном уровне, а не государственном. При формировании контрразведки и государственной охраны власти не разработали принципиально новой нормативно-правовой базы, которой бы определялись принципы функционирования, полномочия и сфера ответственности государственных и военных органов в области обеспечения государственной безопасности в условиях Гражданской войны.

Как показало исследование, основная тяжесть в борьбе с врагами режима — большевиками и эсерами — легла на контрразведку, поскольку ее структуры были образованы ранее (некоторые еще до прихода к власти адмирала А.В. Колчака) территориальных органов безопасности, приобрели оперативный опыт и т.д. А формирование госохраны как целостной структуры так и не было завершено до падения колчаковского режима.

Однако обеспечивавшая безопасность всей политической системы контрразведка оставалась структурной единицей военных штабов различных уровней. Новые функции требовали более высокого ее статуса в государственном механизме, изменения организации, увеличения сил и средств. Несмотря на предпринимаемые усилия, белогвардейцам так и не удалось создать централизованно управляемой службы контрразведки, что мешало работе агентуры, создавало нездоровую конкуренцию между структурами различной ведомственной принадлежности. Подчинение контрразведывательных структур командирам и штабам различных уровней, вплоть до начальников гарнизонов, имело ряд недостатков, поскольку большинство военных, включая офи-

церов Генерального штаба, не имели представления о функциях спецслужб и не разбирались даже в азах оперативно-розыскной деятельности, поэтому не могли ими эффективно руководить. Непосредственное подчинение руководителей контрразведывательных органов воинским начальникам сковывало инициативу первых, особенно при расследовании преступлений в армейской среде. Этих изъянов удалось избежать госохране, подчинявшейся Департаменту милиции.

Анализ архивных документов свидетельствует о том, что противодействие военному, политическому и экономическому шпионажу не являлось приоритетным направлением деятельности контрразведки. Ее основные усилия, наряду с государственной охраной, были сосредоточены на борьбе с большевистским подпольем. Благодаря их активным действиям советскому партийно-государственному руководству так и не удалось организовать крупное вооруженное восстание в Сибири. Несмотря на то что деятельность контрразведки и государственной охраны не была скоординирована между собой, эти силовые структуры неоднократно ликвидировали нелегальные большевистские организации, срывали их планы по проведению подрывных акций в отношении белогвардейской власти, что давало возможность колчаковским армиям вести войну в течение года. Но полностью обезопасить свой тыл спецслужбы не смогли по следующим связанным между собой причинам. Во-первых, им не удалось ликвидировать связь Советской России с большевистским подпольем, благодаря чему разгромленные организации восстанавливались и продолжали подрывную деятельность. Во-вторых, политика Российского правительства создавала социально-экономические предпосылки для негативного отношения широких слоев населения к властям, о чем писали и сами участники Белого

движения. Между тем следует подчеркнуть, что и контрразведка, и государственная охрана регулярно информировали командование и органы власти о причинах недовольства населения своим социально-экономическим положением, которое перерастало в стачки и вооруженные выступления, выдвигали свои предложения по нормализации обстановки. Поступавшая от них объективная информация отнюдь не послужила для властей сигналом для серьезной корректировки внутривнутриполитического курса, что обернулось для них поражением. В условиях острого политического и экономического кризиса у правительства не хватало сил и средств для удовлетворения насущных потребностей широких слоев населения. Помощь оказывалась в первую очередь представителям торгово-промышленного капитала.

По нашему мнению, недооценка высшим военно-политическим руководством упреждающей достоверной информации о настроениях населения, непринятие оперативных адекватных мер по корректировке социально-экономической политики привели к поражению колчаковского режима. Превалировали силовые методы, позволявшие лишь временно нейтрализовать социальные конфликты, но не решавшие проблемы в целом.

Бывшие царские военачальники во главе с А.В. Колчаком, будучи хорошо подготовленными в военном отношении профессионалами, оказавшись по стечению обстоятельств в роли политических и государственных деятелей, не имели достаточного опыта и времени для освоения искусства политики и государственного управления, которого требовала критическая ситуация противоборства с большевиками. В итоге они не сумели привлечь на свою сторону широкие массы народа, а потому не смогли полноценно мобилизовать материальные и человеческие ре-

сурсы и создать надежную опору власти — результативно действующий административно-управленческий аппарат. По мнению авторов, данное обстоятельство стало одной из главных причин поражения антибольшевистских сил в Гражданской войне, поскольку социум, лишенный функции самосохранения, обречен на гибель.

Анализ комплекса источников позволил выявить следующую закономерность: эффективность деятельности спецслужб была прямо пропорциональна политической, экономической и военной мощи белогвардейского государственного образования в Сибири. Так, в период формирования правительств и армий контрразведка также находилась в стадии становления, ее возможности ограничивались людскими и материальными ресурсами. На 1919 г., когда белые армии контролировали большую часть территории страны и вели активные наступательные операции на всех фронтах, приходится наивысшая активность армейских спецслужб, создаются органы госохраны и вступают в активную борьбу с противниками колчаковского режима. Перелом в ходе войны, отступление белогвардейских войск нанесли ощутимый удар по контрразведке и государственной охране, после чего они уже не могли выполнять свои задачи в прежнем объеме, а затем прекратили свое существование.

Обобщив опыт деятельности двух структур в рассматриваемый исторический период, авторы пришли к выводу, что они с помощью специальных методов смогли лишь минимизировать и частично нейтрализовать существовавшие угрозы колчаковской власти. В силу объективных причин их усилий оказалось недостаточно для обеспечения надлежащего уровня безопасности режима, что явилось одной из причин его поражения в Гражданской войне.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГШ — Академия Генерального штаба

ВАУ — военно-административное управление

ВГК — Верховный главнокомандующий

ВКО — военно-контрольное отделение

ГАИО — Государственный архив Иркутской области

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАТО — Государственный архив Томской области

ГАХК — Государственный архив Хабаровского края

Генквар — генерал-квартирмейстер

ГЖУ — губернское жандармское управление

ГО — государственная охрана

ГУГШ — Главное управление Генерального штаба

ДМ — Департамент милиции

ДП — Департамент полиции

ЖПУЖД — жандармское полицейское управление железных дорог

ИВО — Иркутский военный округ

КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога

КОМУЧ — комитет членов учредительного собрания
КРБ — контрразведывательное бюро
КРО — контрразведывательное отделение
КРП — контрразведывательный пункт
КРС — контрразведывательная структура
КРЧ — контрразведывательная часть
МИД — Министерство иностранных дел
МСБ — межпартийное социалистическое бюро
Наркомвоен — Народный комиссариат по военным
делам
НКВД — народный комиссариат внутренних дел
ОВК — отделение военного контроля
ОВО — Омский военный округ
ОГПУ — Объединенное государственное политиче-
ское управление
ОКЖ — Отдельный корпус жандармов
ОКРВК — отделение контрразведки и военного кон-
троля
ПриВО — Приамурский военный округ
ПСР — партия социалистов-революционеров
РВСР — Революционный военный совет Республики
РГВА — Российский государственный военный архив
РГВИА — Российский государственный военно-
исторический архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РККФ — Рабоче-крестьянский Красный Флот
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (боль-
шевиков)
РОВС — Российский общевойсковой союз
Сиббюро — Сибирское бюро
СНК — Совет народных комиссаров
ТВД — Театр военных действий

ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)

ЦКРО — центральное контрразведывательное отделение

ЦО — центральное отделение

ЦОВК — центральное отделение военного контроля

ЦОВКР — центральное отделение военной контрразведки

ЦРБ — центральное регистрационное бюро

ЦРУ — Центральное разведывательное управление

ЦХДНИ ОО — Центр хранения документов новейшей истории Омской области

ЧК — чрезвычайная комиссия

Приложение 2

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТ

**контрразведывательного отделения Полевого штаба
армии (Утвержден приказом управляющего Военным
ведомством № 52 от 30 августа 1918 г.)**

Должность	Кол-во чел.
Начальник отделения (штаб-офицер Генштаба или юрист)	1
Старший помощник начальника отделения (штаб-офицер)	1
Младший помощник начальника отделения (обер-офицер)	1
Для поручений (офицеров или чиновников)	6
Делопроизводитель	1
Помощник делопроизводителя	1
Старший наблюдатель (офицер или чиновник)	1
Письмоводители (по вольному найму)	2
Архивариус	1
Фотограф	1
Всего	16

ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 2. Д. 24. Л. 61.

Приложение 3

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТ

**Главного штаба Военного министерства (выписка
из временного штата отделов и отделений Главного
штаба 30 апреля 1919 г.)**

**4. Осведомительный отдел
а) Контрразведывательная часть**

Должность	Кол-во чел.
Начальник части	1
Секретарь	1
Чин для поручений	1
<i>Центральное отделение военной контрразведки</i>	
Начальник отделения	1
Делопроизводители	4
Помощники делопроизводителей	1
Чины для поручений (с высшим юридическим образованием)	4
Чины для поручений	4
Старшие наблюдатели	8
Фотограф	1
Переводчики	2
<i>Центральное регистрационное бюро</i>	
Заведующий бюро	1
Делопроизводители	4
Архивариус	1
Заведующий лабораторией (химик)	1
Фотографы	2
Всего	37

Приложение 4

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТ контрразведывательного отделения военно- окружного управления

Должность	Кол-во чел.
Начальник отделения	1
Помощники начальника отделения	4
Чины для поручений	3
Старшие наблюдатели	10
Фотограф	1
Переводчики	2
Всего	21

ГАРФ. Ф. р-150. Оп. 2. Д. 4. Л. 67 об.

Приложение 5

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТ отдельного пункта контрразведки в районе военного округа

Должность	Кол-во чел.
Начальник пункта	1
Делопроизводители	3
Чины для поручений (не менее половины с высшим юридическим образованием)	4
Старшие наблюдатели	5
Фотограф	1
Переводчик	1
Всего	15

ГАРФ. Ф. р-150. Оп. 2. Д. 4. Л. 69.

Приложение 6

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТ

**управления генерал-квартирмейстера при ВГК
(утвержден приказом № 316 и.о. начальника штаба
ВГК 12 апреля 1919 г.)**

5. Отдел контрразведки

Должность	Кол-во чел.
Начальник отдела (генерал-майор или полковник)	1
Помощник начальника отдела (штаб-офицер)	1
Штаб-офицер для поручений	1
Обер-офицер для поручений	1
Делопроизводитель (чиновник)	1
Архивариус	1
Машинистки	2
Писарь	1
Всего	9

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 17. Л. 37.

СПИСОК

**контрразведчиков и служащих государственной
охраны Белых правительств Востока России**

(Составлен по брошюре «Список контрразведчиков, милиции, официальных чинов Министерства внутренних дел Белых правительств», изданной ОГПУ в 1930 г.).

Абросимов П.Н. — служащий областного управления государственной охраны, Омск. 2.1919.

Аверкиев П.И. — делопроизводитель 7 класса Особого отдела государственной охраны, Омск. 3—9.1919.

Агарев В.Н. — и.о. управляющего Особым отделом государственной охраны, вице-директор Департамента милиции МВД, Омск.

Аксенин Т.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Александров Л.Д. — бывший полицейский пристав, помощник начальника Томского губернского управления государственной охраны. 7—8.1919.

Александров Н.В. — уполномоченный начальника Кокчетавского отдельного пункта государственной охраны (Акмолинская обл.). 2—7.1919.

Алексеев М.С. — старший агент Иркутского губернского управления государственной охраны. 8.1919.

Алексеев Н.А. — подпоручик, журналист Иркутского губернского управления государственной охраны, вр.и.о. начальника Черемховского уездного управления государственной охраны (Иркутская губ.). 6—8.1919.

Амброзович Г.П. — помощник начальника Енисейского губернского управления государственной охраны. 8.1919.

Андреев Г.О. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 1—9.1919.

Андреев М.П. — помощник начальника Иркутского губернского управления государственной охраны. 9.1919.

Анненков К.Н. — бывший жандармский штабс-ротмистр, начальник Хабаровского уездного управления государственной охраны (Приморская обл.). 6.1919.

Архангельский С.В. — бывший полицейский исправник, начальник Павлодарского уездного управления государственной охраны (Семипалатинская обл.). 7.1919.

Бабушкин В.А. — управляющий Особым отделом государственной охраны Департамента милиции МВД. 3—8.1919.

Бадьянов Г.М. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 3—9.1919.

Бажин С.П. — старший агент-наблюдатель Акмолинского областного управления государственной охраны. 4—9.1919.

Басов Ф.М. — помощник начальника Амурского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Башмачников В.А. — начальник Канского уездного управления государственной охраны (Енисейская губ.). 11.1919.

Бейгель А.О. — помощник начальника Томского губернского управления государственной охраны. 4—10.1919.

Беккер А.А. — ротмистр, помощник начальника Приморского областного управления государственной охраны. 6.1919.

Беликов И.Н. — старший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Белов И.В. — унтер-офицер Иркутского губернского управления государственной охраны. 4.1919.

Белявцев В.В. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 4—9.1919.

Беляев Е.В. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 2—10.1919.

Беляков В.Е. — чиновник для особых поручений Особого отдела государственной охраны, Омск. 1—4.1919.

Бетюцкий Н.И. — бывший начальник Хабаровской тюрьмы, переводчик Хабаровского уездного управления государственной охраны (Амурская обл.). 9.1919.

Бобров А.Н. — начальник Каинского уездного управления государственной охраны (Томская губ.). 8.1919.

Бодронков П.Т. — служащий управления государственной охраны, Омск.

Букас С.С. — начальник Селенгинского отдельного пункта государственной охраны (Забайкальская обл.). 9.1919.

Булахов В.А. — прикомандированный к Приморскому областному управлению государственной охраны. 7.1919.

Варфоломеев Г.А. — младший агент Уфимского, затем Енисейского губернского управления государственной охраны. 5—9.1919.

Вердеревский И.Е. — помощник начальника Енисейского губернского управления государственной охраны. 9.1919.

Вернер Ф.Ф. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Власов В.В. — начальник Нерчинско-Заводского уездного управления государственной охраны (Забайкальская обл.). 9.1919.

Войшвилло Е.М. — уполномоченный МВД при Иркутском губернском управлении государственной охраны. 11—12.1919.

Володин М.С. — старший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Воробьев Г.М. — служащий Иркутского губернского управления государственной охраны. 5.1919.

Вялых А.К. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Гаврилов П.Н. — обер-офицер для поручений при Иркутском губернском управлении государственной охраны. 9.1919.

Георгиевский Н.А. — чиновник для особых поручений Особого отдела государственной охраны Департамента милиции МВД. 3—5.1919.

Гештовт Н.А. — капитан, начальник Троицкосавского уездного управления государственной охраны (Забайкальская обл.). 9.1919.

Гладков В.И. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Гладышев В.В. — бывший начальник Харбинского сыскного отделения полиции, чиновник для особых поручений при Приморском областном управлении государственной охраны. 6.1919.

Глушков Н.Н. — служащий Иркутского губернского управления государственной охраны. 6.1919.

Годин В.А. — секретарь-переводчик Иркутского губернского управления государственной охраны. 6—12.1919.

Голованов Е.В. — помощник делопроизводителя 4 отделения Особого отдела государственной охраны Департамента милиции. 6—10.1919.

Горгопа Л.Я. — начальник Харбинского управления государственной охраны. 8.1919.

Гоцонога Д.К. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Грахов П.И. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 1—9.1919.

Грессеров А.П. — бывший полицейский исправник, секретарь Нижнеудинского уездного управления государственной охраны (Иркутская губ.). 11.1919.

Григорович В.П. — начальник Тобольского губернского управления государственной охраны. 4—6.1919.

Григорук К.И. — секретарь Алтайского губернского управления государственной охраны. 6.1919.

Григорьев М.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 4—9.1919.

Григорьев П.А. — служащий управления государственной охраны, Омск.

Гробарь П.Г. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Грозин Н.Н. — бывший полицейский урядник, служащий Иркутского губернского управления государственной охраны. 7.1919.

Губеанов Н.Ф. — помощник начальника Амурского областного управления государственной охраны, редактор «Амурских областных ведомостей». 10.1919.

Гущинский Д.Ф. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 4—10.1919.

Давыдов В.А. — помощник начальника Черемховского уездного управления государственной охраны (Иркутская губ.). 5—11.1919.

Даценков К.Г. — начальник Баргузинского отдельного пункта государственной охраны (Забайкальская обл.). 9.1919.

Деменев А.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Десятов И.В. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 8—10.1919.

Дешко М.З. — поручик военно-регистрационного отделения. 12.1918.

Джалалов Хасан-бек — служащий Приморского областного управления государственной охраны. 8.1919.

Динсберг К.Э. — начальник отделения наблюдателей КРО штаба Приамурского военного округа, начальник отдельного пункта государственной охраны в с. Шкотове Приморской обл. 8.1919.

Дирксен И.Д. — агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 8—10.1919.

Дружинин Б.Г. — обер-офицер для поручений отдела контрразведки и военного контроля (ОКРВК) управления 2-го генерал-квартирмейстера при штабе ВГК. 8.1919.

Дружинин И.А. — следователь красноярского пункта военного контроля штаба Сибирской армии. 2.1919.

Дударев А.П. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Дудин А.И. — старший агент Верхоленского уездного управления государственной охраны (Иркутская губ.). 9—10.1919.

Дьяченко Д.И. — военный следователь военного контроля штаба Сибирской армии. 4.1919.

Дюжаков М.И. — помощник начальника Акмолинского областного управления государственной охраны. 1—8.1919.

Евглевский И.Н. — чиновник для особых поручений Забайкальского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Евсеев С.П. — офицер для поручений Особого отдела государственной охраны Департамента милиции. 3.1919.

Егоров И.Г. — делопроизводитель Особого отдела государственной охраны Департамента милиции. 4—9.1919.

Еленевский С.С. — обер-офицер для поручений ОКРВК управления 2-го генерал-квартирмейстера при штабе ВГК. 8.1919.

Емельянов И.С. — младший унтер-офицер Иркутского губернского управления государственной охраны. 4.1919.

Ефремов А.С. — служащий регистрационного бюро Акмолинского областного управления государственной охраны. 5.1919.

Жаренков П.Л. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Жданов М.Н. — служащий Иркутского губернского управления государственной охраны. 8.1919.

Жиляков К.А. — бывший полицейский пристав, помощник начальника Алтайского губернского управления государственной охраны. 5.1919.

Журавский А.П. — начальник Петропавловского уездного управления государственной охраны (Акмолинская обл.). 6—8.1919.

Завадовский Б.Г. — секретарь Приморского областного управления государственной охраны. 7.1919.

Зайчек И.И. — начальник военного контроля штаба Сибирской армии. 2. 1919.

Заплатин Н.Н. — помощник начальника КРО при штабе 5-го отдельного Стерлитамакского корпуса. 3.1919.

Засыпкин Б.А. — помощник начальника Приморского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Захватович А.А. — офицер для поручений отделения военного контроля штаба Владивостокской крепости. 5.1919.

Злобин Н.П. — начальник отдела контрразведки (ОКР) при штабе ВГК. 12.1918.

Зудин К.И. — бывший полицейский пристав, начальник Минусинского уездного управления государственной охраны (Енисейская губ.). 5—10.1919.

Зыбин Е.Н. — бывший полицейский пристав, секретарь Алтайского губернского управления государственной охраны. 6.1919.

Зыбин Н.М. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Иванов А.И. — офицер контрразведки при штабе ВГК. 1919.

Иванов А.Ф. — служащий Иркутского губернского управления государственной охраны. 6.1919.

Иванов Л.А. — бывший жандармский полковник, начальник Забайкальского областного управления государственной охраны.

Иванов Н.К. — журналист Иркутского губернского управления государственной охраны. 5—8.1919.

Ивановский Г.Ф. — чиновник для поручений николюск-уссурийского КРО штаба Приамурского военного округа. 1919.

Ивановский К.Н. — начальник КРО при штабе ВГК, уполномоченный МВД. 12.1918.

Ивлев Л.С. — бывший жандармский полковник, начальник 4-го отделения Особого отдела государственной охраны. 6—8.1919.

Игнатов Н.И. — бывший жандармский ротмистр, начальник Алтайского губернского управления государственной охраны. 3—8.1919.

Иевлев В.П. — помощник начальника ОКРВК управления 2-го генерал-квартирмейстера при штабе ВГК. 5.1919.

Ильинский И.П. — начальник Семипалатинского областного управления государственной охраны.

Ион И.Ф. — офицер для поручений военного контроля штаба Сибирской армии. 10.1918—2.1919.

Капустин И.В. — служащий управления государственной охраны, Омск. 5.1919.

Караулов А.В. — помощник начальника центрального отдела контрразведки, начальник отдела контрразведки. 2—3.1919.

Карвовский Б.Н. — помощник начальника Приморского областного управления государственной охраны.

Карпов В.И. — офицер для поручений отдела контрразведки и военного контроля при штабе ВГК. 8.1919.

Карпов И.С. — служащий управления государственной охраны, Омск. 4.1919.

Карпов Ф.Г. — агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Кастрицын В.Л. — бывший начальник Омского губернского жандармского управления, начальник отделения Особого отдела государственной охраны Департамента милиции МВД.

Катарина А.М. — начальник 5-го регистрационного пункта при ВРО. 12.1918.

Кирпичников В.Д. — служащий управления государственной охраны, Омск. 2.1919.

Клаус И.В. — начальник КРО штаба Восточно-Сибирского военного округа. 9.1918.

Клаус Ф.Я. — штабс-капитан военно-контрольного пункта. 4.1919.

Климов Н.Д. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 1—9.1919.

Козленко М.И. — обер-офицер для поручений центрального отдела военного контроля при штабе ВГК.

Козлов Н.Н. — помощник начальника военного контроля штаба Сибирской армии. 2.1919.

Козырев К.Д. — помощник начальника Нерчинско-Заводского уездного управления государственной охраны (Забайкальская обл.). 9.1919.

Колесников Г.М. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Колодезников Н.В. — штаб-офицер для поручений отдела контрразведки и военного контроля при штабе ВГК. 7.1919.

Колокольников А.И. — служащий Иркутского губернского управления государственной охраны. 12.1919.

Коломиец И.О. — служащий управления государственной охраны, Омск.

Константинов Н.Г. — начальник отделения Особого отдела государственной охраны Департамента милиции. 6.1919.

Константинович В.П. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 3—9.1919.

Копылов А.Д. — агент Акмолинского областного управления государственной охраны.

Коровин К.К. — обер-офицер для поручений КРП. 7.1919. Новониколаевск.

Котлецов С.В. — обер-офицер для поручений отдела контрразведки и военного контроля при штабе ВГК. 8.1919.

Краснопевцев И.Д. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—11.1919.

Краснослободской В.Л. — обер-офицер центрального отделения военного контроля при штабе ВГК. 3.1919.

Красовский С.Г. — уполномоченный МВД по государственной охране в Забайкальской обл. 9.1919.

Крестецкий А.Ф. — помощник начальника Акмолинского областного управления государственной охраны. 2—4.1919.

Кромский В.И. — помощник начальника Иркутского губернского управления государственной охраны. 4—7.1919.

Кривошеин (Скиртов) П.Л. — начальник КРП 2-го отдельного Степного корпуса. 3.1919.

Кривцов Н.В. — начальник КРП. 5.1919. Г. Кузнецк.

Крыков В.А. — начальник военно-контрольного пункта. 9.1919.

Крюгер Э.Ф. — чиновник для особых поручений Томского губернского управления государственной охраны. 8.1919.

Кувшинов Н.Г. — служащий управления государственной охраны, Омск. 1.1919.

Кудряшов И.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 2—10.1919.

Кузнецов И.С. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 1—10.1919.

Кузнецов Ф.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 5—9.1919.

Куприянов Н.Л. — помощник начальника Акмолинского областного управления государственной охраны, затем начальник 5 КРО штаба Западной армии. 5.1919.

Кутырев П.П. — обер-офицер для поручений ОКРВК управления 2-го генерал-квартирмейстера при штабе ВГК. 3—9.1919.

Кучук П.И. — служащий Черемховского уездного управления государственной охраны (Иркутская губ.). 11.1919.

Кучумов А.Д. — агент-наблюдатель Департамента милиции. 1.1919.

Лавринов А.В. — штабс-капитан, прикомандированный к Иркутскому губернскому управлению государственной охраны. 7.1919.

Лазаренко А.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Лактюшин (Лохтюшин) А.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 5.1919.

Ланг Б.М. — чиновник для особых поручений Приморского областного управления государственной охраны. 6.1919.

Лаппо А.К. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 2—10.1919.

Ларин В.И. — подпоручик, начальник Атбасарского отдельного пункта государственной охраны (Акмолинская обл.).

Лебедев М.Ф. — служащий управления государственной охраны, Омск.

Лебедев Н.И. — начальник Благовещенского КРП штаба Приамурского военного округа. 1919.

Левизовар-Менар П.Р. — помощник начальника Енисейского губернского управления государственной охраны. 8.1919.

Лемешко В.Д. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Ленчинский П.И. — старший агент Уфимского губернского управления государственной охраны. 5.1919.

Лех С.М. — начальник Николаевского-на-Амуре уездного управления государственной охраны (Сахалинская обл.). 6—9.1919.

Лехмусар А.М. — начальник КРП, помощник начальника КРО штаба Приамурского военного округа. 8.1919.

Липовицкий А.Н. — офицер для поручений КРО штаба Приамурского военного округа. 1919.

Литвинцев Н.К. — бывший полицейский пристав, начальник Енисейского управления государственной охраны.

Лоскутов И.И. — младший агент Енисейского губернского управления государственной охраны. 10.1919.

Лохтин Ф.М. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 3—10.1919.

Лужбин П.А. — заведующий Ангарским отдельным пунктом государственной охраны (Иркутская губ.). 11—12.1919.

Лукаш М.М. — заведующий наружным наблюдением Приморского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Львов Н.В. — бывший начальник Екатеринбургско-Челябинского жандармско-полицейского управления железной дороги, управляющий Особым отделом государственной охраны Департамента милиции. 5—6.1919.

Любовицкий И.И. — уполномоченный МВД при Енисейском губернском управлении государственной охраны. 9.1919.

Макаров С.И. — заведующий Иманским отдельным пунктом государственной охраны (Приморская обл.). 8.1919.

Макушин В.Ф. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 3—10.1919.

Матвеев П.С. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Матейко В.В. — агент Иркутского губернского управления государственной охраны. 5—11.1919.

Матушкин А.А. — офицер для поручений ОКРВК управления 2-го генерал-квартирмейстера при штабе ВГК. 9.1919.

Матюхинский Н.А. — уполномоченный МВД по государственной охране в Забайкальской обл. 9.1919.

Мединцев В.В. — бывший помощник полицейского исправника, начальник Новониколаевского уездного управления государственной охраны (Томская губ.). 6—7.1919.

Менжуленко Н.Д. — секретарь Енисейского губернского управления государственной охраны. 9.1919.

Мергаут А.В. — офицер для военного контроля штаба Сибирской армии. 2.1919.

Микулин Н.Д. — секретарь Хабаровского уездного управления государственной охраны (Приморская обл.). 9.1919.

Миронов Ф.Н. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Михайловский А.В. — делопроизводитель Особого отдела государственной охраны Департамента милиции. 9.1919.

Михаленко С.Г. — помощник начальника Амурского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Монастыренко Ф.Е. — агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Монкевич А.П. — секретарь Иркутского губернского управления государственной охраны.

Мордовских А.Е. — старший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 4—10.1919.

Морозов В.А. — капитан-инженер, начальник Бодайбинского уездного управления государственной охраны (Иркутская губ.). 11.1919.

Морозов П.П. — агент Иркутского губернского управления государственной охраны. 6.1919.

Мухачев А.К. — помощник начальника Уфимского, затем Енисейского губернского управления государственной охраны. 5—8.1919.

Мятушкин П.Н. — чин для поручений, делопроизводитель ОКРВК управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба ВГК. 9.1919.

Насобин М.А. — служащий Иркутского губернского управления государственной охраны. 6.1919.

Недохлебов Г.Е. — старший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 8—10.1919.

Некрасов С.П. — уполномоченный МВД по государственной охране в Забайкальской обл. 9.1919.

Немысский А.А. — бывший жандармский ротмистр, начальник Приморского областного управления государственной охраны. 4.1919.

Николаев И.И. — офицер для поручений отдела контрразведки. 6.1919.

Николаев К.И. — секретарь Енисейского губернского управления государственной охраны. 10.1919.

Новиков В.В. — помощник начальника Алтайского губернского управления государственной охраны. 6.1919.

Обухов И.С. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 8—10.1919.

Ордин Н.Н. — бывший жандармский ротмистр, обер-офицер для поручений КРО штаба Сибирской армии. 12.1918—4.1919; помощник начальника Тобольского губернского управления государственной охраны, 6—9.1919.

Оренчук Ф.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Остроух И.Г. — бывший помощник полицейского исправника, помощник начальника Иркутского отделения военного контроля штаба Сибирской армии, 12.1918—2.1919; помощник начальника Иркутского губернского управления государственной охраны, 6—8.1919.

Павлов С.Г. — служащий КРО штаба Маньчжурского отряда атамана Семенова, 1.1918; помощник начальника Иркутского управления государственной охраны, 6.1919.

Павлюков А.А. — помощник начальника новониколаевского пункта военного контроля штаба Сибирской армии. 2.1919.

Панов М.П. — секретарь Енисейского губернского управления государственной охраны. 11.1919.

Патрик М.М. — помощник начальника Забайкальского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Пахомов С.Р. — секретарь Томского губернского управления государственной охраны. 5.1919.

Первушин А.М. — начальник отделения Особого отдела государственной охраны Департамента милиции МВД. 2—7.1919.

Перепелица Г.Е. — старший агент-наблюдатель Акмолинского областного управления государственной охраны,

1—5.1919; помощник секретаря Акмолинского областного управления государственной охраны, 10.1919.

Перович Н.М. — помощник начальника военного контроля штаба Сибирской армии. 2.1919.

Петров Д.К. — начальник Акмолинского уездного управления государственной охраны. 6.1919.

Петров М.А. — офицер для поручений Акмолинского областного управления государственной охраны. 6.1919.

Петров С.И. — следователь Томского отделения военного контроля штаба Сибирской армии. 12.1918.

Пилипенко А.Ф. — служащий управления государственной охраны, Омск. 3.1919.

Плотто М.В. — начальник новониколаевского КРП.

Полетаев Н.П. — служащий Бийского уездного управления государственной охраны (Алтайская губ.). 6.1919.

Полетика М.Я. — штаб-офицер для поручений ОКРВК управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба ВГК. 11.1918, 1.1920.

Половцева К.И. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Пономарев С.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Попа И.К. — помощник секретаря Приморского областного управления государственной охраны. 7.1919.

Попков А.И. — служащий управления государственной охраны. 4.1919.

Попов А.М. — начальник отдела полевого военного контроля ВРО. 11.1918.

Попов Б.С. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 8—9.1919.

Попов Н.П. — начальник КРО штаба Иркутского военного округа. 1918.

Посников В.Ф. — начальник Новониколаевского пункта военного контроля. 12.1918.

Потоцкий В.Е. — начальник отделения Особого отдела государственной охраны Департамента милиции МВД. 8.1919.

Прокопиук В.Ф. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 2—10.1919.

Прорвич А. — офицер для поручений КРО штаба Иркутского военного округа. 7.1919.

Равич И.С. — агент Иркутского губернского управления государственной охраны. 6.1919.

Раковский В.Ю. — старший агент Енисейского губернского управления государственной охраны. 9.1919.

Ранев Н.И. — служащий Особого отдела государственной охраны Департамента милиции МВД. 2.1919.

Репин Л.И. — служащий Иркутского управления государственной охраны. 5.1919.

Родной В.А. — обер-офицер Иркутского отделения военного контроля, 7.1918; помощник секретаря Иркутского губернского управления государственной охраны, 8.1919.

Рожков В.М. — служащий Приморского областного управления государственной охраны. 8.1919.

Романов М.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 2—10.1919.

Романов С.А. — управляющий Особым отделом государственной охраны Департамента милиции МВД; начальник Томского губернского управления государственной охраны. 1—10.1919.

Романчук А.П. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Рудов Н.Н. — начальник Уфимского, затем Енисейского губернского управления государственной охраны. 4—12.1919.

Рулев Н.И. — старший агент управления государственной охраны, Омск. 9.1919.

Руссиянов В.Н. — начальник Акмолинского областного управления государственной охраны. 4.1919.

Рутковский И.Н. — агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Рындин М.К. — начальник ВРО—ВРС. 1918—1919.

Рятсен Р.П. — подпоручик, служащий Иркутского губернского управления государственной охраны. 6.1919.

Савельев Н.П. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Савичев С.П. — начальник Черемховского уездного управления государственной охраны (Иркутская губ.). 9—10.1919.

Савчук А.Н. — начальник Енисейского уездного управления государственной охраны. 10.1919.

Семеник П.С. — офицер для поручений при начальнике новониколаевского КРП. 7.1919.

Семенов Л.Я. — помощник начальника Акмолинского областного управления государственной охраны. 1—6.1919.

Сидоров Н.Н. — войсковой старшина, служащий Енисейского губернского управления государственной охраны. 10.1919.

Симонов Д.М. — секретарь Нерчинско-Заводского уездного управления государственной охраны (Забайкальская обл.). 9.1919.

Сиротинский А.П. — помощник секретаря Алтайского губернского управления государственной охраны. 6.1919.

Ситников И.П. — служащий Иркутского управления государственной охраны. 6.1919.

Скальский М.А. — заведующий Балаганским отдельным пунктом государственной охраны (Иркутская губ.). 8.1919.

Склауни Н.И. — командир сотни Пермского ОМОНа, затем помощник начальника Алтайского губернского управления государственной охраны. 7.1919.

Скородумов И.Г. — служащий управления государственной охраны, Омск. 5.1919.

Скродерен Ю.И. — подпоручик, служащий Иркутского губернского управления государственной охраны. 8.1919.

Смирнов Н.А. — начальник Иркутского отделения военного контроля штаба Сибирской армии, 2—4.1919; начальник Иркутского губернского управления государственной охраны, 5—7.1919.

Смирнов Н.Ф. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 8—10.1919.

Соколов В.А. — начальник Верхотенского уездного управления государственной охраны (Иркутская губ.), затем помощник начальника Иркутского губернского управления государственной охраны. 7—9.1919.

Соколов Д.А. — помощник начальника Забайкальского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Соловьев Ф.С. — обер-офицер КРО 6-го Уральского корпуса, затем помощник начальника Канского уездного управления государственной охраны (Енисейская губ.). 9.1919.

Сорокин А.В. — секретарь Верхотенского уездного управления государственной охраны (Иркутская губ.). 9.1919.

Спиридонов М.Е. — филер управления государственной охраны, Омск. 4.1919.

Спрингович И.А. — начальник штаба охраны г. Самары. 9.1918.

Степаненко Ф.Г. — начальник новониколаевского отделения военного контроля штаба Сибирской армии. 2.1919.

Стец М.С. — помощник начальника уездного управления государственной охраны. 9.1919.

Сурин А.Н. — старший агент-наблюдатель государственной охраны, Омск. 5—10.1919.

Сычев А.Г. — офицер для поручений ОКРВК управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба ВГК. 8.1919.

Сычев К.Ф. — младший агент Уфимского губернского управления государственной охраны. 5.1919.

Талызин В.А. — поручик, начальник Атбасарского отдельного пункта государственной охраны (Акмолинская обл.). 5.1919.

Теплухин А.И. — служащий управления государственной охраны, Омск. 1.1919.

Тескин И.В. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 8—10.1919.

Тимофеев И.Д. — заведующий наружным наблюдением управления государственной охраны, Омск. 6—8.1919.

Толстихин Н.Я. — подпоручик, офицер для поручений Томского губернского управления государственной охраны. 9.1919.

Трескин А.П. — офицер для поручений Акмолинского областного управления государственной охраны. 6.1919.

Трофимов А.И. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 1—9.1919.

Тюнин С.И. — младший агент Енисейского губернского управления государственной охраны. 9—10.1919.

Федоров И.М. — поручик, начальник Нижнеудинского уездного управления государственной охраны (Иркутская губ.). 8.1919.

Федоров П.Н. — уполномоченный МВД при Енисейском губернском управлении государственной охраны. 11.1919.

Федотовских А.В. — старший агент-наблюдатель Акмолинского областного управления государственной охраны, 5.1919; секретарь Акмолинского областного управления государственной охраны, 8—10.1919.

Фефелов А.С. — служащий Уфимского губернского управления государственной охраны, затем старший агент Енисейского губернского управления государственной охраны. 8—10.1919.

Филипповых П.Я. — разведчик военно-контрольного пункта. 6.1919. Г. Новониколаевск.

Френкель А.Л. — бывший полицейский пристав, помощник начальника Енисейского губернского управления государственной охраны. 5—12.1919.

Хилковский А.И. — уполномоченный МВД по государственной охране в Забайкальской обл. 9.1919.

Хомяков В.А. — помощник начальника Акмолинского областного управления государственной охраны. 4.1919.

Цявловский В.Ф. — бывший полицейский исправник, начальник Ачинского уездного управления государственной охраны (Енисейская губ.). 9.1919.

Чашин Н.И. — младший агент Уфимского губернского управления государственной охраны. 5.1919.

Черкасов И.Г. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 3—10.1919.

Черненко В.И. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 2—10.1919.

Черченко Н.А. — чиновник для особых поручений Особого отдела государственной охраны Департамента милиции МВД. 3—4.1919.

Четвериков И.Н. — служащий управления государственной охраны, Омск. 3.1919.

Чихачев И.Я. — помощник начальника КРО штаба Иркутского военного округа. 1918.

Чунков К.С. — обер-офицер для поручений ОКРВК управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба ВГК. 9.1919.

Чучалин Х.И. — старший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 1—9.1919.

Шалахин М.Г. — служащий управления государственной охраны, Омск. 4.1919.

Шаповалов Г.И. — наблюдатель КР при Ставке, младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Швыдкин А.И. — младший агент Енисейского губернского управления государственной охраны. 10.1919.

Широков Д.К. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 3—10.1919.

Шитухин П.И. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Шмаков Е.М. — агент Иркутского губернского управления государственной охраны. 9.1919.

Шмыков И.А. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9.1919.

Шумилов В.И. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 5—10.1919.

Яковлев И.Я. — младший агент Акмолинского областного управления государственной охраны. 9—10.1919.

Якубовский И.В. — служащий управления государственной охраны, Омск. 1.1919.

Яниос В.П. — начальник Амурского областного управления государственной охраны. 1919.

ТАБЛИЦА
по руководящему составу органов Государственной
охраны при правительстве А.В. Колчака

№ п/п	Ф.И.О., год рождения	Чин и должность в Гос. охране	Чин и должность до февраля 1917 г.	Стаж жандармско- полицейской службы на 1917 г. /в т.ч. в должности не ниже начальника губерн. жандармского управ- ления/
1	Бабушкин Василий Алексан- дрович, 1857 г. рожд.	Генерал-майор, управ- ляющий Особым отделом гос. охраны Департамен- та милиции МВД	Генерал-майор, начальник Сим- бирского губерн- ского жандармско- го управления	30 лет /13 лет/
2	Руссиянов Виктор Николаевич, 1879 г. рожд.	Полковник, начальник Акмолинского областного управления гос. охраны	Капитан, служил в интендантстве	-
3	Игнатов Николай Иванович, 1876 г. рожд.	Подполковник, начальник Алтайского губернского управления гос. охраны	Ротмистр, началь- ник отделения Владикавказского железнодорожного жандармского управления	9 лет /-/
4	Смирнов Николай Алексан- дрович, 1879 г. рожд.	Подполковник, начальник Иркутского губернского управления гос. охраны	Ротмистр, помош- ник начальника Енисейского губернского жандармского управления	10 лет /-/
5	Иванов Леонид Алексан- дрович, 1873 г. рожд.	Полковник (к дек. 1919 — генерал-майор), начальник Забайкальско- го областного управления гос. охраны	Полковник, на- чальник Енисей- ского губернского жандармского управления	17 лет /1 г/

№ п/п	Ф.И.О., год рождения	Чин и должность в Гос. охране	Чин и должность до февраля 1917 г.	Стаж жандармско- полицейской службы на 1917 г. /в т.ч. в должности не ниже начальника губер. жандармского управ- ления/
6	Немыцкий Альвиан Алексан- дрович, 1878 г. рожд.	Полковник (в 1920 — генерал-майор), на- чальник Приморского областного управления гос. охраны	Подполковник, начальник контрразведки Приамурского во- енного округа	? /3 г./
7	Григорович Василий Павлович, 1861 г. рожд.	Полковник, начальник Тобольского губернского управления гос. охраны	Полковник, на- чальник жандарм- ского полицей- ского управления Забайкальской ж. д.	? /5 лет/
8	Романов Сергей Алексан- дрович, 1856 г. рожд.	Генерал-майор, началь- ник Томского губернского управления гос. охраны, ранее — и.д. управляю- щего Особым отделом	Генерал-майор, начальник Том- ского губернского жандармского управления, с 1913 г. — в от- ставке	26 лет /10 лет/
9	Рудов Николай Николаевич, 1879 г. рожд.	Полковник, начальник Уфимского, затем Енисейского губернского управления гос. охраны	Подполковник, начальник отде- ления Пермского железнодорожно- го жандармского управления	13 лет /-/
10	Горгопа Леонид Яковлевич, 1858 г. рожд.	Полковник, начальник Харбинского управления гос. охраны	Полковник, начальник железнодорож- ного полицей- ского управления КВЖД	? /6 лет/
11	Ильинский Илья Порфирьевич	Вр.и.д. начальника Семи- палатинского областного управления гос. охраны	Учитель словес- ности мужской гимназии, коллеж- ский советник	-
12	Яниос В.П.	Вр.и.д. начальника Амурского областного управления гос. охраны	Коллежский ассессор	

ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 14 «б». Лл. 147—148; Д. 21; Д. 39; Д. 81; Д. 111; Д. 138;
Д. 203; Д. 204; Д. 210; Д. 232; Оп. 8. Д. 32; Ф. р-9427. Оп. 1. Д. 374.

Приложение 9

СПИСОК

губернских, областных, уездных управлений и отдельных пунктов государственной охраны на территории Российского правительства А.В. Колчака

№	Губернии (области)	Губернские (областные) управления	Уездные управления	Отдельные пункты
1	Акмолинская	Акмолинское	Акмолинское Петропавловское	Омский Атбасарский Кокчетавский
2	Алтайская	Алтайское	Бийское Змеиногорское Каменское Славгородское	Барнаульский Каракорум-Алтайский
3	Амурская	Амурское		
4	Енисейская	Енисейское	Ачинское Енисейское Канское Минусинское	Красноярский
5	Забайкальская	Забайкальское	Верхнеудинское Нерчинское Троицкосавское	Акшинский Баргузинский Селенгинский Читинский Нерчинский
6	Иркутская	Иркутское	Бодайбинское Верхотенское Нижнеудинское Черемховское	Ангарский Балаганский Иркутский Киренский Тункинский Эхирикс-Булагатский
7	Камчатская			Петропавловск- Камчатский

№	Губернии (области)	Губернские (областные) управления	Уездные управления	Отдельные пункты
8	полоса отчуждения КВЖД	Харбинское		
9	Оренбургская	Оренбургское	Верхнеуральское Орское Троицкое Челябинское	Оренбургский
10	Пермская	Пермское	Екатеринбургское Ирбитское Камышловское Красноуфимское Кунгурское	Верхотурский Соликамский Пермский Чердынский
11	Приморская	Приморское	Николаевское-на-Амуре Никольск-Уссурийское Хабаровское	Иманский Ольгинский
12	Сахалинская			Александровский
13	Семипалатинская	Семипалатинское	Павлодарское Усть-Каменогорское	Зайсанский Каркалинский Семипалатинский
14	Семиреченская	Семиреченское	Верненское	Джаркентский Копальский Лепсинский Пишпекский Пржевальский Сергиопольский
15	Тобольская	Тобольское	Курганское Тюкалинское Тюменское Ялуторовское	Березовский Ишимский Сургутский Тарский Тобольский
16	Томская	Томское	Каинское Кузнецкое Маринское Новониколаевское	Анжерский Татарский Тогурский Томский Щегловский
17	Тургайская	Тургайское		Актюбинский Иршеский Кустанайский Тургайский
18	Уральская	Уральское		
19	Урянхайский край			Белоцарский
20	Уфимская	Уфимское	Бирское Златоустовское Стерлитамакское	Белебеевский Мензелинский Уфимский
21	Якутская			Якутский

ПРАВИЛА

о службе агентов наружного наблюдения

§1. Наружное наблюдение является одним из основных приемов для выяснения деятельности государственных преступников.

§2. При каждом учреждении государственной охраны должен состоять определенный штат агентов наружного наблюдения /филеров/.

§3. Наблюдение может быть возложено как на отдельных агентов, так и на нескольких совместно /летучие отряды/.

§4. Агенты делятся на старших и младших.

§5. Агенты должны обладать отличными нравственными и физическими качествами и хорошей грамотностью.

§6. Желая поступить на службу агентом должен подать на имя начальника (губернского. — *Авт.*) управления государственной охраны прошение. От него при приеме отбирается подписка об обязательстве прослужить не менее 6 месяцев, сохранять в тайне все служебные поручения и не вступать в партийные организации с предупреждением об ответственности по ст[атьям] 643, 644 и 645 Уг[оловного] Улож[ения].

§7. При приеме на службу агента начальник управления назначает комиссию для проверки его годности к несению наружной службы.

§8. Расходы по наблюдению агентов оплачиваются по действительной стоимости, удостоверенной заведывающим наружным наблюдением.

§9. Агент, не удовлетворяющий требованиям службы, увольняется без объяснения причин, и ему никаких удостоверений о службе в государственной охране не выдается.

§10. Непосредственным начальником агента является заведывающий наружным наблюдением. Он ведет наряды агентов, свидетельствует подаваемые ему счета и составляет сводки наружного наблюдения. Он обязан поддерживать в команде агентов дисциплину, объявляя нарушившему ее в первый раз предостережение, а во второй раз представляя агента к увольнению.

§11. Агент получает распоряжения и приказания только от заведующего наружным наблюдением и начальника управления.

§12. Агентам предоставляется право задержания и обыска лиц, явно готовящихся к производству террористических актов.

Подлинный подписал: Вр. исп. об. управляющего Особым отделом государственной охраны Львов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

а) Нормативно-правовые акты

Положение о полевом управлении войск в военное время. — Пг., 1914. — 154 с.

Положение о лицах, опасных для государственного порядка вследствие принадлежности к большевистскому бунту // Правительственный вестник. — 1919. — 19 июля.

Свод военных постановлений 1869 г. Кн. 1—24. Военное министерство и особые высшие установления. — Пб.: Гос. тип., 1907.

Свод законов Российской империи, дополненных по положениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшими узаконениями 1911 и 1912 гг.; сост. Н.Е. Озерецковский, П.С. Цыпин. — Изд. 2-е. — СПб.: Гос. тип., 1913. — 790 с.

Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1919. № 6. [Электронный ресурс] // Исторические материалы [сайт]. — Электрон. дан. [Б.м.] — Режим доступа: <http://istmat.info/node/35565> — Загл. с экрана.

б) Сборники документов и отдельные документы

Борьба с колчаковщиной: сб. док. — М.—Л.: Гос. изд-во, 1926. — 232 с.

В борьбе с контрреволюцией. — Омск, 1959.

Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака [Электронный ресурс] / под общ. ред. А.Н. Сахарова и В.С. Христофорова; авт. С.В. Дроков и [др.]. — М., 2003. // Институт российской истории РАН [сайт]. — Электрон. дан. — [М.], [200—]. — Режим доступа: <http://www.iri-ran.ru/trukan.html> — Загл. с экрана.

В.И. Ленин и ВЧК: сборник документов (1917—1922 гг.). — М.: Политиздат, 1975. — 680 с.

Допрос Колчака. Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака: стенографический отчет [Электронный ресурс] / Центрархив. — Л.: Госиздат, 1925. // Военная литература [сайт] — Электрон. дан. — [М.,] 2001—2012 — Режим доступа: <http://militera.lib.ru/docs/1917—20/db/kolchak/index.html> — Загл. с экрана.

Из истории Гражданской войны в СССР: сб. документов и материалов. В 3 т. Т. 2. Март 1919 — февраль 1920. — М., 1961. — 895 с.

Окрест Колчака: документы и материалы / Под ред. А.В. Квакина. — М.: Аграф, 2007. — 512 с.

Подвиг Центросибири. Сб. док. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. — 480 с.

Подлинные протоколы допросов адмирала А.В. Колчака и А.В. Тимиревой // Отечественные архивы. — 1994. — № 5. — С. 84—97.

в) Произведения биографического и мемуарного характера

Борьба за Урал и Сибирь: воспоминания и статьи участников борьбы с учредилкой и колчаковской контрреволюцией / под ред. И.Н. Смирнова, И.П. Флеровского, Я.Я. Грунта. — М.; Л., Госиздат, 1926. — 388 с.

Будберг А. Дневник /А. Будберг // Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. — М.: АСТ: Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2005. — С. 231—322.

Гиацинтов Э.Н. Записки белого офицера /Э.Н. Гиацинтов. СПб.: Интерполиграфцентр, 1992. — 272 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920: впечатления и мысли члена Омского правительства / Г.К. Гинс. — М.: Крафт+, 2007. — 704 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак / Г.К. Гинс. — М.: Айрис Пресс, 2008. — 672 с.

Гинс Г. Крушение колчаковщины / Г. Гинс // Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. — М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2005. — С. 323—394.

Гревс В. Американская авантюра в Сибири. 1918—1920 / В. Гревс. — М.: Госвоениздат, 1932. — 248 с.

Джунковский В.Ф. Воспоминания /Под общей редакцией А.Л. Паниной: в 2 т. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. Т. 2. — 686 с.

Дневник Петра Васильевича Вологодского // За спиной Колчака: Документы и материалы / А. Квакин; под ред. А.В. Квакина. — М.: Аграф, 2005. — С. 47—302.

Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: документы и материалы /

А. Квакин; под ред. А.В. Квакина. — М.: Аграф, 2005. — С. 325—510.

Курлов П.Г. Гибель Императорской России. — М.: Современник, 1992. — 255 с.

Лермонтов А.Г. Воспоминания [Электронный ресурс] @ L3 (Сайт Л.Л. Лазутина). — Электрон. дан. [Б. м.], 2000. — Режим доступа: <http://www.xxl3.ru>. — Загл. с экрана.

Мартынов Е.И. Из печального опыта Русско-японской войны [Электронный ресурс] Е.И. Мартынов. — СПб., 1906// cruiserx.narod.ru Электрон. дан. — [Б. м.] — Режим доступа: <http://cruiserx.narod.ru/martynov/martynov.htm> — Загл. с экрана.

Ника. Воспоминания жандармского офицера // Жандармы России: [Полит. розыск в России, XV-XX вв.: новейшие исслед.: сб. ст.; сост. и предисл. В.С. Измозик]. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА—ПРЕСС, 2002. — С. 543—566.

«Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. / В 2 т. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 512+600 с.

Сахаров К. Белая Сибирь / К. Сахаров // Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. — М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2005. — С. 175—230.

Сахаров К.В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918—1920 годов). [Электронный ресурс]. — Мюнхен, 1923 // PROVIDENIE.NAROD.RU [сайт] — Электрон. дан. — [М.], 2009. — Режим доступа: <http://providenie.narod.ru/0000516.html>. — Загл. с экрана.

Серебренников И.И. Гражданская война в Сибири. Великий отход. Т. 1. — М.: АСТ, 2003. — 695 с.

Спиридович А.И. Записки жандарма [Электронный ресурс]/А.И. Спиридович. — Харьков: изд-во «Пролетарий», 1928 // Мировоззрение Русской цивилизации: сайт. — Электрон. дан. — [М.], 2008—2013. — Режим доступа: http://www.razumei.ru/files/others/pdf/Spiridonovitch_Zapiski_zhandarma.pdf — Загл. с экрана.

Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. 1919—1927 гг./ М.Н. Тухачевский. — М.: Воениздат, 1964. — 321 с.

Устрялов Н.В. Дневник / Н.В. Устрялов // Русское прошлое. — № 2. — СПб., 1991. — С. 305.

Филатьев Д. Катастрофа Белого движения в Сибири / Д. Филатьев // Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. — М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2005. — С. 7—128.

Чекисты Красноярья / Сост. В.М. Бушуев. — Красноярск: Кн. изд-во, 1991. — 428 с.

2. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 102. Департамент полиции. Оп. 316. Д. 356. Т. 1, 730.

Ф. р-147. Департамент милиции Министерства внутренних дел Российского правительства (А.В. Колчака). Оп. 1. Д. 8, 14 «б», 18, 21, 39, 47, 50, 81, 83, 111, 138, 179, 194, 203, 204, 210, 232; Оп. 7. Д. 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 22 «б», 24, 25, 39; Оп. 8. Д. 1 «б», 2 «а»,

2 «б», 2 «в», 2 «г», 2 «д», 14, 15, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 26, 32, 35, 37; Оп. 10. Д. 40, 42, 106, 116, 120.

Ф. р-150. Главное законодательно-финансовое управление военного министерства Российского правительства. Оп. 2. Д. 4.

Ф. р-176. Совет министров Российского правительства (А.В. Колчака). Оп. 2. Д. 23, 24, 26; Оп. 3. Д. 20, 27, 38; Оп. 4. Д. 18.

Ф. р-1700. Министерство внутренних дел Российского правительства (А.В. Колчака). Оп. 4. Д. 9, 41; Оп. 7. Д. 1.

Ф. р-5793. Рябиков Павел Федорович, генерал, профессор академии Генерального штаба. 1875—1932. Оп. 1. Д. 1 г.

Ф. р-5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов. 1859—1944. Оп. 1. Д. 161, 433, 518, 605.

Ф. р-6219. Коллекция документов штаба Верховного главнокомандующего А.В. Колчака. Оп. 1. Д. 10, 11, 26, 34.

Ф. р-7490. Коллекция документов Российского правительства (стенографическая запись допроса Колчака и другие документы). Оп. 1. Д. 1, 4.

Ф. р-9427. Коллекция материалов учреждений и воинских частей белых. Оп. 1. Д. 374.

Российский государственный военный архив (РГВА)

РГВА. Ф. 6. Полевой штаб Реввоенсовета Республики. Оп. 3. Д. 9, 12, 14, 25.

Ф. 39466. Главный штаб Военного министерства. Оп. 1. Д. 10, 19, 20, 46, 53; Оп. 2. Д. 6.

Ф. 39483. Управление Восточного фронта. Оп. 1. Д. 29.

Ф. 39498. Управление 2-го Степного Сибирского отдельного корпуса (бывш. Степной корпус, 2-й Степной

Сибирский корпус, 2-й Степной Сибирский армейский корпус, 2-й Степной Сибирский отдельный корпус). Оп. 1. Д. 7.

Ф. 39499. Штаб Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Оп. 1. Д. 13, 15, 16, 17, 18, 25, 30, 32, 34, 73, 81, 110, 114, 119, 123.

Ф. 39507. Управление Приамурского военного округа. Оп. 1. Д. 31, 32, 37, 46, 47, 50, 56, 112, 115.

Ф. 39515. Управление Иркутского военного округа (1-е и 2-е формирования, бывш. Восточно-Сибирский ВО, Средне-Сибирский ВО). Оп. 1. Д. 125, 131, 133.

Ф. 39532. Штаб главнокомандующего всеми вооруженными силами восточной окраины. Оп. 1. Д. 44.

Ф. 39551. Главный штаб Народной армии. Оп. 1. Д. 17.

Ф. 39597. Военное министерство Всероссийского правительства. Оп. 1. Д. 100.

Ф. 39617. Управление Сибирской армии (бывш. Западно-Сибирской армии). Оп. 1. Д. 196, 240, 246.

Ф. 39730. Управление отдельной Гродековской группы войск. Оп. 1. Д. 2, 11, 24, 25.

Ф. 39736. Управление Сибирской армии. Оп. 1. Д. 72, 75, 79, 90.

Ф. 40213. Приказы, приказания, объявления, циркуляры. Коллекция. Оп. 1. Д. 59.

Ф. 40218. Отдел контрразведки штаба верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Оп. 1. Д. 1 а, 7, 8, 9, 11, 18, 19, 64, 87, 88, 89, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 105, 118, 126, 140, 166, 206, 348, 424.

Ф. 40226. Ново-Николаевский контрразведывательный пункт (бывш. Ново-Николаевский пункт военного контроля).

Ф. 40228. Харбинское контрразведывательное отделение.

Ф. 40308. Коллекция документов белогвардейских объединений, соединений, частей и учреждений «Особая Varia». Оп. 1. Д. 11, 67, 74, 88, 96, 113, 122, 132.

Российский государственный военно-исторический архив

Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 13. Д. 23.

Ф. 1468. Штаб Иркутского военного округа. Оп. 2. Д. 697.

Государственный архив Иркутской области

Ф. р-2. Управляющий Иркутской губернией. Оп. 1. Д. 374.

Государственный архив Новосибирской области

Ф. р-158. Пепеляев А.Н., Пепеляев В.Н. Оп. 1. Д. 2.

Государственный архив Томской области

Ф. р-1. Томская губернская земская управа. Оп. 1. Д. 81.

Ф. р-810. Томское губернское управление государственной охраны. Оп. 1. Дд. 3, 4.

Ф. р-1362. Управляющий Томской губернией. Оп. 1. Д. 323, 397.

Государственный архив Хабаровского края
Ф. 830. Главное бюро по делам российских эмигрантов
в Маньчжурии.

**Центр хранения документов новейшей истории
Омской области**

Ф. 19. Истпарт. Оп. 1. Д. 219, 221, 224.

**3. СПРАВОЧНО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ
И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ**

Библиография русской революции и Гражданской войны (1917—1921). Из каталога библиотеки Р.З.И. Архива; под ред. Яна Славика; сост. С.П. Постников. Прага, 1938. — 448 с.

Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 10. Италики / гл. ред. А.М. Прохоров. — Изд. 3-е. — М.: Сов. Энциклопедия, 1972. — 592 с.

Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2009 [Электронный ресурс]: современная электронная универсальная энцикл. — Электрон. дан. и прогр. — М., 2009. — 2 электрон. опт. диска (DVD-ROM): зв., цв. — Систем. требования: IBM PC: MS Windows 2000/XP/Vista, Celeron 600 ГГц, 128 Мбайт ОЗУ; 64 Мб DirektX9-совместимая звуковая карта, 8х DVD-ROM, клавиатура, мышь. — Загл. с экрана.

Военный энциклопедический словарь. — М.: Военное издательство, 2007. — 872 с.

Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. Вавилония—Гюйс / пред. глав. ред. комисс. П.С. Грачев. — М.: Воениздат, 1994. — 544 с.

Волков Е.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: биографический справочник / Е.В. Волков, Н.Д. Егоров, И.В. Купцов. — М.: Русский путь, 2003. — 240 с.

Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны / С.В. Волков. — СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 672 с.

Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917—1922 гг.: Справочные материалы. — М.: Русский путь, 2009. — 895 с.

Колпакиди А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия / Александр Колпакиди, Александр Север. — М.: Яуза: Эксмо, 2010. — 768 с.

Контрразведывательный словарь. — М.: ВКШ при СМ СССР, 1972. — 271 с.

Купцов И.В., Буюков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. — М.: Кучково поле, 2011. — 672 с.

Плеханов А.А., Плеханов А.М. Всероссийская чрезвычайная комиссия СНК. (7 (20) — декабря 1917—6 февраля 1922). Краткий справочник. — М.: СВГБ, 2011. — 528 с.

Путеводитель по фондам Белой армии; Рос. гос. воен. архив; сост. Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М. Чинова. — М.: Русское библиографическое общество, изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 526 с.

Путеводитель. Т. 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории Белого движения и эмиграции. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 794 с.

Революция и Гражданская война в России: 1917—1923 гг.: Энциклопедия. В 4 т. — М.: ТЕРРА, 2008. Т. 1. — 558 с.

Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред.: А.М. Прохоров. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. — Кн. 1: А—Н, Кн. 2: Н—Я. — 2015 с.

С Колчаком — против Колчака: крат. биограф. слов.; крат. указ. учреждений и организаций; крат. указ. лит. по истории Гражд. войны в Сибири / сост. и науч. ред. А.В. Квакин. — М.: Аграф, 2007. — 448 с.

Философский словарь; под ред. И.Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Республика, 2001. — 719 с.

Фонды ГАРФ по истории России XIX — начала XX в. Т.1. Путеводитель. — М.: РОССПЭН 1994.

Энциклопедия военной разведки России / авт.-сост. А.И. Колпакиди. — М.: ООО «Издательство «Астрель»; ООО «Издательство «АСТ»; ОАО «ВЗОИ», 2004. — 604 с.

Энциклопедия секретных служб России / авт.-сост. А.И. Колпакиди. — М.: ООО «Издательство «Астрель»; ООО «Издательство «АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. — 800 с.

4. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск), 1918.

Вестник Тобольской губернии (Тобольск), 1919.

Правда (М.), 1918—1920.

Известия ВЦИК (М.), 1918—1920.

Правительственный вестник (Омск), 1918—1919.

5. ЛИТЕРАТУРА

а) Монографии, научные и научно-популярные издания

Абрамов В. Контрразведка. Щит и меч против Абвера и ЦРУ. — М.: Яуза; Эксмо, 2006. — 316 с.

Агентура в разведке и контрразведке / Авт.-сост. В.М. Землянов, под общей ред. А.Е. Тараса. — Мн.: Харвест, 2007. — 432 с.

Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней / Н. Батюшин. [Б. м.] ООО «X-History», 2002. — 259 с.

Белая книга российских спецслужб; науч.-ред. совет А.И. Подберезкин [и др.] — Изд. 2-е, перераб. — М.: Обзоратель, 1996. — 268 с.

Бордюгов Г.А. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки / Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков, В.Ю. Чураков. — М.: Русский мир, 1998. — 320 с.

Военная контрразведка. История, события, люди / В.С. Христофоров, С.А. Коренков, А.Ю. Бондаренко и др. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 256 с.

Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны / Е.В. Волков. — Иркутск, 2005. — 300 с.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. — М.: Воениздат, 1993. [Электронный ресурс] //Адьютант: сайт. — Электрон. дан. — [Б.м.] Режим доступа: <http://www.adjudant.ru/officer/000.htm/> — Загл. с экрана.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства / С.В. Волков. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. — 509 с.

Всемирная история шпионажа / Автор-составитель М.И. Умнов. — М.: Олимп; ООО «Издательство «АСТ», 2000. — 496 с.

Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики / С.Н. Галвазин. — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001. — 192 с.

Галин В.В. Интервенция и Гражданская война / В.В. Галин. — М.: Алгоритм, 2004. — 608 с.

Галин В.В. Запретная политэкономия. Красное и белое / В.В. Галин. — М.: Алгоритм, 2006. — 608 с.

Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы: монография / В.И. Голдин; — Мурманск: МГТУ, 2012. — 333 с.

Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века: Монография/ В.И. Голдин. — Архангельск: Солти; СПб.: Полторак, 2010. — 576 с.

Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы) / В.И. Голдин. — Архангельск: Изд-во «Боргес», 2000. — 280 с.

Голдин В.И. Русский Север в историческом пространстве российской Гражданской войны / В.И. Голдин, П.С. Журавлев, Ф.Х. Соколова. — Архангельск: Изд-во «СОЛТИ», 2005. — 350 с.

Голуб П.А. Белый террор в России (1918—1920 гг.) / П.А. Голуб. — М.: Изд-во «Патриот», 2006. — 479 с.

Гражданская война в СССР / под общ. ред. Н.Н. Азовцева. — М.: Воениздат, 1980. — 368 с.

Гражданская война в СССР / Под общ. ред. Н.Н. Азовцева. — М.: Воениздат, 1986. — 447 с.

Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпионмания и реальные проблемы / Н.В. Греков. — М.: МОНФ, 2000. — 355 с

Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа / А. Даллес; пер. с нем. В.Г. Чернявского, Ю.Д. Чупрова. — М.: Центрполиграф, 2000. — 427 с.

Дворянов Н.В. В тылу Колчака / Н.В. Дворянов, В.Н. Дворянов. — М.: Мысль, 1966. — 262 с.

Дегтярев К. СМЕРШ / К. Дегтярев, А. Колпакиди. — М.: Яуза; Эксмо, 2009. — 736 с.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М.: Высшая школа, 1968. — 368 с.

Жаров С.Н. История оперативно-розыскной деятельности и ее правового регулирования в России (XI — начало XX в.): Монография / С.Н. Жаров. — Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2008. — 376 с.

Зайцов А.А. Служба Генерального штаба / А.А. Зайцов; вступ. ст. И.С. Даниленко, В.Я. Мелешин. — Жуковский; М.: Кучково поле, 2003. — 416 с.

Звонарев К.К. Агентурная разведка: русская агентурная разведка до и во время войны 1914—1918 гг. В 2 кн. Кн. 1. / К.К. Звонарев. — М.: Изд. группа «БДЦ-пресс», 2003. — 304 с.

Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914—1920): Организационное строительство / А.А. Зданович. — М.: Издательство «Крафт+», 2004. — 240 с.

Зими́на В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны / В.Д. Зими́на. — Волгоград: Изд-во ВАГС, 1997. — 485 с.

Зими́на В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны. 1917—1920 гг. /

В.Д. Зими́на. — М.: Изд-во Рос. гуманитар. ун-та, 2006. — 467 с.

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе — М.: Мысль, 1983. — 294 с.

Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная (Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны) / В.А. Кадейкин. — Кемерово, 1968. — 560 с.

Какурин Н. Военная история Гражданской войны в России 1918—1920 годов / Н. Какурин, Н. Ковтун, В. Сухов. — М.: Евролинц, 2004. — 320 с.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. / Н.Е. Какурин. — 2-е изд., уточн. — М.: Политиздат, 1990. — 2 т.

Каменев С. Организация в деле разведки/ С. Каменев. — М., 1922. — 16 с.

Катков Н.Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и в тылу белогвардейцев в период 1918—1920 гг. / Н.Ф. Катков. — Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1977. — 168 с.

Кенез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917—1918 / П. Кенез; пер. с англ. К.А. Никифорова. — М.: Центрполиграф, 2007. — 287 с.

Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918—1922 гг.: монография / Н.С. Кирмель. — М.: Кучково поле, 2008. — 512 с.

Кирмель Н.С. Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918—1922 гг.): монография / Н.С. Кирмель. — М.: ВУ, 2007. — 136 с.

Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922. Разведка / Н.С. Кирмель. — М.: Вече, 2013. — 398 с.

Кишин Ю.Я. Войны локальных цивилизаций: история и современность / Ю.Я. Кишин. — Клинцы, 2009. — 664 с.

Коломийцев В.Ф. Методология истории (от источника к исследованию) / В.Ф. Коломийцев. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — 191 с.

Колпакиди А.И. Главный противник. ЦРУ против России / А.И. Колпакиди, О.И. Лемехов. — М.: Вече, 2002. — 381 с.

Колпакиди А. Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки. В 2 кн. Кн. 1 / А. Колпакиди, Д. Прохоров. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 462 с.

Колпакиди А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия / А. Колпакиди, А. Север. — М.: Яуза: Эксмо, 2010. — 768 с.

Кремлев С. Россия и Япония: сравнить! / С. Кремлев. — М.: Яуза, 2005. — 384 с.

Кручинин А.С. «Нужно писать правду...» (Военный историк и писатель А.И. Деникин) // Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. — М.: Айрис-Пресс, 2005. С. 5—92.

Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / Под общ. Ред. А.А. Тараса. — Мн.: Харвест, 1999. — 448 с.

Линдер И.Б. История специальных служб России. X—XX вв. / И.Б. Линдер, С.А. Чуркин. — М.: РИПОЛ-Классик, 2005. — 733 с.

Липкина А.Г. 1919 год в Сибири (Борьба с колчаковщиной) / А.Г. Липкина. — М.: Воениздат, 1962. — 234 с.

Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. / А.Л. Литвин. — М.: Яуза; Эксмо, 2004. — 448 с.

Миронов С.С. Гражданская война в России / С.С. Миронов. — М.: Вече, 2006. — 416 с.

Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт.1917—1920 гг.) / Л.А. Молчанов. — М.: Издатпрофпресс, 2002. — 271 с.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А. Нарочницкая. — М.: Междунар. отношения, 2004. — 536 с.

Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории / Н.А. Нарочницкая. — М.: Вече, 2010. — 352.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири / П.А. Новиков. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 415 с.

Они руководили ГРУ. — М.: Вече, 2010. — 304 с.

Остряков С. Военные чекисты / С. Остряков. — М.: Воениздат, 1979. — 320 с.

Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. / Сост.: А.И. Каменев, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов, А.Е. Савинкин, ред. А.Е. Савинкин. — М.: Военный университет; Русский путь, 2000 — «Российский военный сборник», № 17. — 639 с.

Петров С.П. Упущенные возможности: Гражданская война в Восточно-Европейской части России и в Сибири, 1918—1920 гг. / С.П. Петров. — М.: АИРО-XX, 2006. — 368 с.

Плотников И.Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной ин-

тервенции и Гражданской войны / И.Ф. Плотников. — М.: Мысль, 1968. — 342 с.

Показаньев А.Д. На крутых поворотах: [историко-публицист. кн.] / А.Д. Показаньев. — Благовещенск, 2007. — 168 с.

Политические партии России: история и современность; под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 631 с.

Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы / Ю.А. Поляков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. Кн. 2. — 352 с.

Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время//Антология истории спецслужб. Россия. 1905—1924. — М.: Кучково поле, 2007. — С. 111—410.

Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] — Новосибирск: Наука, 1983 // Дальневосточный форпост: сайт. — Электрон. дан. — [Б. м.] — Режим доступа: <http://dvforpost.su/?p=347>. — Загл. с экрана.

Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917—1922. / И. Симбирцев. — М.: Центрполиграф, 2008. — 382 с.

Системная история международных отношений. 1918—1991. В 4 т. Т. 1. События 1918—1945 / Под ред. А.Д. Богатурова. — М.: Московский рабочий, 2000. — 480 с.

Степанищев А.Т. История: методология научного исследования и преподавания: монография. — М.: ВУ, 2009. — 564 с.

Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны

(1918—1920 гг.) / М.И. Стишов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. — 420 с.

Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918—1929 гг. / А.Г. Тепляков; под ред. Г.А. Бордюгова. — М.: АИРО-XXI, 2007. — 288 с.

Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России / Г.А. Трукан. — М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. — 256 с.

Турло С.С. Шпионаж / С.С. Турло, И.П. Залдат. [Б. м.] ООО «X-History», 2002. — 408 с.

Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен / А.И. Уткин. — М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. — 624 с.

Ушаков А.И. Современная отечественная историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России / А.И. Ушаков. — М.: АИРО-XX, 2004. — 96 с.

Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы / В.Г. Хандорин. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. — 278 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917—1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В.Ж. Цветков. — М., 2008. — 520 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В.Ж. Цветков. — М., 2009. — 636 с.

Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны (1917—1922 гг.) / Ю.Н. Ципкин. — Хабаровск, 2003. — 358 с.

Ципкин Ю.Н. Небольшевистская альтернатива развития Дальнего Востока России в период Гражданской во-

йны (1917—1922) / Ю.Н. Ципкин. — Хабаровск, 2002. — 267 с.

Чита. Город времени. — Изд. 2-е, доп. и перераб.; сост. и ответств. ред. И.Г. Куренная. — Чита: Изд. мастерская «Стиль», 2006. — 360 с.

Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825—1855 гг. / А.Г. Чукарев. — М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. — 704 с.

Шаваев А.Г. Разведка и контрразведка. Фрагменты мирового опыта и теории / А.Г. Шаваев, С.В. Лекарев. — М.: Изд. группа «БДЦ-пресс», 2003. — 544 с.

Шамбаров В.Е. Белогвардейщина / В.Е. Шамбаров. — М.: Изд-во «Эксмо»; изд-во «Алгоритм», 2004. — 640 с.

Щербаков А. Гражданская война. Генеральная репетиция демократии / А. Щербаков. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. — 640 с.

Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга) / Л. Юзефович. — М.: Эллис Лак, 1993. — 272 с.

Andrew C. Secret Service. Her Majesty's Secret Service: The Making of the British Intelligence Community / C. Andrew. — New York: Viking, 1986. — 619 p.

Bredly J.F. Civil War in Russia, 1917—1920 / J.F. Bredly. — London: Batsford, 1975. — 197 p.

Foglesong D.S. Americas Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian civil War, 1917—1920 / D.S. Foglesong. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995. — 386 p.

Goldhurst R. The midnight War: The American Intervention in Russia 1918—1920 / R. Goldhurst. — New York, 1978. — 288 p.

Knightley P. Die Geschichte der Spionage im 20. Jahrhundert. Aufbau und Organisation, Erfolge und Niederlagen der großen Geheimdienste / P. Knightley. — Berlin, 1990. — 416 s.

Madsley E. The Russian Civil War / E. Madsley. — Boston, 1987. — 351 p.

Parrish M. Soviet Security and intelligence Organization, 1917—1990 / M. Parrish. — New York, 1992. — 669 p.

Pipes R. The Russian Revolution 1899—1919 / R. Pipes. — London, The Harvill press, 1990. — 944 p.

Rhoer E. Master Spy. A True Story of Allied Espionage in Bolshevik Russian / E. Rhoer. — New York, 1981. — 260 p.

Roewer H. Skrupellos: Die Machenschaften der Geheimdienste in Russland und Deutschland / H. Roewer. — Leipzig, 2004. — 750 s.

Rothstein A. When Britain invaded Soviet Russia: the consul who rebelled / A. Rothstein. — London: Journeyman Press, 1979. — 140 p.

Sayers M. The Great Conspiracy. The Secret War against Soviet Russia / M. Sayers, A. Kahn. — Boston: Brown & Co, 1946. — 433 p.

Smele J. Civil War in Siberia. The antibolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918—1920 / J. Smele. — Cambridge, 1996. — 759 p.

Yost G. The KGB: the Russian Secret Police from the Days of the Tsars to the Present / G. Yost. — New York, 1989. — 152 p.

б) Учебная литература

Воронцов С.А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации: история и современ-

ность / С.А. Воронцов. — Ростов н/Д.: Феникс, 1999. — 704 с.

История России XX — начало XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. — М.: Эксмо, 2006. — 960 с.

История России (Гражданская война в России, 1917—1922): учеб.-методич. модуль; отв. ред. С.В. Карпенко; М-во обр. и науки Рос. Федерации. Рос. Гос. Гуманитарный ун-т. — М.: Изд-во Ипполитова, 2004. — 416 с.

История советских органов государственной безопасности [Электронный ресурс]: учебник; редкол.: В.М. Чебриков и [др.] — М.: ВКШ КГБ при СМ СССР, 1977. // FAS.HARVARD.EDU: сайт факультета гуманитарных наук Гарвардского ун-та. — Электрон. дан. — [Cambridge], [200—]. — Режим доступа: <http://www.fas.harvard.edu/~hpcws/documents.htm>. Adobe Reader 9.1. — Загл. с экрана.

Методология истории: учеб. пособие для студ. вузов; гуманитар.-экономич. негос. ин-т Респ. Беларусь; Белорус. ветвь Ассоц. «История и компьютер» / А.Н. Нечухрин, В.Н. Сидорцов, О.М. Шутова и др.; под ред. А.Н. Алпеева [и др.]. — Мн.: НТООО «ТетраСистемс», 1996. — 240 с.

Отечественная история: учебник; под ред. А.П. Волкова. — М.: Военный ун-т, 2004. — 463 с.

Пугачев В., Соловьев А. Введение в политологию [Электронный ресурс] Библиотека Гумер: электронная библиотека. — Электрон. дан. — [Б. м.] — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Pugach/22.php. — Загл. с экрана.

Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России (1917—1922 гг.): учеб. пособие / В.П. Слободин. — М.: МЮИ МВД России, 1996. — 80 с.

Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.И. Смоленский. — М.: Изд. центр «Академия», 2007. — 272 с.

Щетинов Ю.А. История России. XX век / Ю.А. Щетинов. — М.: Манускрипт, 1995. — 312 с.

в) Статьи в сборниках

Буяков А.М. Особое отделение колчаковской армии / А.М. Буяков // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки: материалы науч. конф. в Челябинске 19—20 апреля 2002 г. — М., 2003. — С. 153—155.

Васильев И.И. Защита военных и государственных секретов в России до начала XX в. / И.И. Васильев, А.А. Зданович // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. — М., 2007. — Т. 3. — С. 131—173.

Васильев И.И. Спецслужбы в зеркале социологии / А.А. Зданович, И.И. Васильев // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. — М.: Кучково поле. Т. 1. 2006. — С. 25—50.

Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы / А.В. Ганин; Российская академия наук; Институт славяноведения. — М.: Русский путь, 2013. — 880 с.

Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны Белого движения Сибири (1918—1919 гг.) / Н.В. Греков // Известия Омского краеведческого музея. 1997. — № 5. — С. 209—221.

Греков Н.В. Формирование контрразведывательной службы адмирала Колчака / Н.В. Греков // История «белой» Сибири: тез. науч. конф. — Кемерово, 1997. — С. 59—61.

Звягин С.П. Правовое регулирование отношений государственной охраны с другими правоохранительными органами при Колчаке / С.П. Звягин // История «белой» Сибири: тезисы науч. конференции. Кемерово, 1995. С. 83—85.

Кирмель Н.С. Контрразведывательные органы белогвардейских правительств и армий / Н.С. Кирмель // Белое дело. 2 съезд представ. печат. и электрон. изд.; Рез. и матер. науч. конф. «Белое дело в Гражданской войне в России, 1917—1922 гг.». — М., 2005. — С. 15—33.

Ларьков Н.С. Томская «охранка» в период колчаковщины / Н.С. Ларьков // История белой Сибири: тез. 4-й научн. конф. 6—7 февраля 2001 г. — Кемерово, 2001. — С. 185—188.

Леонов С.В. Государственная безопасность Советской Республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны (1917—1922 гг.) / С.В. Леонов // Государственная безопасность России: история и современность; под общ. ред. Р.Н. Байгузина. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — С. 333—424.

Леонов С.В. История советских спецслужб 1917—1938 гг. в новейшей историографии (1991—2006) / С.В. Леонов // Материалы научной конференции (круглого стола) «Современная историография и источниковедение истории отечественных органов госбезопасности (от Ф.Э. Дзержинского до Ю.В. Андропова). Тенденции развития. Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. — М., 2007. — Т. 3. — С. 11—63.

Поляков Ю.А. Гражданская война: начало и эскалация / Ю.А. Поляков // Гражданская война в России: перекресток мнений. — М., 1994. — С. 40—54.

Перегудова З.И. Политическая полиция России накануне и в годы Первой мировой войны // Государственная безопасность России: история и современность. М.: РОС-СПЭН, 2004. — С. 150—306.

Цветков В.Ж. Новые источники и историографические подходы в изучении Белого движения в России / В.Ж. Цветков // Гражданская война на Востоке России. Материалы научной конференции в Челябинске 19—20 апреля 2002 г. — М., 2003. — С. 10—22.

Цветков В.Ж. Разведка и контрразведка белогвардейских правительств. 1918—1922 годы / В.Ж. Цветков // Исторические чтения на Лубянке. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX в. 1922 год. — М.; Великий Новгород, 1999. — С. 101—108.

Ципкин Ю.Н. Белое движение в Сибири и на Дальнем Востоке в современной российской исторической литературе / Ю.Н. Ципкин // История «белой» Сибири: тез. 4-й науч. конф. — Кемерово, 2001. — С. 13—18.

Ципкин Ю.Н. Белогвардейские спецслужбы против коммунистического подполья на Дальнем Востоке в 1921—1922 гг. / Ю.Н. Ципкин // Материалы 57-й научной конференции преподавателей и аспирантов ДВГГУ, сотрудников Гродековского музея, секция «Актуальные проблемы истории Дальнего Востока России». Т. 1. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2011. С. 72—93.

Ямпольский В.П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918—1945) / В.П. Ямпольский // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М., 2006. — С. 174—193.

д) Статьи в периодических изданиях

Авдошкина О.В. Диктатура М.К. Дитерикса и крах дальневосточной контрреволюции / О.В. Авдошкина // Вопросы истории. 2007. — № 11. — С. 111—120.

Белоусов Г. Оперативная игра / Г. Белоусов // Восточно-Сибирская правда. — 2002. — 24 апр.

Варламова Л.Н. Первые попытки централизованного руководства белыми формированиями на территории Урала и Сибири в 1918 г. / Л.Н. Варламова // Белая гвардия. — 2001. — № 5. — С. 11—16.

Варламова Л.Н. Аппарат военного управления Всероссийского временного правительства А.В. Колчака. 1919 г. / Л.Н. Варламова // Белая гвардия. — 2001. — № 5. — С. 17—25.

Вязьмитинов М.Н. Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905—1907 гг. / М.Н. Вязьмитинов // Военно-исторический журнал. — 1995. — № 1. С. 89—93.

Ганин А. Враздробь, или Почему Колчак не дошел до Волги / А. Ганин // Родина. — 2008. — №3. — С. 63—74.

Голоскоков И.В. Под оперативным псевдонимом «Павлов» / И.В. Голоскоков // Оперативник (сыщик). — 2005. — № 3 (4). — С.23—27.

Голуб П.А. «Колчакия» / П.А. Голуб // Советская Россия. — 2005. — № 142.

Исповедников Д.Ю. Освещение дальневосточного приграничья разведкой штаба Иркутского военного округа (1918—1919 гг.) / Д.Ю. Исповедников // Новый исторический вестник. — 2012. — № 34 (4). — С. 48—57.

Кирмель Н.С. Кадры белогвардейских контрразведок: проблемы подбора и расстановки / Н.С. Кирмель // Клио. — 2006. — № 4 (35). — С. 197—203.

Кирмель Н.С. Борьба органов колчаковской контрразведки с военным и политическим шпионажем (1918—1919 гг.) / Н.С. Кирмель // Вестник Военного университета. — 2007. — № 1. — С. 108—115.

Кирмель Н.С. Контрразведка Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке / Н.С. Кирмель // Вопросы истории. — 2008. — № 12. — С. 91—98.

Кирмель Н.С. Документы спецслужб белогвардейских правительств и армий 1918—1922 гг. в федеральных архивах / Н.С. Кирмель // Отечественные архивы. — 2008. — № 3. — С. 55—64.

Корнева Е.А. Контрразведка А.В. Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск / Е.А. Корнева // Новый исторический вестник. — 2000. — № 1 (1). — С. 63—77.

Корнева Е.А. Министерство охраны государственного порядка КОМУЧа: создание и деятельность (1918 г.) / Е.А. Корнева // Новый исторический вестник. 2004. — № 2 (11). — С. 139—149.

Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны — летом 1918 г. / Н.С. Ларьков // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. — 1996. — № 2. — С. 24—30.

Репников А.В., Гребенкин И.Н. Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. — 2010. — № 4. — С. 25—40.

Седунов А.В. «Белые террористы» на Северо-Западе России в 1920—1930-е годы / А.В. Седунов // Псков. — 2012. — №36. — С. 157—171.

Сысоев Н. Жандармский корпус России / Н. Сысоев // На боевом посту. — 1993. — № 10.

Цветков В. Государственная стража Екатеринославской губернии в борьбе с повстанческим движением в Новороссии (август — начало октября 1919 г.) / В. Цветков // Белая гвардия. — 1997/2000. — № 1. — С. 18—23.

Цветков В.Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917—1922 годах / В.Ж. Цветков // Вопросы истории. 2001. — № 10. — С. 121—135.

Цветков В.Ж. Белое движение в России. 1917—1922 гг. / В.Ж. Цветков // Вопросы истории. — 2000. — № 7. — С. 56—74.

Ципкин Ю.Н. Белогвардейские спецслужбы против коммунистического подполья на Дальнем востоке в 1918—1920 гг. / Ю. Ципкин // История государства и права. — 2011. — № 13. — С. 10—14.

Шишкин В.И. Особый отдел управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства (май—декабрь 1919 г.) / В.И. Шишкин // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2012. Т. 11. Вып. 8. С. 63—81

е) Статьи на интернет-сайтах

Алексеев И. «Кадровый вопрос» в Казанском губернском жандармском управлении накануне февральской революции 1917 г. [Электронный ресурс] / И.Алексеев // Русская народная линия: сайт. Электрон. дан. — [Б. м.] — Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/08/kadrovyy_vopros_v_kazanskom_gubernskom_zhandarmskom_upravlenii_nakanune_fevralskoj_revoljucii_1917_g — Загл. с экрана.

Аманжолова Д. Национальный вопрос в годы Гражданской войны в России [Электронный ресурс] / Д. Аманжолова // HIS.1SEPTEMBER.RU: Электрон. дан. — Режим

доступа: <http://his.1september.ru/2003/19/1.htm> — Загл. с экрана.

Кирмель Н.С. Разведывательные и контрразведывательные органы Белой армии. 1918—1920 гг. [Электронный ресурс] / Н.С. Кирмель // Военно-исторический журнал. — 2006. — № 1 (Интернет-приложение). — Электрон. журн. — [М.], 2006. — Режим доступа: <http://www.mil.ru/info/1068/11278/11845/25231/15824/11842/index.shtml> — Загл. с экрана.

Корнева Е.А. Военная контрразведка при Колчаке [Электронный ресурс] / Е.А. Корнева // РГГУ: [сайт]. — Электрон. дан. — [М.], [200—]. — Режим доступа: http://liber.rsuh.ru/Conf/Russia_XX/korneva.htm — Загл. с экрана.

Мышанский А.А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины [Электронный ресурс] / А.А. Мышанский // Гражданская война на Востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. С. 109—136. // ZAIMKA.RU: электронный журнал. — Электрон. дан. — [Б.м.], 2002. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/02_2002/myshansky_whiteregime — Загл. с экрана.

6. ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АВТОРЕФЕРАТЫ

Бандурка В.Б. Белое движение в Приморье (1920—1922 гг.): историческое исследование: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Бандурка Владислав Борисович. — М., 2004. — 248 с.

Варламова Л.Н. Военное управление правительства Колчака: попытки сохранения имперских традиций: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Варламова Людмила Николаевна. — М., 1999. — 395 с.

Воронов В.Н. Вооруженные формирования на территории Сибири в период Гражданской войны и военной интервенции: дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.02 / Воронов Виталий Николаевич. — М., 1999. — 563 с.

Кирмель Н.С. Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906—1917 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02/Кирмель Николай Сергеевич. — Иркутск, 2000. — 211 с.

Кирмель Н.С. Деятельность спецслужб белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России. 1918—1922 гг.: дис. ...докт. ист. наук: 07.00.02 / Кирмель Николай Сергеевич. — М., 2009. — 494 с.

Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918—1920 гг.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Никитин Алексей Николаевич. — М., 2007. — 45 с.

Рец А.А. Формирование и функционирование органов контрразведки, военного контроля, МВД антибольшевистских правительств Сибири (1918—1920 гг.): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Рец Александр Александрович. — М., 2006. — 276 с.

Трофимов В.К. Истоки и сущность российского национального менталитета (социально-философский аспект): автореф. дис. ...д-ра философ. наук: 09.00.11 / Трофимов Валерий Кириллович. — Екатеринбург, 2001. — 43 с.

Ушаков А.И. Антибольшевистское движение в годы Гражданской войны в России. Отечественная историо-

графия: автореф. дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.09 / Ушаков Александр Иванович. — Казань, 2004. — 43 с.

Хутарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913—1917 гг.: дисс.... канд. ист. наук: 07.00.02 / Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович. — М., 2012—369 с.

Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны: автореф. дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.02 / Шевелев Дмитрий Николаевич. — Томск, 2012. — 47 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел 1. КОНТРАРАЗВЕДКА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА: ЗАДАЧИ, ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	35
Раздел 2. ПОДБОР, РАССТАНОВКА И ПОДГОТОВКА КАДРОВ	92
Раздел 3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	245
ПРИЛОЖЕНИЯ	251
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	288

Научно-популярное издание

Военный архив

Кирмель Николай Сергеевич

Хандорин Владимир Геннадьевич

КАРАЮЩИЙ МЕЧ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 18.12.2014. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 10. Тираж 1500 экз. Заказ № 2560.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

ВОЕННЫЙ АРХИВ

В годы Гражданской войны борьба с идеологическим противником велась не только на фронте, но и в тылу. Эта книга расскажет об организации, структуре и деятельности колчаковской контрразведки и государственной охраны Департамента милиции МВД. Авторы уделили большое внимание кадровому потенциалу этих структур, биографические сведения о многих руководителях губернских управлений государственной охраны приводятся впервые. Возглавляемые бывшими жандармскими офицерами структуры являлись надежной опорой колчаковского режима. С момента создания и до поражения белых армий в Сибири они результативно боролись с большевистским подпольем и эсеровскими организациями, квалифицированно изучали настроения широких народных масс, информировали руководство о причинах недовольства политикой властей различных слоев населения.

Работа рассчитана на читателей, интересующихся историей Гражданской войны, Белого движения и отечественных спецслужб.

ISBN 978-5-4444-2626-5

9 785444 426265

